

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Кафедра всеобщей истории

О.И. Лисицына

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ

Хрестоматия

для студентов 2 курса очной формы обучения
направления подготовки 46.04.01 История
программы магистратуры «История этнокультурных
и межконфессиональных отношений»

ТВЕРЬ 2025

УДК 94(470)(075.8)
ББК ТЗ(2)-37я73-3
Л 63

Автор-составитель:

Лисицына Ольга Игоревна – кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Рецензенты:

Захарова Анна Александровна – кандидат исторических наук,
учитель Горчаковского лицея МГИМО МИД РФ.

Потамская Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Л63 Лисицына О.И.

Религиозный плюрализм и веротерпимость: хрестоматия для студентов 2 курса очной формы обучения направления подготовки 46.04.01 История программы магистратуры «История этнокультурных и межконфессиональных отношений». / – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2025. – 165 с.

ISBN 978-5-7609-20-30

Хрестоматия по дисциплине «Религиозный плюрализм и веротерпимость» представляет собой учебное издание, содержащее фрагменты текстов исторических источников для анализа в рамках практических занятий, а также аннотации к разделам, пояснения к текстам, контрольные вопросы и методические рекомендации для студентов по осуществлению самостоятельной работы и подготовке к практическим занятиям по одноименной дисциплине. Кроме того, издание содержит основную информацию по дисциплине в соответствии с актуальными требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и рабочей программой дисциплины, включает в себя цель и задачи освоения дисциплины, место дисциплины в структуре ООП, ее объем, планируемые результаты обучения по дисциплине. Хрестоматия предназначена для студентов 2 курса очной формы обучения направления подготовки 46.04.01 История программы магистратуры «История этнокультурных и межконфессиональных отношений».

Печатается по решению кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (протокол № 11 от 15.05.2024) и ученого совета исторического факультета ФГБОУ ВО (протокол № 3 от 27.12.2024).

На основании решения учебно-методического совета ТвГУ присвоить учебному изданию Лисицыной О.И. «Религиозный плюрализм и веротерпимость» гриф учебно-методического совета ТвГУ «Рекомендовано учебно-методическим советом ТвГУ» (протокол заседания № 2 от 19 февраля 2025 г.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-7609-20-30

© Лисицына О.И., 2025

© Тверской государственный университет, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.....	4
РАЗДЕЛ 1. Пределы религиозной терпимости в Древнем мире.....	7
РАЗДЕЛ 2. Утверждение идеи религиозной нетерпимости в западном христианстве.....	28
РАЗДЕЛ 3. Формирование идеи светского государства в позднее средневековье.....	38
РАЗДЕЛ 4. Идея межконфессиональной общности в эпоху Возрождения.....	54
РАЗДЕЛ 5. Инклюзивистский и эксклюзивистский потенциал кальвинистской доктрины.....	78
РАЗДЕЛ 6. Взгляды на проблему веротерпимости в религиозно-философской мысли XVII века.....	100
РАЗДЕЛ 7. Идеи веротерпимости и свободы совести в философской мысли эпохи Просвещения.....	132
РАЗДЕЛ 8. Эволюция позиции католической церкви в отношении идей религиозного разнообразия, веротерпимости и свободы совести в XIX–XX веках.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	163
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	164

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

В представленном учебном издании (хрестоматии) собраны документальные материалы для практической работы студентов 2 курса магистратуры направления 46.04.01 История (профиль «История этнокультурных и межконфессиональных отношений») в рамках дисциплины «Религиозный плюрализм и веротерпимость».

Цель издания – обеспечение эффективной подготовки студентов к практическим занятиям и промежуточной аттестации по дисциплине. Хрестоматия состоит из восьми разделов, соотносящихся с основными темами (разделами) дисциплины. Количество разделов соответствует количеству часов, отведенных на практические занятия по дисциплине, и обусловлено учебным планом по направлению 46.04.01 История.

Разделы хрестоматии включают в себя фрагменты текстов исторических источников соответствующего периода. Каждый фрагмент источникового материала сопровождается пояснительной запиской, содержащей необходимую для более полного понимания содержания информацию о месте и времени создания текста, об авторстве и об историческом контексте его возникновения, а также электронной ссылкой и QR-кодом для перехода к полнотекстовой версии документа. Также каждый раздел содержит методические указания для студентов по подготовке к практическим занятиям и перечень вопросов для самоконтроля.

Структура и содержание данного пособия, объем и выборка представленных в нем фрагментов источников обусловлены логикой и содержательным наполнением курса. Темы разделов соответствуют темам практических занятий и сформулированы таким образом, чтобы гармонично дополнять лекционный материал. Каждый раздел соотносится с содержанием дисциплины, структурированным по темам (разделам).

Дисциплина «Религиозный плюрализм и веротерпимость» реализуется в соответствии с учебным планом направления подготовки магистров 46.04.01 История (профиль «История этнокультурных и межконфессиональных отношений»).

Цель освоения дисциплины – сформировать у студентов систему представлений о развитии идей религиозной терпимости в странах Запада с древности и до наших дней.

Задачи дисциплины:

– сформировать у студентов понимание общих тенденций развития идей веротерпимости и свободы совести в контексте всеобщей истории;

– выявить основные этапы утверждения религиозного плюрализма и веротерпимости в странах Европы и США;

– продемонстрировать нелинейность развития западных обществ на пути к религиозной терпимости и плюрализму;

– охарактеризовать наиболее значимые философские, политические и религиозные концепции, поднимающие проблемы веротерпимости и религиозной свободы;

– сформировать у студентов навык экспертно-аналитической деятельности, направленной на сохранение межнационального и межрелигиозного согласия;

– научить студентов применять исторический опыт в решении проблем межконфессиональных отношений;

– сформировать у студентов активную жизненную и профессиональную позицию в вопросах изучения и сохранения культурного многообразия;

– сформировать у студентов навык создания и обеспечения недискриминационной среды для участников межкультурного взаимодействия при личном общении и при выполнении профессиональных задач.

Дисциплина входит в часть, формируемую участниками образовательных отношений, изучается на 2 курсе (3 семестр). Объем дисциплины: 3 зачетные единицы, 108 академических часов, в том числе: контактная аудиторная

работа: лекции – 22 часа, семинарские (практические) занятия – 22 часа; контактная внеаудиторная работа: контроль самостоятельной работы – 11 часов; самостоятельная работа – 53 часа.

Планируемые результаты обучения по дисциплине, соотнесенные с планируемыми результатами освоения образовательной программы:

Планируемые результаты освоения образовательной программы (формируемые компетенции)	Планируемые результаты обучения по дисциплине
УК-5 Способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия	УК-5.3. Обеспечивает создание недискриминационной среды для участников межкультурного взаимодействия при личном общении и при выполнении профессиональных задач
УК-6 Способен определять и реализовывать приоритет собственной деятельности и способ ее совершенствования самооценки на основе самооценки	УК-6.2. Определяет образовательные потребности и способы совершенствования собственной (в т.ч профессиональной) деятельности на основе самооценки
ПК-5 Способен к осуществлению экспертно-аналитической деятельности, направленной на сохранение этнокультурного многообразия, межнационального и межрелигиозного согласия	ПК-5.2. Использует ратифицированные международные документы, федеральные и региональные нормативные правовые акты в области гарантий и обеспечения прав и свобод человека, включая этнические и религиозные меньшинства.
	ПК-5.3. Владеет навыками общения в поликультурной среде.

РАЗДЕЛ 1. Пределы религиозной терпимости в Древнем мире

Данный раздел посвящен проблеме религиозной терпимости и ее пределов в античном мире. Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать фрагменты текста источника, самостоятельно выделив основные проблемы для обсуждения в ходе занятия. Специфика и важность приведенного ниже текста заключается в том, что он наиболее комплексно отражает взгляды на религиозные вопросы, характерные как для древнегреческой, так и для древнеримской культуры, ведь основные действующие лица произведения – реальные исторические личности, римские граждане, которые при этом являются приверженцами основных древнегреческих философских школ.

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН «О ПРИРОДЕ БОГОВ»

Пояснения к тексту

Ниже приведены выдержки из трактата римского политика, оратора и философа Марка Туллия Цицерона (106-43 гг. до н.э.) «О природе богов», который представляет собой развернутый и всесторонний обзор взглядов представителей различных школ античной философии на вопросы существования, сущности и характера трансцендентного. Данное произведение дошло до нас полностью и позволяет составить комплексное представление об эволюции античной философии религии от ее истоков до времени жизни самого Цицерона.

Трактат состоит из трех книг. Главными участниками беседы о богах выступают эпикуреец Веллей, стоик Бальб и академик Котта. Все они – реальные исторические лица и современники Цицерона. О Веллее и Бальбе на сегодняшний день известно очень немного и преимущественно из сочинений самого же Цицерона. Веллей в 90 г. до н. э. занимал должность народного трибуна, был другом оратора Красса и одним из видных римских эпикурейцев. Луцилий Бальб, как и сам Цицерон, был учеником известного в Риме юриста и понти-

фика Квинта Муция Сцевола. Он оценивается Цицероном как человек «ученый и образованный» и ставится им в один ряд с крупнейшими греческими стоиками. Об Аврелии Котте известно больше. Он родился в 124 г. до н. э. В 90 г. до н. э. изгнан из Рима, а в 82 г. до н. э. возвращен назад Суллой. Впоследствии избирался понтификом и в 75 г. до н. э. – консулом. Умер Котта в 74 г. до н. э. во время проконсульской службы в Галлии. Очевидно, что именно Котта изображен в трактате самым умелым оратором и критиком. Характерно, что каждый персонаж у Цицерона имеет не только свою биографию, но и свое лицо, свой темперамент, свои достоинства и недостатки; их речь не академична, а довольно близка к разговорной, что способствует вовлечению читателя в разворачивающуюся религиозно-философскую полемику.

В данном сочинении действие происходит примерно в 75 г. до н. э. в Риме, в доме Котты, в дни Латинских праздников. Среди гостей Котты присутствует и сам Цицерон. Но он, как явствует из его же слов, выступает в роли только слушателя и не участвует в споре сторон, оставляя за собой право свободно решать, кто из спорящих окажется ближе к истине. От своего собственного лица Цицерон говорит только во вступлении и самом конце трактата.

Приведенный ниже фрагмент представляет собой выдержки из первой и второй книги трактата, позволяющие выявить основные взгляды каждого оратора на «природу богов» и проследить их аргументацию.

Фрагменты текста

Цицерон (от автора)

I. (1) Как ты, Брут, прекрасно знаешь, много еще есть в философии вещей, до сих пор не получивших достаточного объяснения, а в особенности трудным и темным является вопрос о природе богов, вопрос, который в высшей степени и для познания духа важен, и для устройства религии необходим. По этому вопросу учеными мужами были высказаны столь различные и столь противоречивые мнения, что это уже само по себе должно служить сильным аргументом в пользу того мнения, что причиной и началом философии

должно быть незнание. И мудро поступают академики, которые воздерживаются выражать одобрение вещам сомнительным. Ведь, что может быть постыднее недомыслия? Что безрассуднее? Что недостойнее твердости и постоянства мудрого мужа, чем придерживаться ложного, или, ничуть не сомневаясь, защищать то, что недостаточно исследовано и продумано?

(2) Так и в этом вопросе. Большинство думает, что боги существуют, — это ведь и правдоподобнее, и сама природа всех нас к этому приводит. Однако Протагор сомневался, а Диагор Мелосский и Феодор из Кирены считали, что вовсе нет никаких богов. А те, которые признавали существование богов, настолько расходятся в суждениях, что все их мнения даже трудно перечислить. Многие говорят и о наружности богов, и об их местопребывании, и образе жизни, и обо всем этом между философами величайшее разногласие в спорах. Главное же в этом вопросе: живут ли боги в полном бездействии, ни во что не вмешиваясь, совсем не заботясь о мире и об управлении им, или, напротив, они с самого начала и все сотворили, и установили, и всем в мире до бесконечного времени управляют, и все приводят в движение. Вот о чем особенно велико расхождение во мнениях; и если все это не рассудить, то неизбежно пребывать людям в крайнем заблуждении и невежестве относительно вещей наиважнейших.

II. (3) Есть и были ранее философы, которые считают, что боги совершенно не пекутся о человеческих делах. Если их мнение истинно, то какое может быть благочестие? Какая набожность? Какая религия? Ибо все то, что должно быть чисто и свято воздаваемо богам, имеет смысл, если только они замечают это и если есть роду человеческому от бессмертных богов некое воздаяние. Если же боги и не могут нам помочь, и не хотят, и совсем не пекутся о нас, и не обращают внимания на то, что мы делаем, и если с их стороны не может быть никакого влияния на жизнь человеческую, то для чего нам воздавать бессмертным богам какое-то поклонение, почести, обращаться к ним с молитвами?

Как другие добродетели, так и благочестие не может состоять только во внешних лицемерных проявлениях. А если не будет благочестия, то вместе с тем неизбежно исчезнут и набожность, и религия. Если же и эти исчезнут, то последует великий переворот всей жизни и великое смятение (4), и, пожалуй, с исчезновением благочестия к богам не устранился ли так же вера и человеческое сообщество, и самая совершенная из всех добродетелей – справедливость.

Есть и иные философы, и притом великие и благородные, которые полагают, что весь мир умом и рассудком богов руководится и управляется, и что, мало того, жизнь людей так же богами предвидится и опекается. Ибо эти философы считают, что и плоды земные, и остальное, что земля порождает, и изменения погоды, и смену времен года, и перемены в небе, от которых зависит рост и созревание того, что родит земля, – все это бессмертные боги производят для рода человеческого. И они (о чем будет еще сказано в этих моих книгах) приводят в качестве доводов много такого, что порой, кажется, будто боги бессмертные все устроили [намеренно] на потребу людям <...>

V. (10) Но те, которые спрашивают, что я сам думаю о том или ином предмете, проявляют любопытства более, чем следует. Ведь при обсуждении следует, конечно, больше придавать значения силе доказательств, чем авторитету. Так что, по большей части, желающим научиться авторитет учителя приносит даже вред, потому что они перестают сами рассуждать и считают бесспорными только суждения того лица, которого они почитают. Я не одобряю того, что известно о пифагорейцах, которые, когда что-то утверждают при обсуждении и при этом у них спросишь: «Почему так?» – обычно отвечают: «Сам сказал!». «Сам» – это значит – Пифагор. Столь великой оказалась сила предвзятого мнения, что авторитет стал действовать даже без доказательств.

Веллей (эпикурец)

<...> Какими глазами смог увидеть ваш Платон мастерство бога в столь великом деле? Какова была подготовка к этому делу сооружения вселенной? Какими орудиями бог пользовался? Какими рычагами? Какие применял ма-

шины? Кто были богу помощниками в столь великом сооружении? Каким образом мог ли слушаться и повиноваться воле зодчего воздух, огонь, вода, земля? И откуда произошли те пять форм, из которых образовалось все остальное, которые, удачно сочетаясь, производят душу и порождают ощущения? Долго бы пришлось говорить об этих вещах, более похожих на желаемое, чем на открытое разумом. (20) Но вот, что у Платона заслуживает наградного венка: он, утверждавший будто вселенная не только возникла, но почти сделана рукой, говорит так же, что она, эта вселенная, будет существовать вечно! Можно ли видеть в нем человека, который, как говорится, хотя бы чуть-чуть отхлебнул от естествознания, если он утверждает, что нечто, однажды родившееся, может быть вечным? Есть ли такое соединение, которое никогда не распадается? Или разве есть что-нибудь, имеющее некое начало, но не имеющее никакого конца? Если ваша Проноя, Луцилий, такова же, как бог Платона, то я задаю тебе те же вопросы, какие только что задавал: о помощниках, машинах, об организации и подготовке всего этого великого дела. Если же Проноя нечто иное, то почему она создала мир смертным, а не вечным, каким его сделал бог Платона?

IX. (21) Наконец, от обоих вас я хотел бы узнать, почему создатели мира внезапно проснулись, после того, как проспали бесчисленные века? Ведь, если не было никакого мира, века-то были? <...> (22) Вот я и спрашиваю тебя, Бальб, почему ваша Проноя в течение этого огромного промежутка времени медлила? Труда избегала? Но к божеству ведь это не относится. Какой труд, если все стихии повиновались божеству – небо, огонь, земля, моря? И что могло возбудить в боге, словно в эдипе, столь сильное желание украсить вселенную звездами и светилами? Если для того, чтобы ему самому стало уютнее жить, то до этого он, видимо, в течение бесконечного времени жил в потемках, точно в лачуге какой-то. <...> (23) Или, как вы обычно говорите, бог все это устроил ради людей? Ради мудрецов? В таком случае он затратил столь много усилий для [весьма] малого числа людей. Или для глупцов? Но, во-первых, не было у бога оснований оказывать добрую услугу недостойным людям <...>

Далее, Анаксагор... первый из всех утверждал, что устройство и движение вещей обусловлены и совершаются силою и рассуждением бесконечного ума. При этом он не понял ни того, что в бесконечном не может быть никакого непрерывного и связанного с чувством движения и вместе с тем способности чувствовать, ни того, что вообще не может быть никакого чувства, с помощью которого сама природа ощущала бы внешнее воздействие. Далее, если Анаксагор представлял себе этот “ум”, как некое одушевленное существо, то должно быть внутри него нечто такое, отчего оно может быть называемо одушевленным. Но что может быть внутри ума?

Итак, он должен быть облеченным во внешнее тело. (27) Но так как это [Анаксагору] не угодно, то остается ничем не прикрытый, простой ум, не связанный ни с чем, посредством чего он мог бы ощущать. Наш разум, как мне кажется, этого не в состоянии понять.

А Алкмеон из Кротона, который приписал солнцу и луне, и остальным звездам, и, кроме того, душе божественность, не подумал о том, что он приписал смертным вещам бессмертие. И Пифагор, полагавший, что есть охватывающая всю природу и проникающая во все ее части душа, из которой берутся и наши души, не видел, что бог, от которого отрываются человеческие души, этим самым раздирается на части, подвергается растерзанию. А когда человеческие души бывают несчастны, что случается с весьма многими, то, значит, несчастной бывает часть бога, а этого быть не может. (28) И почему бы душе человеческой не быть всеведущей, если бы она была богом? И еще, каким образом, этот бог, если он не что иное, как душа, был всажен или влит в мир?

ХII. (29) Эмпедокл, погрешающий во многом другом, позорнейшим образом ошибается также, рассуждая о богах. Ибо он считает четыре стихии, из которых, по его мнению, состоит все, божественными. Но ведь ясно, что они, стихии, возникают и исчезают и лишены всякого чувства. И Протагор, который заявил, что у него нет совсем никакой ясности в вопросе о богах – есть они или нет их, и каковы они, – по-видимому, также испытывал сомнения относительно самой

природы богов. А Демокрит, включавший в число богов то разгуливающие кругом «образы», то ту природу, которая эти образы источает из себя и испускает, то наше знание и разумение, разве не впал в величайшую ошибку? А утверждая, что нет ничего вечного, так как ничто не остается всегда в одном состоянии, разве этим самым Демокрит не уничтожает совершенно бога, так что о нем и мнения никакого не остается? А воздух, который Диоген из Аполлонии использовал в качестве бога, какое воздух может иметь чувство? Какой облик, приличествующий богу?

(30) Слишком долго было бы говорить о непоследовательности Платона, который в «Тимее» утверждает, что отца этого мира невозможно назвать, а в «Законах» – что не следует и доискиваться, что такое бог. <...> Но тот же Платон в «Тимее» и «Законах» говорит, что и вселенная – бог, и небо, и звезды, и Земля, и души наши, и те божества, которых мы признаем по установлению наших предков, каковы мнения и сами по себе ложны, и между собой вступают в сильнейшие противоречия.

(31) Так же и Ксенофонт грешит почти тем же, хотя и менее многословно. Ибо в своих книгах, где он излагает беседы Сократа, Ксенофонт заставляет Сократа говорить, что не следует доискиваться, каков облик бога, и что и солнце и душа – это бог, и то он говорит об одном боге, то о многих. Это те же самые ошибки, которые мы указали у Платона.

XIII. (32) Да и Антисфен в той книге, которая называется «Физик», утверждая, что народных богов много, но природный только один, уничтожает этим самым силу и природу богов. <...> И Аристотель в третьей книге «О философии» много напутал, не расходясь во мнениях со своим учителем. Ибо он то приписывает всю божественность разуму, то говорит, что сам мир – это бог, то ставит во главе мира кого-то другого и возлагает на него обязанность неким своим круговращением направлять и сохранять движение мира; то он называет богом небесный огонь, не понимая, что небо – это только часть мира, который он в другом месте сам же назначил богом. Но каким же образом небо при такой скорости вращения может сохранить божественное самочувствие?

И потом, где находятся эти столь многочисленные боги, если и небо считать богом? Если же он считает, что бог не имеет тела, то этим он лишает его всякого чувства, как и мудрости <...>

XV. (38) А Персей, слушатель того же Зенона, говорит, что богами стали признавать людей, которые придумали нечто очень полезное для украшения жизни.

(39) А уж Христипп <...> Он уверяет, что бог – это главная сущность мира, которая заключается в уме и разуме, которая все совокупно содержит в себе и все охватывает и проникает. А еще он говорит, что бог – это фатальная сила и необходимость будущих событий. Кроме того, он уверяет, что бог – это огонь и то, что я раньше назвал, – эфир. Затем все то, что по природе своей может течь и распространяться, <...> а еще – люди, достигшие бессмертия.

(40) Он же утверждает, что эфир – это то, что люди называют Юпитером, а тот воздух, что распространяется над морями, – это Нептун. А земля – это то, что называется Церерой. Подобным образом он толкует имена и остальных богов. Он еще говорит, что сила постоянного и вечного закона, которая как бы является руководителем жизни и наставником в обязанностях, – это Юпитер, а также называет Юпитером фатальную необходимость и извечную истинность будущих событий. Во всем этом, однако, нет ничего такого, в чем мы могли бы видеть наличие божественной силы. (41) Эти все утверждения можно прочитать в его первой книге о природе богов. Во второй же книге он пытается побасенки Орфея, Мусея, Гесиода и Гомера согласовать с тем, что он сам написал в первой книге о бессмертных богах, согласовать так, что может показаться, будто эти древнейшие поэты, сами того не подозревая, были стойками <...>

XVI. (42) То, что я изложил, – это скорее похоже на бред безумцев, чем на мнения философов, но не на много ведь безрассуднее и то, что распространили голоса поэтов и причинили тем больший вред, чем пленительней их язык. Ибо они вывели богов воспламененных гневом и безумствующих от похоти,

заставили нас увидеть их войны, сражения, битвы, раны; кроме того, – их ненависть, раздоры, разногласия, рождения, смерть, ссоры, жалобы, проявления самой необузданной страсти, супружеские измены, заключения в цепи, сожительство со смертными и в результате – рождение смертного потомства от бессмертных.

(43) К заблуждениям поэтов следует присоединить еще вымыслы магов, безумства египтян в этом же роде, затем так же представления невежественной толпы, которые вследствие незнания ею истины крайне непостоянны...

<...> Какова жизнь богов, как они проводят время. Очевидно жизнь их такова, что невозможно придумать ничего блаженнее, ничего более изобилующего всякими благами. (51) Ибо бог ничего не делает, не обременен никакими занятиями, не берет на себя никаких дел. Он наслаждается своей мудростью и своей добродетелью и знает, наверное, что эти величайшие и вечные наслаждения он всегда будет испытывать...

Котта (академик)

Тогда Котта, с обычной для него учтивостью, сказал: «Но если бы ты, Веллей, ничего не сказал, то и от меня, конечно, ты тоже не смог бы ничего услышать. Потому что обычно мне не так легко приходят в голову доводы в защиту истинного, как в опровержение ложного. Это со мной часто бывало и ранее, и сейчас вот, когда я только что слушал тебя. Спроси меня, какова, по-моему, природа богов, и я тебе, вероятно, ничего не отвечу; спроси: считаю ли я природу богов такой, какой ты ее изобразил, и я скажу: по-моему – ничего подобного.

(60), Впрочем, и сам я сейчас не предложу ничего лучшего. Как я уже сказал, почти по всем вопросам, а особенно физическим, я, скорее, мог бы сказать, чего нет, чем что есть.

XXII. Если спросишь меня, что такое бог или каков он, то я сошлюсь на Симонида, который, когда его об этом же спросил тиран Гиерон, потребовал себе один день на размышление. Когда Гиерон повторил свой вопрос на следующий день, Симонид попросил уже два дня срока. Когда же он каждый раз

стал удваивать число дней, удивленный Гиерон спросил, почему он так делает? Потому, ответил тот, что чем дольше я размышляю, тем этот вопрос кажется мне более темным.

В этом вопросе, о природе богов, прежде всего спрашивается, есть боги или их нет. Трудно отрицать? Верно, – если бы вопрос был задан в народном собрании, но в такой беседе и таком собрании, как наши, – легче всего. Так вот, я, сам понтифик, считающий, что необходимо в высшей степени свято соблюдать общественные религиозные обряды, я просто хотел бы, чтобы меня в существовании богов (что является главным в этом вопросе) убедило бы не только [принятое на веру] мнение, но также и сама истина. Много ведь встречается такого, что смущает нас так, что порой начинает казаться, будто вовсе нет никаких богов <...>

XXIII. По твоим словам достаточно веским основанием для того, чтобы мы признали, что боги существуют, является то обстоятельство, что так это представляется всем человеческим племенам и народам. А этот довод не только сам по себе легковесен, но также и ложен. Ибо, во-первых, откуда тебе известны мнения народов? Я, по край ней мере, убежден, что есть много племен настолько диких, что они даже не подозревают о существовании богов. (63) А Диагор? Диагор, прозванный ἄθεος («Безбожник»), а затем Феодор – разве не отвергали открыто богов? И Протагор из Абдеры, о котором и ты только что упоминал, в свое время величайший из софистов? Ведь за то, что в начале своей книги он поместил такие слова: «О богах – есть они или их нет – не имею ничего сказать», он по постановлению афинян был изгнан не только из города, но и из страны, а книги его были публично сожжены.

XXVI. Кажется удивительным, что один гаруспик может без смеха глядеть на другого. Еще удивительнее, что вы можете удержаться от смеха, глядя друг на друга. «Не тело, а как бы тело!» Я бы понял, как это, если бы речь шла о фигурах, вылепленных из воска, или глиняных, но что такое «как бы тело» и что такое «как бы кровь» у бога, – понять не могу; да и ты, Веллей, так же, только не хочешь признать.

(72) Ведь вы твердите, точно заученный урок, то, что Эпикур, зевая, набредил, а сам он, между прочим, хвалится, как мы видим из его писем, что-он-то не имел никакого учителя. Да если бы он и не предупредил, я мог бы легко в это поверить, словно владельцу плохо построенного здания, который хвалится, что он обошелся без зодчего...

<...> А теперь все-таки, что ты понимаешь под «как бы тело и как бы кровь»? (74) Признаю, и притом ничуть не завидуя, что ты в этом понимаешь лучше, чем я, но все же я хотел бы знать, что же это такое, что Веллей понять может, а Котта – не может? Итак, что такое «тело» и что такое «кровь», я понимаю, но, что такое «как бы тело» и «как бы кровь», совершенно и никоим образом не понимаю. Причем ты ведь ничего и не таишь от меня, как это обычно делал Пифагор с посторонними, и не говоришь намеренно темно, как Гераклит, ты, между нами говоря, просто сам этого не понимаешь <...>

Тут уж вы не испытываете недостатка в доказательствах, с помощью которых вы хотите убедить в том, что боги имеют человеческие формы. Во-первых, потому, что такое уж сложилось в наших умах предвосхищенное представление, что человек, когда размышляет о боге, то представляется ему именно человеческая форма. Далее, поскольку божественная природа превосходит все прочее, то ей должна быть присуща так же и форма прекраснейшая. А красивее человеческой не может быть. В качестве третьего доказательства вы приводите то, что никакой другой формы тело не может служить жилищем разума. (77) Итак, начнем с рассмотрения каждого из этих доказательств. Ибо, как мне кажется, вы хватаетесь, как бы имея на то право, за положения никоим образом не приемлемые. Вообще был ли когда-нибудь такой слепец, который бы не видел, что человеческие черты были перенесены на богов или по некоему замыслу мудрецов, для того чтобы легче обратить души простого народа от порочной жизни к почитанию богов; или из-за суеверия, чтобы иметь изображение богов, поклоняясь которым, люди верили бы, что обращаются к самим богам. А поэты, живописцы, скульпторы добавили еще больше к этому. Ведь не-легко было богов как-то действующих, чем-то управляющих представлять в

других формах. А может быть имело значение и то соображение, что человеку кажется будто нет ничего красивее человека. <...> Или ты считаешь, что орел, или лев, или дельфин предпочитают какой-либо другой облик своему? Так, что удивительного в том, что природа подобным же образом предписала и человеку считать, что нет ничего красивее человека, и что по этой-то причине мы и считаем богов похожими на людей.

XXVIII. (78) Как ты считаешь, если бы у животных был разум, не наделяло бы разве каждое из них высшими качествами свой вид? А я, клянусь Гераклом! (говорю, как думаю) хотя и люблю себя самого, однако не осмелюсь сказать, что я красивее, чем был тот бык, который унес Европу. <...> Много ли среди людей красивых! <...> Кроме того, нам, которые в согласии с древними философами, восхищаются юношами, часто даже недостатки их милы. Алкей восхищался родимым пятном на руке мальчика, а ведь родимое пятно – это телесный недостаток. Ему, однако, оно казалось украшением. Кв. Катул, отец нашего коллеги и приятеля, был влюблен в твоего земляка Росция <...> Ему он показался прекраснее бога! А ведь у Росция, как и теперь еще, сильно косили глаза! Но что за беда, если Катулу именно это показалось пикантным и прелестным. Однако возвращаюсь к богам...

<...> (81) Неужели ты, Веллей, все же будешь защищать подобную нелепицу? Нам-то, пожалуй, они действительно так представляются, как ты говоришь, потому что с малых лет мы знаем Юпитера, Юнону, Минерву, Нептуна, Вулкана, Аполлона и других богов с тем обликом, который соизволили им придать живописцы и ваятели, и не только обликом, но и украшениями, возрастом, одеждой. Но ведь не так представляют себе богов египтяне, сирийцы, почти все варварские народы. У них ты обнаружишь более высокие мнения о некоторых животных, чем у нас о высочайше чтимых храмах и изображениях богов. (82) <...> А вот, чтобы египтянин причинил вред крокодилу или ибису, или кошке, – это неслыханное дело. А как ты считаешь, разве в знаменитом Аписе, священном быке египтян, не видели египтяне бога? Так же точно, кля-

нужь Геркулесом, как ты никогда, даже во сне, не видишь вашу Юнону-спасительницу иначе как с козьею шкурой, с копьем, с маленьким щитом и в башмаках с загнутыми носками. Но совсем не так выглядит Юнона Аргивская или Юнона Римская. Выходит, что по-иному представляют себе образ Юноны аргивяне, по-иному – ланувийцы, по-иному – наши римляне. Так же как образ Юпитера Капитолийского мы представляем себе по-иному, чем африканцы – Юпитера Аммона.

XXX. (83) И не стыдно ли тебе, физику, т. е. наблюдающему и исследующему природу, искать свидетельства истины в душах, пропитанных предрасудками? Таким ведь образом можно будет утверждать, что Юпитер всегда бородатый, Аполлон всегда безбородый, что у Минервы глаза серые, а у Нептуна – голубые <...>

А должны ли мы также считать, что боги носят те самые имена, которыми мы их назвали? (84) Но, во-первых, сколько у людей языков, столько же имен у богов. Вот ты, Веллей, куда бы ни прибыл, везде Веллей. Но Вулкана называют по-разному: в Африке по-иному, чем в Италии, еще по-иному в Испании. Кроме того, ведь число имен невелико, даже в книгах наших понтификов, богов же неисчислимое множество...

<...> Считаешь ли ты, что бог похож на меня или на тебя? Конечно, не считаешь. Так может быть мне признать богом солнце? Или луну? Или небо? И, стало быть, признать, что они блаженны? От каких же наслаждений они испытывают блаженство? Признать, что они мудры? Но какая может быть мудрость в такого рода обрубке? Вот каковы ваши утверждения.

(85) Но если боги ни человеческого облика не имеют, что я доказал, никакого-либо другого, в чем ты сам убежден, то отчего ты не решаешься отрицать существование богов. Не смеешь. И мудро поступаешь, хотя здесь тебя удерживает страх не перед народом, а перед самими богами.

<...> (87) Но если ты, Эпикур (я обращаюсь сейчас уже к самому Эпикуру), если ты не смеешь отрицать бытие богов, то что препятствует тебе причислить к богам или солнце, или мир, или некий вечный разум? «Я никогда»,

– говорит он, – не видел душу, причастную уму и рассудку, ни в каком ином облике, кроме как в человеческом». Как? А что-нибудь подобное солнцу или луне, или пяти планетам ты видел? Солнце, ограничивая свое движение двумя крайними пунктами одного пояса, совершает свои годовые пути. Освещаемая лучами того же солнца луна совершает этот же обход в месячный промежуток времени. И пять планет, придерживаясь того же круга, одни поближе к земле, другие подальше от тех же самых пунктов, проходят те же пути в разные промежутки времени. Видел ли ты, Эпикур, что-нибудь подобное этому? Если существует только то, что мы можем пощупать или что мы видим, то не существуют ни солнце, ни луна, ни звезды.

(88) А бога самого ты видел? Нет? Так почему ты веришь, что он есть? Давай же будем считать не бывшим все, о чем нам или сообщает история, или открывает нового разум.

Бывает, что люди, обитающие в местах далеких от морей, не верят, что есть море. Какая узость ума! Это, как если бы ты, родившись на маленьком островке Серифе и никогда не выезжая с острова, на котором видел только зайчиков и лисичек, не поверил бы, что существуют львы и пантеры, когда бы тебе описали, какие они есть, а если бы тебе кто-нибудь еще рассказал о слоне, то ты бы даже посчитал, что над тобой смеются.

Ты начал с утверждения, что боги блаженны. Согласен. Что никто не может быть, блаженным без добродетели. И с этим так же соглашаюсь, и даже охотно.

XXXII. Добродетель же невозможна без разума. С этим так же следует согласиться...

<...> (90) Я же не понимаю, почему Эпикур предпочел утверждать, что боги похожи на людей, а не люди на богов. Спросишь, какая разница? Ведь если это похоже на то, стало быть, то похоже на это. Верно. Но на это я отвечу; не от наружности людей перешла фигура к богам, ибо боги всегда были...

<...> (105) Вот ты говоришь, что образ бога постигается мышлением, а не чувственным восприятием, что в нем нет никакой плотности и он не бывает

тем же по числу, но его вид таков, что он постигается по подобию и переходу образов, и так как атомов, образующих эти образы, бесчисленное множество, то и поступающие образы неисчислимы, и когда наш ум напряженно вникает в них, то в нем возникает понятие о блаженной и вечной природе.

XXXVIII. Так ради самих же богов, о которых мы сейчас говорим, что же это такое, наконец? Ибо если боги только мыслимы, а в них самих нет никакой плотности, ничего осязаемого, то какая разница, будем ли мы мыслить о гиппокентавре или о боге? Ведь другие философы такого рода представления называют пустым движением души, а вы говорите об этом, – как о прибытии и поступлении в душу образов.

Бальб (стоик)

«I. <...> (2) «Я бы», – сказал Бальб, – предпочел продолжать слушать того же Котту при условии, что он с тем же красноречием, с каким он сокрушил ложных богов, теперь представил бы истинных. Ведь такому человеку, как Котта, философу и понтифику, должно иметь о бессмертных богах мнение не ошибочное и шаткое, как у академиков, а как у наших, – устойчивое и определенное. Против Эпикура было сказано достаточно, даже слишком. Но я очень хотел бы услышать, что ты сам думаешь, Котта».

«Разве ты забыл, – ответил Котта, – что я сказал вначале, что мне легче удастся, особенно по таким вопросам, оспаривать чужие мнения, чем утверждать свое? (3) Но если бы я даже и имел какое-то определенное мнение, я все же хотел бы в свою очередь тебя послушать, после того как сам так много говорил» <...>

...Вообще, наши делят весь этот вопрос о бессмертных богах на четыре части. Во-первых, они учат, что боги существуют, затем – каковы они; потом – что они управляют миром; и наконец, – что они пекутся о человеческих делах. Мы же для этой беседы возьмем только два первых вопроса. Рассмотрение третьего и четвертого вопросов придется отнести на другое время, поскольку они более обширны».

««Вовсе нет», – сказал Котта, – мы ведь сегодня ничем не заняты, да и говорим мы о таких вещах, которые следует предпочесть всяким другим занятиям».

II. (4) «По первой части, – начал Луцилий, – кажется, даже нет нужды говорить. Когда мы взираем на небо, когда созерцаем небесные явления, разве не становится вполне ясным, вполне очевидным, что есть некое божество превосходнейшего ума, которое всем этим управляет? <...>

IV. Истинность науки и наших авгуров, и этрусских гаруспиков подтвердила сама действительность в консульство П. Сципиона и Г. Фигула. Когда их выбирали, проводил выборы Т. Гракх, он был уже второй раз консулом. И вот сборщик голосов в первой центурии едва только успел доложить о результате, внезапно тут же пал мертвым. Гракх тем не менее довел собрание до конца, но так как он сознавал, что этот случай задел религиозные чувства народа, то доложил обо всем сенат. Сенат решил передать это дело на рассмотрение тем, кому обычно передавал. Были введены гаруспики, которые объявили, что магистрат, проводивший комиции, был незаконным. (11) Тут Гракх (как я слышал от отца) вспыхнув от гнева, воскликнул: «В самом деле? Я – незаконный? Я – консул и авгур, созвавший комиции после ауспиций, или вы, этруски, варвары, присвоившие себе право на ауспиции для римского народа и на толкование их относительно комиций?» И Гракх тут же велел гаруспикам выйти вон. Однако позже тот же Т. Гракх уже из провинции прислал в [авгурскую] коллегия письмо. В нем он писал, что, читая [авгурские] книги, он вспомнил о совершенной им погрешности. Он выбрал надлежащее место для ауспиций в Сципионовых садах. А когда после этого, возвращаясь на заседание сената, он снова пересек померий, то забыл совершить ауспиции. Так что консулы действительно были избраны незаконно. Авгуры об этом – сенату. Сенат же [повелел], чтобы консулы сложили с себя полномочия. Сложили! Нужно ли искать более яркие примеры? Умнейший человек, пожалуй, самый выдающийся из всех, предпочел сознаться в своей погрешности, которую мог бы и скрыть, чем допустить, чтобы вина против религии повисла на государстве. Консулы предпочли немедленно сложить верховную власть, чем удерживать

ее хотя бы мгновение вопреки религии. (12) Велик авторитет авгуров, а разве не божественно искусство гаруспиков? Тот, кто знает эти и бесчисленные случаи подобного же рода, разве не будет вынужден признать, что боги существуют <...>

V. (13) О том, каковы они, существуют различные мнения, что они есть – никто не отрицает. Наш Клеанф считает, что понятия о богах сложились в человеческих душах по четырем причинам. Первой он полагает ту, о которой я сейчас сказал: возможность предчувствия будущего. Вторая – это великие блага, которые мы получаем от благоприятного климата, плодородия земли и великое множество других благ. (14) Третья – [это разные природные явления], которые устрашают наши души: молнии, бури, грозы, метели, град, засуха, эпидемии, землетрясения <...> Устрашенные такими явлениями, люди сообразили, что есть некая небесная и божественная сила.

(15) Четвертая причина и самая важная – равномерность движений и круговращений неба, Солнца, Луны, звезд, их различие и разнообразие, красота и порядок. Созерцание этих вещей само в достаточной мере указывает, что все это не случайно. Ведь если кто придет в какой-то дом, или в гимнасий, или на форум и увидит во всем разумность, соразмерность, порядок, тот, конечно, рассудит, что это не могло произойти без причины, и поймет, что есть некто, стоящий во главе всего этого, которому все повинуется. Тем более, наблюдая столь великие передвижения и столь великие изменения многих связанных между собой вещей, связи между которыми в течение безмерного и бесконечного времени никогда ни в чем не нарушаются, необходимо признать, что все великие передвижения в природе управляются неким умом.

VI. (16) Хрисипп же, хотя это человек ума проницательнейшего, говорит так, как будто его сама природа научила, а не сам он это открыл. «Если, – говорит он, – есть нечто такое во вселенной, чего ум человека, человеческий рассудок, сила, могущество сделать не могут, то определенно тот, кто это сделал, лучше человека». Но человек не мог создать небесные тела и все то, чему при-

сущ вечный распорядок. Следовательно, тот, кто все это создал, лучше человека. Почему же не сказать, что это бог? Ведь если богов нет, то что может быть во вселенной лучше человека? Ибо только в нем одном есть разум, превосходящее которого ничто не может быть <...>

XVI. Можно наблюдать, что люди, обитающие в тех странах, где воздух более чист и тонок, отличаются более острым умом, способны лучше соображать, чем жители стран с густой и плотной атмосферой. (43) Считают, что даже пища, которую употребляют, как-то влияет на остроту ума. Стало быть, вполне вероятно, что в звездах заключается превосходный разум, поскольку они и населяют эфирную часть мира и питаются влажными испарениями земель и морей, истонченными вследствие большой отдаленности. А о наличии у звезд способности чувствовать и мыслить более всего свидетельствуют их порядок и постоянство их движения, в которых нет ничего произвольного, ничего изменчивого, ничего случайного. А ведь нет ничего такого, что могло бы разумно и размеренно двигаться без участия рассудка. <...> Из этого, стало быть, следует, что они движутся по собственному побуждению, руководствуясь своим чувством, своей божественностью.

(44) Заслуживает похвалы Аристотель за то, что учил, что все движущееся движется или по [своей] природе, или [внешней] силой, или по [своей] воле. Двигутся Солнце и Луна и все звезды. <...> Нельзя также сказать, что их движение вызвано некоей большей силой, так что звезды якобы движутся вопреки [своей] природе, ибо что может быть больше [их]? Итак, остается считать, что звезды движутся самопроизвольно. Тот, кто их видит и все же отрицает существование богов, поступает поэтому не только невежественно, но и нечестиво. Но, конечно, небольшая разница – отрицать ли существование богов или утверждать, что они ни о чем не заботятся, ничего не делают; мне так кажется, что тот, кто ничего не делает, как бы вовсе не существует. Итак, что боги существуют, настолько очевидно, что того, кто это отрицает, едва ли можно считать в здравом уме.

XVII. (45) Остается обсудить, какова природа богов. В этом вопросе главная трудность состоит в том, чтобы отвести умственный взор от привычного для глаз. Эта трудность приводит к тому, что и простой народ, и философы, уподобившиеся невежественному люду, не могут представить себе богов, иначе как в человеческом облике. <...> Но так как в душе у нас заложено определенное представление, что бог таков, что, во-первых, он одушевлен и затем, что во всей природе нет ничего превосходнее его, то я не вижу, что более соответствовало бы этому представлению и понятию, чем утверждение, что этот самый мир, которого ничто не может быть превосходнее, он и одушевлен, и бог...

Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты / отв. ред., сост. Г.Г. Майоров. М.: «Наука», 1985. С. 60–115.

Полнотекстовая версия

<https://djvu.online/file/osxwagHy4RgY4?ysclid=lvqaduznas640817728>

Список вопросов для самоконтроля

1. Как Цицерон формулирует свою задачу? Что сама постановка проблемы позволяет понять о древнеримской религиозности? Почему для римлян так важен вопрос о «бездействии» богов?
2. Как Цицерон связывает религию и справедливость? Какую оценку он дает «внешним» отправлениям культа?
3. В чем рационализм древнеримского «богоискательства»? Как можно оценить отсылки к «естествознанию» и «физике»?

4. Как ментальность древних римлян характеризует высказывание Веллея об отношении бога к глупцам? Как можно прокомментировать мнение Луцилия о том, что разум – главная ценность?

5. Можно ли говорить об атеизме, гностицизме, агностицизме, основываясь на свидетельствах Цицерона? Что мы можем сказать о его собственных представлениях о богах, основываясь на изложенной им в трактате критике философских учений?

6. Как отличается тон высказываний каждого из дискутирующих? Какие смыслы это несет?

7. Можно ли говорить, что чередование в тексте понятий «боги» и «бог» свидетельствует о зачатках монотеистических представлений в античной философии?

8. Каковы основные «аксиомы» древнеримского дискурса о богах?

9. Как данный текст позволяет оценить пределы «свободы совести» в Древнем Риме?

10. Бог как «бесконечный разум»: аргументы «за» и «против».

11. Представления о «бессмертном» и «смертном», «бесконечном» и «конечном».

12. Как можно оценить суждение Веллея о том, что бог не может быть несчастным?

13. Каково отношение философов к «народной» религиозности? Проблема антропоморфизма богов.

14. Что можно сказать об отношении дискутирующих к представителям других религий? Можно ли утверждать, что источник несет в себе посыл преемственности греко-римской религиозной традиции?

15. Как отличается мнение о природе богов Котты-понтифика и Котты-философа?

16. Можно ли сказать, что утверждения дискутирующих о «человеке» вообще и о его восприятии богов носят универсальный, «внеримский» характер?

17. Как оценивается роль поэтов, скульпторов и живописцев в формировании образа богов?

18. Гражданственность римской религии. Гражданин, государство и религия у Бальба.

19. Космология стоиков: разумность небесных светил, мир как божество – соотношение научного и мистического.

20. Отношение римских граждан к обрядовой стороне религии, его истоки и специфика.

РАЗДЕЛ 2. Утверждение идеи религиозной нетерпимости в западном христианстве

Данный раздел призван сформировать представление об окончательном отходе христианства от веротерпимости и об утверждении идей христианского эксклюзивизма в позднеримский период. Именно эти идеи затем станут важной основой западного христианства, а позднее – католицизма. Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать фрагменты текста источника, самостоятельно выделив основные проблемы для обсуждения в ходе занятия. В контексте изучаемой на курсе тематики источник наиболее важен тем, что заложил основу и дал моральное обоснование преследованиям на религиозной почве. Учитывая степень влияния Августина на последующее христианство, значение его идеологии – в первую очередь, для средневековой Европы – сложно переоценить.

Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать текст источника, самостоятельно выделить в нем ключевые понятия для обсуждения на практическом занятии.

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН «О ГРАДЕ БОЖИЕМ»

Пояснения к тексту

Ниже приведены выдержки из обширного труда «О граде Божиим», принадлежащего авторству христианского богослова и епископа Аврелия Августина, известного также как Блаженный Августин (354-430 гг.). Сочинение является одним из ключевых не только в творчестве Августина, но и в рамках всей патристической традиции.

Труд «О Граде Божиим» датируется 413-427 гг., следовательно, он создавался через несколько лет после взятия Рима вестготами. Известно, что данное событие оказало большое влияние на Августина, который, став свидетелем падения Рима, в своем «творении» противопоставляет недолговечные «земные» государства вечному «граду Божию». Однако, вслед за апостолами,

происхождение светской власти он считает божественным, обосновывая это принципом «Богу – Богово, кесарю – кесарево» и настаивая на подчинении «доброего» христианина законному правителю.

В период написания данного трактата прохристианская тенденция в Римской империи уже окончательно возобладала, а христианство получило статус официальной религии империи (еще во второй половине IV в. Император Грациан отказался от титула понтифика и удалил статую Победы из римского Сената в знак отказа от поддержки языческих культов и разработал систему наказаний за ересь, а в 404 г. Карфагенский собор обратился к императору Гонорию с просьбой об уничтожении языческих изображений и храмов в Африке и принятии гражданских мер против еретиков).

Несмотря на то, что наибольшее значение наследие Августина оказало на утверждение идеи религиозного принуждения и борьбы с «ересью», весьма важное место в его творчестве отведено также критике язычества, в частности, и античного наследия, в целом. Именно эти сюжеты раскрываются в приведенных ниже фрагментах источника.

Фрагменты текста

Книга II.

Глава II.

Итак, в предыдущей книге, когда я начал говорить о граде Божиим, которому, с помощью Божией, решил посвятить весь этот труд, я счел необходимым прежде всего дать ответ тем, которые войны, опустошающие наш мир, в особенности же недавний разгром Рима, приписывают христианской религии, возбраняющей служение мерзким демонам; между тем, они скорее должны были бы приписать Христу то, что варвары ради имени Его, вопреки правилам и обычаю войны, предоставили им для убежища священные и самые обширные места, и не только действительным рабам Христовым, но во многих случаях и самозванцам оказывали такое почтение, что и дозволенное по отношению к ним

правом войны считали для себя непозволительным. Отсюда возник вопрос: почему таких божественных милостей удостоены были и люди нечестивые и неблагодарные и, наоборот, почему те жестокости, которые совершались неприятелем, обрушились не только на людей нечестивых, но и на благочестивых?

Над разрешением этого вопроса <...> я остановился несколько более, чем было нужно в интересах предпринятого труда; это было сделано главным образом ради утешения святых и благочестиво непорочных женщин, над которыми враги совершили нечто такое, что оскорбило их стыдливость, хотя и не отняло у них самого целомудрия: чтобы не тяготились жизнью те, которые не имеют повода упрекать себя в неpotребстве.

Потом я сказал несколько слов против тех, которые с бесстыдной наглостью позорят христиан, подвергшихся упомянутым несчастьям, в особенности же претерпевших насилие чистых и святых женщин; между тем как сами эти клеветники – люди в высшей степени непotребные и не заслуживающие никакого уважения, выродившиеся потомки тех римлян, чьи славные дела часто вспоминаются и прославляются историей. Они позорят славу своих предков, ибо этот Рим, основанный и возвеличенный трудами древних, они обезобразили гораздо более при его внешне благополучном существовании, чем обезобразило его разрушение; при разрушении его падали камни и бревна, а в их жизни, когда сердца их пылали пагубнейшими вожделениями, будто кровли города – огнем, пали всякие твердыни и украшения не стен, а нравов.

...Затем я думал говорить о том, какие несчастья претерпел этот город с самого своего основания как у себя дома, так и в принадлежащих ему провинциях, – несчастья, которые были бы приписаны христианской религии, если бы уже и тогда гремело евангельское учение с его смелым свидетельством против их ложных и лживых богов.

Глава III

Не забудь, впрочем, что, говоря все это, я имел дело еще с людьми необразованными, невежество которых породило и известную расхожую посло-

вицу: «нет дождя, причина – христиане» Но есть между ними и люди образованные, любящие историю, из которой прекрасно знают все это, но притворяются незнающими, чтобы возбудить против нас враждебные толпы невежд. Они стараются распространить в народе мнение, что те бедствия, которым то там, то здесь время от времени подвергается род человеческий, случаются по вине христианской религии, которая назло их богам распространяется повсюду с такой великой славою и с таким блеском. Пусть же они пересмотрят вместе с нами, каким частым и разнообразным бедствиям подвергалось римское государство, прежде чем Христос явился во плоти, прежде чем прославилось в народах имя Его, которому они завидуют; и пусть после этого защищают, если смогут, своих богов, коль скоро почитают их ради того, чтобы их последователи не претерпевали этих несчастий. Если они испытывают что-нибудь подобное теперь, то утверждают, что винить в этом следует нас. Так почему же эти боги допустили, чтобы с поклонниками их случилось то, о чем я намерен говорить, и в то время, когда проповедь о Христе еще не досаждала им и не возбраняла их жертвоприношений?

Глава IV

Во-первых, почему их боги не позаботились о том, чтобы их нравы не были до крайности развращенными? Бог истинный заслуженно оставил своим попечением тех, которые не чтити Его: но почему же те боги, на запрещение культа которых жалуются эти неблагодарные люди, не попечительствовали добродетельной жизни своих поклонников никакими законами? <...> Делом богов-советников было не утаивать от чтущего их народа заповеди добродетельной жизни, а предлагать их в публичной проповеди, вразумляя и сдерживая грешащих через пророков, поступающим дурно грозя наказаниями, живущим же добродетельно обещая награды. Разве когда-нибудь раздавался в их храмах сильный и всепокрывающий голос богов о чем-либо подобном?

Некогда, в дни юности, хаживали и мы на святотатственные зрелища, смотрели на беснующихся, слушали певцов, забавлялись гнуснейшими играми, которые давались в честь богов и богинь, в честь небесной девы и матери всех Верекинфии. Перед ложем этой последней, в праздник ее омовения, непотребными актерами публично распевалось такое, что не подобало бы слушать не только матери богов, но и матерям каких-нибудь сенаторов или вообще каких-нибудь честных мужей, даже матерям самих этих актеров. Есть в отношении к родителям некоторая человеческая стыдливость, которой не может истребить даже непотребство. Сами же актеры на домашних репетициях стыдились исполнять перед своими матерями это гнусное месиво из мерзких слов и действий; а публично, перед матерью богов, в присутствии многочисленного собрания людей обоего пола, исполняли. <...> И это называлось феркулами, точно совершалось некое пиршество, на котором как бы питали нечестивых демонов их же пищей. Ибо кто не понимает, какого рода духи услаждаются подобными мерзостями? – разве что тот, кто или совсем не знает, что существуют некоторые нечестивые духи, обольщающие под именем богов, или же проводит такую жизнь, в которой ждет милости и страшится гнева этих духов более, чем милости и гнева истинного Бога. <...>

Глава VI.

Поэтому-то эти божества и не заботились о жизни и нравах городов и народов, у которых почитались: безо всяких запрещений, которые внушали бы страх, они позволяли им становиться худшими и терпеть большие и отвратительные убытки, убытки не в смысле имений и виноградников, не в деньгах и хозяйстве, не в тех, наконец, делах, которые находятся в подчинении ума, а в самой душе – правительнице тела. Но, может быть, они запрещали? В таком случае пусть нам покажут это яснее, пусть докажут. Пусть не шепчут нам на ухо о каких-то под видом якобы тайной религии передаваемых вещах, в которых излагается-де учение о добродетельной жизни и чистоте; пусть покажут

нам или напомнят, где те места, посвященные таким собраниям, где совершались бы не игры с бесстыдным пением и плясками гистрионов, где праздновались бы не фугалии, дающие полный простор всякому непотребству <...>, но такие, где народы слышали бы, что повелевают боги относительно умерения жадности, уничтожения жульничества, обуздания роскоши <...>

Глава VII.

Пожалуй, они напомнят нам о школах и рассуждениях философов. Но, во-первых, все это не римское, а греческое; а если оно потому и римское, что Греция сделалась римской провинцией, то все же это не заповеди богов, а откровения людей, которые, будучи одарены проницательнейшим умом, старались так или иначе путем умозаключений исследовать, что скрывалось в природе вещей, чего следует желать в здешней жизни и чего избегать, что в самих правилах умозаключения дается как прямой вывод, а в чем обнаруживается непоследовательность или даже противоречие. Некоторые из них, насколько пользовались божественной помощью, открыли нечто великое, но насколько встречали препятствие в человеческой немощи, впали в заблуждение. Божественное провидение вполне справедливо воспротивилось их гордости, чтобы в противоположность им указать начало пути к небесному в смирении. <...> Однако же если философы отыскивали нечто такое, что могло быть достаточным для добродетельной жизни и для приобретения блаженства, то не гораздо ли справедливее было бы установить божественные почести именно им? Не гораздо ли лучше и честнее в храме Платона читать его книги, чем в храмах демонов оскоплять галлов, дабы затем их, сделавшихся женоподобными, торжественно посвящать, сумасбродствующих заставляя истязать себя и совершать многое другое или жестокое, или постыдное, или постыдно-жестокое, или жестоко-постыдное, что совершается обыкновенно в храмах таких богов? <...> Ведь все почитатели таких богов, едва ими овладеет похоть, подправленная, как говорит Персей, жгучим ядом, скорее смотрят на то, что делал Юпитер, чем на то, чему учил Платон или что думал Катон. Так, Теренций изобразил

молодого повесу, который, увидев некую фреску, на которой было изображено, как Юпитер некогда обманул Данаю пролив на лоно ее золотой дождь, тут же усмотрел здесь оправдание своему бесчестному делу, гордясь, что в этом отношении подражает богу:

Великий бог, небесный храм сотрясший громом!

Ну, как не совершить мне то же, человеку малому? <...>

Глава XIII.

Но, будь Сципион жив, он, возможно, возразил бы мне так: «Каким образом мы стали бы преследовать наказанием такое, что священо по воле самих богов? Ибо театральные игры, в которых все это рассказывается и представляется, в римские нравы ввели сами боги и повелели, чтобы это посвящалось и совершалось в их честь». Но почему же, в таком случае, римляне не поняли из этого, что эти боги – боги не истинные и совершенно не заслуживают того, чтобы республика воздавала им божеские почести? Ведь если бы они потребовали себе игр, позорящих самих римлян, их было бы неприлично и не следовало почитать: каким же образом, спрашиваю, их сочли достойными поклонения божествами, а не гнусными духами, если из желания ввести в обман они потребовали, чтобы под видом поклонения им прославлялись их злодеяния? <...>

Глава XX.

Но эти почитатели и поклонники богов, с удовольствием подражающие им в злодеяниях и непотребствах, нисколько не беспокоятся, что их республика – самая развращенная и распущенная. «Лишь бы», – говорят они, – она процветала, наполняясь богатствами и прославляясь победами, или, что еще лучше, наслаждалась миром. Чего еще нам желать? Все, что мы хотим, – это чтобы все богатели, чтобы всегда хватало и на житейские нужды, и на порабощение слабых. Пусть бедные служат богатым, получая за это на пропитание, а последние пусть проводят жизнь в праздности и неге. Пусть народы рукоплещут не тем, кто дает им добрые советы, а тем, кто доставляет им разного

рода удовольствия. Пусть трудное не предписывается, нечистое не запрещается. <...> Пусть множатся лупанарии, дабы никому из любителей блуда не было отказа. Пусть строятся обширнейшие поместья, задаются пышные пиры; пусть днем и ночью устраиваются игры до полного пресыщения, попойки до рвоты. Пусть наполняются театры, пусть разыгрываются в них любые, даже самые скотские зрелища. И пусть того считают врагом общества, кому не нравится такого рода благополучие; пусть не слушают таких, пусть гонят с глаз долой, стирают с лица земли. Пусть почитаются те боги, которые предписывают все эти удовольствия, пусть требуют они каких угодно игр, пусть представляется им все, что они пожелают, лишь бы только эта счастливая жизнь никогда и ничем не омрачалась: ни страхом перед неприятелем, никакой-либо заразой, ничем бы то ни было еще» <...>

Глава XXVIII.

И они еще жалуются, что имя Христово освободило людей от тартарского ига этих нечистых властей и преступного сообщества с ними, и от этой ночи губительного бесчестья привело к свету спасительного благочестия! И ропщут, несправедливые и неблагодарные, на то, что народы стекаются в церкви, где слушают, как хорошо они должны проводить эту временную жизнь, чтобы заслужить после нее блаженную и вечную, где с возвышенного места и открыто для всех провозглашается Священное Писание и учение о справедливости, которое те, кто его исполняет, слушают с пользой, а кто не исполняет – в осуждение. Если и появляются там насмешники над подобными заповедями, их дерзость или исчезает вследствие неожиданной в них перемены, или подавляется страхом или стыдом. <...>

Книга IV.

Глава XXX.

Цицерон, сам будучи авгуром, смеется над авгуриями и упрекает людей, основывающих свои житейские предприятия на крике ворона или вороны. Но этот сомневающийся во всем академик не имеет в подобных вещах никакого

авторитета. У него во второй книге о природе богов рассуждает Люцилий Бальб, и хотя выводит суеверия из природы вещей, представляя их как бы философскими и физическими, однако негодует на введение статуй и на мифологизированные суждения, говоря таким образом: «Итак, не видишь ли, что физические открытия, послужившие ко благу и пользе, дали повод к измышлению ложных богов? Отсюда родились ложные суждения, грубые заблуждения и старушечьи суеверия. Нам ведь известны и фигуры богов, и их возраст, и одежды, и украшения; роды, браки, родственные связи и все прочее перенесено на них по аналогии с человеческой немощью. Их представляют нам и испытывающими душевные волнения: мы слышали о желаниях, скорбях и гневе богов. Были между богами (как гласят басни) даже войны и сражения. По словам Гомера, боги не только защищали два враждебных войска, одни – одно, другие – другое, но вели и собственные войны с титанами или гигантами. Говорить об этом, верить этому – крайне безрассудно: все это в высшей степени пусто и легкомысленно».

Вот что говорят защитники языческих богов! Затем, сказав, что все это относится к суевериям, а к религии – то, что говорит он, очевидно, с точки зрения стоиков, он продолжает: «Не только философы, но и предки наши отделяли религию от суеверия. Суеверными называли они тех, которые по целым дням молились богам и приносили жертвы, чтобы дети их пережили их. Кто не поймет, что, боясь распространенного среди граждан обычая, он старается хвалить религию предков и хочет отделить от нее суеверие, но как это сделать, не знает? Ибо если суеверными предки называли тех, которые по целым дням молились и приносили жертвы, то разве будут суеверными те, которые ввели статуи богов в различном возрасте и различной одежде, роды, браки и родственные связи богов? Ведь если эти вещи порицать как суеверные, то виноваты в них будут предки, которые ввели и чтили статуи богов; виноват будет и он сам, который, как бы красноречиво ни старался вырваться на свободу, считал необходимым почитать их <...>

Возблагодарим же, христиане, Господа Бога нашего; возблагодарим не небо и землю, как говорит Бальб, но Того, Кто сотворил небо и землю. Кто через величайшее смирение Христа, проповедь апостолов, веру мучеников, умерших за истину и живущих с истиной, вырвал те суеверия, которые слегка, как бы картавя, порицает Бальб, не только из благочестивых сердец, но и из суеверных храмов, пленив их в свое свободное рабство...

Блаженный Августин. О граде Божиим // Блаженный Августин. Творения / сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. СПб: «Алетейя»; Киев: «УЦИММ-Пресс», 1998. Т. 3: О граде Божиим (Кн. 1–13). С. 54-57; 59-61; 66-67; 77-78; 92; 183-185.

Полнотекстовая версия

https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/

Список вопросов для самоконтроля

1. Как Августин обосновывает «ложность» и «лживость» языческих богов? На каких аргументах строится критика римского политеизма?
2. В какой мере, на Ваш взгляд, описание Августином языческой обрядности соответствует исторической действительности? Как можно оценить степень знакомства Августина с языческим культом и языческой обрядностью?
3. Римские «добродетели» сквозь призму христианского мировоззрения
4. Языческие ценности VS христианские добродетели.
5. В чем Августин видит причины критики христианской идеологии со стороны «языческой оппозиции»? Как он ее опровергает?
6. Какую оценку Августин дает трактату Цицерона «О природе богов»? Почему? Сопоставьте два этих источника с точки зрения целеполагания и аргументации авторов.

РАЗДЕЛ 3. Формирование идеи светского государства в позднее средневековье

Данный раздел демонстрирует исторически первую попытку обоснования идеи разделения «светской» и «духовной» власти в рамках христианской религиозной философии. Вполне предсказуемо, что идея невмешательства церкви в «мирские дела» была враждебно встречена папством и не нашла большого числа приверженцев в средневековой Европе. Позднее, с началом Нового времени, возобладает иная тенденция: по мере укрепления абсолютизма в католических странах, уже не религиозная, а светская власть будет настаивать на их неделимости, ведь светский правитель будет стремиться к максимальной концентрации в своих руках всей полноты власти – и религиозной, в том числе. Таким образом, идея светского государства будет на несколько столетий практически забыта и вновь окажется востребованной лишь на пороге XX в.

Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать фрагменты текста источника, а также осуществить самостоятельный поиск дополнительных письменных и визуальных источников, иллюстрирующих указанную проблематику.

МАРСИЛИЙ ПАДУАНСКИЙ «ЗАЩИТНИК МИРА»

Пояснения к тексту

Ниже приведены фрагменты из трактата Марсилия Падуанского (1280-е–1343 гг.) «Защитник мира» (1324 г.), обосновавшего идею светского государства (правда, не отделенного от церкви, а господствующего над ней). Марсилиий изучал философию, медицину и право в университетах Падуи, Орлеана и Парижа. В 1312-1313 г. был профессором и ректором одного из факультетов Парижского университета. В 1324 г. написал и анонимно издал трактат «Защитник мира», а в 1326 г., когда его авторство было раскрыто, бежал ко двору импера-

тора Священной Римской империи Людвига IV Баварского, находившегося тогда в открытом противостоянии с папством. В 1327 г. Марсилий Падуанский был отлучен папой от церкви и осужден на смерть как еретик. Однако, император отказался выдать его папе и сделал одним из своих ближайших советников. Считается, что авторство императорского декрета, смещавшего папу Иоанна XXII и провозгласившего папой антипапу Николая V принадлежит именно Марсилию. Во время своего пребывания в Италии император назначил Марсилия папским викарием в Риме, где последний производил репрессии по отношению к лицам, продолжавшим поддерживать папу Иоанна XXII.

Известно также, что Марсилий имел дружеские отношения с другим видным противником папства – английским философом Уильямом Оккамом, который также скрывался от папского преследования при дворе императора Священной Римской империи.

В сочинении «Защитник мира» Марсилий Падуанский настаивает на том, что церковь не имеет права выходить за рамки сферы духовной жизни людей. В этой связи в трактате критикуется и практика религиозного принуждения. Марсилий проводит четкую границу между юридическим (человеческим) и нравственным (божественным) законами. В числе прочего, опираясь на известную ему практику итальянских городов-государств, Марсилий формулирует чрезвычайно смелый для своего времени тезис о том, что настоящий источник всякой власти – народ, от которого должна исходить как светская, так и духовная власть.

Ниже приведены фрагменты седьмой и восьмой глав второй части трактата, в которых автор излагает свое видение границ церковной юрисдикции, определяет основные функции духовенства и обосновывает необходимость подчинения понтификов светской власти.

Фрагменты текста

Часть II.

Глава VII.

Резюме тезисов предыдущей главы, их разъяснение и подтверждение

§ 1. Повторяя уже высказанное утверждение относительно могущества и власти священнических ключей, которые Иисус доверил апостолам, мы отметим, что в душе искренне раскаивающегося, т.е. испытывающего за содеянный грех боль грешника, все изменения, а именно просветление духа, очищение от грязи греха и вины за него, утрата страха перед наказанием вечным проклятием, обычно творятся без помощи священника, деянием одного только Бога.

Иное дело, когда Бог сотворяет это в грешнике с помощью священника, как будто показывая церкви, кто должен рассматриваться ею как прощенный, а кто как не прощенный в своих грехах в этом мире, кто должен быть прощен в одном, но не прощен в другом; т.е. кому Бог запомнил грехи, а кому отпустил их. Кроме того, другое дело, когда Бог творит в душе грешника посредством службы священника, а именно: заменяет задолженное грешником очищающее наказание в потусторонней жизни мирским исправлением в этом мире.

Тогда, действительно, священник освобождает от наказания полностью или частично, согласно свершенному исправлению и состоянию кающегося; он исполняет это в силу могущества ключей и по своему здравому рассуждению. Таким же образом священниками еще исключаются из религиозной общины грешники и лишаются благодати таинств упрямцы, но допускаются к ним люди раскаивающиеся, о чем мы говорили в конце предыдущей главы.

§ 2. Таким же было суждение мэтра Петра Ломбардского в его книге IV, различие, где он говорит: «Согласно полномочиям, отпускать и не отпускать грехи в каком-то смысле эти слова истинны: все, что будет отпущено на земле, будет отпущено и на Небесах; а то, что не будет отпущено на земле, также не будет отпущено на Небесах. Ибо, иногда они (священники) прощают людей, которые вовсе не приближены к Богу, и даже допускают их к таинствам, в то

время, как не допускают к этому достойных и даже налагают на них незаслуженное наказание.

Все это нужно как-то объяснять тем, чьи деяния требуют, чтобы они были прощены, или, наоборот, не прощены. Итак, те, которых они, применяя власть ключей, прощают или не прощают по заслугам согрешивших в нынешней жизни, одновременно прощаются или не прощаются на Небесах, т. е. Богом, ибо Божественный приговор опровергает или подтверждает приговор священника, вынесенный таким образом». Затем мэтр, как бы резюмируя, говорит: «Такова природа и распространенность применения власти ключей апостольских».

§ 3. Чтобы представить этот тезис более ясно, возьмем в качестве примера знакомое сравнение, которое, как нам кажется, близко мысли Христа и авторитетных святых, которых мы цитировали выше. В особенности такое сравнение близко мысли Амвросия, который говорит, что «Слово Божье отпускает грехи, и священник тоже судья. Священник, однако, исполняет свою обязанность, но не пользуется правами любой другой власти».

Итак, спрашивается, каким же образом священник отпускает грехи, если он не пользуется правами никакой другой власти? На это мы скажем, что священник как хранитель власти ключей Небесного Судьи прощает грешника почти так же, как хранитель власти ключей земного судьи. Ибо так же, как обвиняемый приговаривается за свою вину к гражданскому наказанию либо прощается словом, – приговором судьи мира сего (т. е. правителя), таким же образом Словом Божьим некто избавляется от проклятия и прощается от наказания в потустороннем мире либо не прощается за свою ошибку, или невыполнение своего долга.

Никто не прощается или не приговаривается за свою ошибку к гражданскому наказанию деянием носителя власти ключей мирского правителя, поскольку деянием можно лишь посадить в тюрьму или выпустить из нее; виновный, что вполне очевидно, прощается или обвиняется словом судьи.

Аналогичным образом никто не прощается и не приговаривается за свою ошибку к вечному проклятию деянием священника, но когда он получает благословение и допускается описанным в конце предыдущей главы способом к таинству причащения, тогда, как мы видим, пред церковью он рассматривается как прощенный Богом. Поэтому носитель ключей мирского судьи, заключая кого-либо в тюрьму или выпуская из нее, лишь исполняет свои обязанности, но при этом не имеет никакой юридической власти, позволяющей ему оправдать или приговорить.

Ведь если бы он выпустил из тюрьмы не оправданного мирским судьей человека или провозгласил бы перед народом, что тот оправдан, тем не менее, обвиненный по существу не был бы освобожден от гражданской ответственности и от наказания. И, наоборот, если носитель власти ключей отказался бы открыть двери тюрьмы и объявил, что некто, прощенный приговором судьи, не прощен им носителем власти ключей, остается должником за свою вину и будет отбывать гражданское наказание, человек должен считаться прощенным.

Точно так же священник, выполняя свою обязанность носителя ключей Небесного Судьи, только словесно оглашает прощение, осуждение или проклятие. Равным образом получится, если священник по невежеству или по хитрости, либо по обеим причинам сразу объявит, что должны быть прощены или уже по-настоящему прощены люди, которые на самом деле должны быть или уже осуждены Небесным Судьей.

Или, наоборот, первые не будут действительно прощены, а вторые не будут осуждены, поскольку священник не применил власть ключей с различием, соответственно деяниям обвиняемых. Поэтому он исполняет свою обязанность, но, как уточняет Амвросий, тем не менее, не пользуется правами никакой власти; хотя порой священники объявляют перед лицом церкви, что люди, которые якобы прощены и должны предстать пред Богом, на самом деле таковыми не являются и не должны быть прощенными для будущей жизни.

Но бывает и наоборот, о чем мы говорили выше, ссылаясь на авторитетные слова святых и мэтра в его книге IV, различие 18, глава 8. Недаром священник и не пользуется правами власти. Если бы это было так, то Божественная справедливость и обет иногда могли оказаться разрушенными.

§ 4. Только один Бог, используя свои права, в данных случаях является судьей, обладающим принудительной властью;

Он единственный, кто не может составить неверное представление о мыслях и трудах людей. Не случайно в главе IV «Послания к Евреям» сказано: Ибо нет твари, сокрытой от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его. Он единственный не желает ничего порочного, ибо «Ты справедлив, о, Господь, все твои суждения справедливы, все твои пути от благодетели, от истины и справедливости», как написано в III главе «Тобии» («Книги Товита»).

Следовательно, только Он является судьей. Аналогично говорится в «Соборном Послании Иакова», глава IV: Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить. Этого полномочия Иаков не приписывает ни самому себе, ни одному из тех апостолов, которые стали тремя опорами церкви, как утверждает апостол Павел во II главе «Послания к Галатам».

Однако Иисус желал, чтобы такие приговоры, выносимые Им в другом мире, подобно прогнозу врача, были бы ранее выносимы священником в виде его суждения в первом смысле данного термина, чтобы грешники в этом мире устрешили будущее осуждения и не совершали бы преступлений, и не подлежали бы наказанию. Это есть задача, выполнение которой требует исполнение священнического долга как самого настоящего и действующего.

Подобно доктору, лечащему тело, которому разрешением судьи или человеческого законодателя дано право обучать искусству медицины, практиковать и объявлять людям свое медицинское заключение относительно того, кто из них может выздороветь, а кто умереть, чтобы после его заключения люди вели умеренный образ жизни, избегали излишеств для сохранения здоровья тела, священник так же должен давать предписание и инструкции по такому делу и,

подобно доктору, предписывать такие-то наказания, которые обязаны быть соблюдены, рассуждая при этом таким образом, что те, кто их будет соблюдать, станут здоровыми, а те, кто их нарушает, станут больными и умрут.

Лишь в данном случае люди будут здоровыми или больными; необязательно из-за предписаний доктора, но под влиянием самой природы человека, хотя доктор исполнил свою обязанность. И опять же доктор не всегда может своим авторитетом заставить больного или здорового человека делать полезные для поддержания здоровья вещи, а вправе лишь призывать к этому, обучать людей и устрашать их своим суждением в первом смысле данного термина.

Такой прогноз позволяет им узнать, что станет с их здоровьем при соблюдении некоторых предписаний, а равно о наступлении болезни и смерти при их нарушении. Точно так же, аналогично доктору, священник, исцеляющий души, судит и призывает людей вести себя к вечному здоровью души, избегая ее вечной муки в потустороннем мире.

Однако священник не может и не должен никого принуждать в настоящей жизни, как было доказано нами авторитетными словами апостола, сказанными в первой главе «Второго Послания к Коринфянам», словами Амвросия, а также мнением Хрисостома, процитированными в § 6 главы V этой части трактата.

§ 5. Таким образом, священник согласно своим обязанностям не должен отождествлять себя с судьей в третьем значении этого слова, а скорее, только с судьей в первом значении. Другими словами, там, где ему дана власть обучать и практиковать подобно доктору, он не имеет никакой принудительной власти над кем-либо. Именно потому Иисус определял себя доктором, а не правителем, когда говорил о себе в главе V «Евангелия от Луки»: Не здоровые имеют нужду во врачах, но больные.

Он не сказал: «Они нуждаются в судьбе, и он пришел в этот мир, чтобы вести разбирательство тяжб», как было доказано словами из главы XII «Евангелия от Луки», процитированными нами в § 8 главы IV этой части трактата. Хотя именно в принудительном порядке Иисус будет судить живых и мертвых

в тот день, о котором говорит апостол Павел в последней главе «Второго Послания к Тимофею»:

А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его. Вот тогда Иисус, действительно, в принудительном порядке подвергнет наказанию тех, кто в этом мире нарушает Закон, непосредственно установленный Им.

Поэтому Иисус и говорит Петру символически: И я тебе дам ключи Царства Небесного; но он не сказал: Я тебе дам суждение Царства Небесного. Таким образом, как мы уже говорили, ни носитель ключей мирского судьи, ни носитель ключей Судьи Небесного не могут вершить принудительный суд в третьем значении этого термина, потому что ни тот, ни другой не обладают правом такой власти, как ясно заявил по поводу полномочий священника Амвросий и что мы достаточно подтвердили авторитетными словами других святых.

Да будет таковым наше заключение, могущество епископов и священников опирается на власть апостольских ключей, которые Иисус им доверил.

Глава VIII

О разделении человеческих деяний и о том, как они соотносятся с человеческим законом и компетенцией мирского судьи

<...> § 4. Однако для всех вышеуказанных действий, происходящих от человеческого разума, и особенно управляемых действий, были открыты некоторые правила или замеры, либо потенциалы, посредством которых эти действия выполняются соответствующим и надлежащим образом. От чего они управляемые действия происходят так, чтобы достичь нормальной жизни, скорее в этом мире, чем в потустороннем.

Среди этих потенциалов или правил есть такие, которыми действия человеческого разума, как присущие, так и переходные, направляются и регулируются без влияния наказания или вознаграждения за совершение или не со-

вершение действий, используемых принудительной властью к тем, кто их совершил или не совершил. Таковыми являются правила большинства практических дисциплин, включая производство судебного дела.

Среди принудительных правил есть такие, которыми те, кто их соблюдает или нарушает, вознаграждаются или наказываются в настоящей жизни; таковыми являются все законы и гражданские обычаи людей. Но есть другие принудительные правила, согласно которым субъекты действия вознаграждаются и наказываются только в будущей жизни.

Таковыми являются Божьи Законы, применяемые для большинства еретиков, имеющих общее название секты, поскольку, как мы говорили в главе VI первой части трактата, только один христианский закон содержит в себе Истину и достаточность того, что ожидается в будущем мире.

§ 5. Таким образом, христианский закон установил для бытия, т. е. для нормальной жизни в этом мире, устав управляемых человеческих переходных деяний, который необходимо соблюдать для пользы и правосудия, а также во избежание ущерба и несправедливости. Такой устав, предписывающий и ограничивающий деяния нарушителей, налагает на них кару или телесное наказание в ходе настоящей жизни.

Именно этому уставу мы дали общее название человеческий закон в главе X первой части трактата <...>

А для жизни в потустороннем мире Иисусом был установлен и дарован другой Закон, являющийся уставом управляемых человеческих деяний, как присущих, так и переходных, зависящих от власти нашего разума, по приказу которого они могут осуществляться в этом мире надлежащим или ненадлежащим образом, либо совсем не осуществляться, но в любом случае исключительно ради цели потустороннего мира. Данный Закон тоже является принудительным: он распределяет наказания и вознаграждения не в настоящем, а в будущем мире соответственно заслугам и провинностям тех, кто соблюдает или нарушает его в этом мире.

§ 6. Но эти принудительные законы, что человеческий, что Божий, составляют душу, движущую силу судебного приговора и его исполнения, поскольку они выступают основанием последних, обладая некоторыми одушевленными принципами для лиц, выносящих приговор человеческим деяниям согласно этим законам, а также для исполняющих судебные приговоры и содержащих нарушителей. Такое основание или принцип считается судьей в третьем значении, которое мы выявили в главе II этой части трактата.

В книге V труда «Этика», в трактате «О справедливости» сказано: «Судья на самом деле является одушевленной справедливостью». Итак, согласно человеческим законам надлежит иметь судью такого, о котором мы говорили, – обладающего властью судить судом в третьем значении этого термина, рассматривать подсудные человеческие деяния, исполнять судебные приговоры и наказывать в принудительном порядке, если кто-то нарушает закон. «Ибо судья – это Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое», – говорит апостол Павел в главе XIII «Послания к Римлянам» и судья был послан от Бога для этой цели, как сказано об этом в главе II «Первого Послания Петра».

§ 7. Апостол говорит: «делающему зло», хотя сам он, слышащий всех людей без различия, таковым не был. Но священники и епископы, т. е. все служители храма, обычно называемые духовными лицами, могут совершать зло действием или неисполнением своей обязанности. А поскольку некоторые из них (если не большинство) являются причиной реального ущерба или несправедливости по отношению к другим людям, они также подвергаются преследованиям за преступления, т. е. подлежат юрисдикции судей, которым принадлежит принудительная власть наказывать нарушителей человеческих законов.

То же самое заявил апостол Павел в главе XIII «Послания к Римлянам». Всякая душа, – говорит он, – да будет покорна властям высшим, а именно, согласно изложению святых, царям, правителям и трибунам. Ибо присущая материя должна подвергаться действию того субъекта действия, который порожден для воздействия на нее, и предназначенного для достижения соответствующей цели, что вполне очевидно из книги II труда «Физика».

Там написано: «Итак, каждая вещь испытывает на себе действие, как будто она создана для того, чтобы ее испытывать», и наоборот. Следовательно, нарушитель закона тоже является предметом или объектом, для воздействия на который правитель или судья создан с предписанием совершения правосудия в целях реализации равноправия или необходимой пропорции сохранения мира, либо спокойствия в общественной жизни или объединения людей, и, наконец, для достижения нормального достатка человеческой жизни.

И потому там, где находится такой предмет или объект, в какой-либо провинции, подчиненной судье, этот судья должен сделать его праведным. А поскольку священник тоже может быть тем самым предметом, т. е. нарушителем человеческого закона, он тоже может быть подвергнут суду такого судьи. Ибо для судьи неважно, является ли нарушитель священником, или мирянином, точно так же, если он будет крестьянином, или каменщиком.

Равным образом доктору безразлично, является ли больной человек музыкантом или нет, так как суть вещи сама по себе не отменяется или она не изменяется тем, что является случайным. В противном случае будет бесконечное множество судей и докторов по разным видам направления человеческой деятельности. Потому над любым священником или епископом, который нарушает человеческий закон, должно быть свершено правосудие и лишение его свободы по приговору судьи, обладающего принудительной властью над нарушителями человеческого закона в настоящем мире.

При этом судьей является мирский правитель как таковой, но не священник или епископ, что было доказано нами в главах XV и XVII первой части и главах IV и V этой части трактата. Итак, все священники или епископы, нарушающие человеческий закон, должны быть наказуемы правителем. И не только священники, но и другие служители храма должны быть наказаны за их правонарушения, так же, как наказываются люди мирские.

К тому же грехи первых более тяжки и совершены непристойным образом. Здесь нужно учитывать, что тот, кто знает в более полном объеме заповеди Христа, должен лучше ведать и избегать того, чего следует избегать;

кроме того, он должен стыдиться грешить, поскольку ему было дано задание обучать тому, чему должны быть обучены другие люди. Тем более что возможен грех священника по отношению к тому, кто грешником не является. Следовательно, грех священника более тяжок, и, таким образом, он должен нести за него большее наказание.

§ 8. Мы также не должны соглашаться с мнением, что несправедливые устные обвинения, а равно другие действия, запрещенные человеческим законом и причиненные кому-либо священником, являются духовными деяниями и что в таких случаях мирскому правителю не надлежит право вершить правосудие над священником.

Хотя, по сути, запрещенные законом деяния, вроде прелюбодеяния, насилия, убийства, грабежа, хищения, оскорбления, клеветы, предательства, мошенничества, святотатства и прочих преступлений, совершенные священниками, как показывает опыт, являются плотскими и мирскими, что было продемонстрировано нами выше – в главе II этой части трактата словами апостола, сказанными в главах III и IX.

«Первого Послания к Коринфянам» и главе XV «Послания к Римлянам». Все подобные действия должны рассматриваться исключительно как плотские и мирские, поскольку священник или епископ, совершающий их, грешит в более тяжелой и постыдной форме, чем те, которых он должен отвращать от таких поступков, ибо своим дурным примером он дает им возможность и свободу вершить злые деяния.

§ 9. Итак, любой священник или епископ обязан подчиняться юрисдикции правителей в части того, что человеческий закон предписывает соблюдать мирским людям. Священник сам по себе не может быть исключением в таких делах и не может своей властью освободить кого-либо от власти суда.

Я докажу это своим добавлением к тому, что уже было сказано в главе XVII первой части трактата, приведя, таким образом, оппонента к крайнему нежелательному для него выводу. Скажем, если епископ Рима или любой другой священник издавна освобожден от юрисдикции суда светских правителей,

если он не подчиняется такому суду, то он сам должен быть судьей без доверенности человеческого законодателя.

Вот тогда он может избавить от юрисдикции правителей всех служителей храмов, охватываемых общим названием духовные лица, чтобы подчинить их себе, как делают это в наши дни понтифики римские. Но из этого неизбежно следует упразднение юрисдикции мирских правителей в данной части, что, задевая всех правителей и все государства, по моему мнению, приведет общество к тяжелому и нежелательному последствию, ибо христианская религия никого не лишает от своего права, что ранее уже было показано нами в главе V этой части, где приводились слова Амвросия об отрывке из главы III «Послания к Титу»: Напоминай им повиноваться начальству и властям.

Довод против этого нежелательного последствия я представляю такой: мы не находим в Божьем Законе возражения против того, чтобы все священники и епископы имели жен; скорее всего, наоборот, им это разрешено, если, конечно, они имеют их не более одной, как сказано в главе III «Первого Послания к Тимофею». Но, что было установлено для людей законом или конституцией, может быть отменено таким же образом и той же властью.

Получается, что епископ Рима, в силу полноты власти (если допустить, что он ею обладает) считающий себя законодателем, может разрешить всем своим священникам и диаконам брать в жены женщин, и не только им, но и другим, не относящимся к духовенству и диаконству, освященным по-другому, т. е. тем, кого называют духовенством простого пострига. Более того, он может разрешить последним подобное еще более обоснованно.

Так, как сделал это, чему мы были свидетелями, папа Бонифаций VIII, свершивший подобное для расширения своей мирской власти. Последний вербовал в ряды духовников всех, кто очень желал этого, прежде всего, кто был женат только один раз и на девственнице. Бонифаций повелел в своих указах, называемых «декреталиями», зачислять таких людей в ряды духовенства.

Не ограничиваясь этим, он также исключил из компетенции гражданских законов людей, называемых внецерковными, которых в Италии именуют

«беззаботными монахами» или по-другому «возлюбленными». Таким же образом они епископы Рима по своему усмотрению сделали подобное в отношении тамплиеров, госпитальеров и других многочисленных орденов такого рода; а равно тех, кто составляет часть Haut-Pas.

Если подобным образом люди и далее будут освобождаться от юрисдикции правителей «декреталиями» понтификов, которые после наделения себя такими привилегиями, еще возьмутся разрешать общественные и гражданские конфликты, вполне правдоподобно, что большая часть многочисленной массы людей окажется в этих орденах. Ибо каждый человек склонен следовать своим личным интересам и избегать того, что наносит ему ущерб.

Тем более что ордена сами склонны принимать в свои ряды любых, как образованных, так и необразованных типов. Но тогда перед огромным количеством тех, кто входит в эти духовные ордена, юрисдикция и принудительная власть правителей окажутся бессильными, а число тех, кто наделяется общественными обязанностями, практически будет сведено к нулю.

Это приведет к тяжелому и нежелательному последствию, способному разрушить политическое общество и защиту его человеческим законодателем. Потому никто не должен быть освобожден от общественных обязанностей и не может избавляться от гражданской юрисдикции без распоряжения того же законодателя. Недаром апостол Павел в главе XIII Послания к Римлянам говорит: Для сего вы и подати платите.

Такой судья священник соответственно приравнен к врачу, имеющему право ставить диагнозы, предписывать и учить, а также рассуждать о вещах, которые полезно делать или которых нужно избегать, чтобы привести тело в здоровое состояние, отдаляя болезни и смерть. Недаром Иисус сам себя в земной жизни назвал врачом, но не правителем или судьей.

В отрывке из главы V «Евангелия от Луки», процитированном еще в предыдущей главе, Иисус, беседующий о себе с фарисеями, говорит: Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Иисус не повелевал, чтобы кто-нибудь в этом мире принуждал соблюдать Закон, который Он утвердил, и потому

не назначил в этом мире судью, обладающего принудительной властью наказывать нарушителей этого Закона.

Чтобы избежать подобной случайности, необходимо признать в действительности, что принц (правитель) на правах законодателя удерживает (имеет) юрисдикцию над епископами или священниками и отрядом чиновников из-за опасности разрушения политического сообщества в силу беспорядочного множества правителей, как мы установили это в главе XVII первой части трактата.

Правитель должен определить в каждой провинции, которая ему подчинена, точное число духовных служителей, равно как число людей, управляющих любой другой частью политического сообщества из-за опасения того, чтобы они в случае необоснованного увеличения их количества не могли оказать сопротивление принудительной власти правителя или породить смуту в политическом сообществе, или еще из-за их наглости или лени лишить город или королевство выгод от нужных дел, как мы установили это в главе XV первой части, начиная с аргументов книги V «Политики».

Таким образом, именно человеческий закон и судья, взятые в третьем значении этих терминов, призваны регулировать имманентные и транзитивные человеческие деяния в вопросе пользы и ущерба, права и несправедливости по отношению к другому человеку, который не является представителем власти. Все люди, как светские, так и духовные, обязаны подчиняться этой принудительной юрисдикции.

Однако, согласно человеческим законам, имеются и другие судьи, которых называют судьями в первом или во втором значении этого термина: такие знатоки подобных законов лишены, однако, принудительной власти; и ничто в любом обществе не ограничивает их численности, даже если они не подчинены друг другу.

Марсилиус Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / Марсилиус Падуанский: пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко». 2014. С. 272-288.

Полнотекстовая версия

<https://djvu.online/file/gsbJlxW26M6Rz?ysclid=lvqbcom4p1765148271>

Список вопросов для самоконтроля

1. Что подразумевается автором под «властью ключей апостольских»? Как следует трактовать эту метафору? Можно ли сказать, что она используется автором, чтобы очертить границы церковной власти?

2. Каковы, по Марсилию, функции священника, выполняющего «свою обязанность носителя ключей Небесного Судьи»?

3. Что Марсилий хочет сказать, проводя сравнение «земного» и «потустороннего» суда?

4. Объясните взаимосвязь высказывания «только один Бог является судьей, обладающим принудительной властью» и критики религиозного принуждения.

5. Как Марсилий определяет функции духовенства? В чем гуманистический потенциал сравнения деятельности священника и врача?

6. Можно ли сказать, что, несмотря на наличие в трактате идеи веротерпимости, для Марсилия характерна позиция эксклюзивизма католической доктрины? Усматриваете ли Вы в этом противоречие?

7. Почему автор утверждает, что «духовные лица» часто являются «причиной реального ущерба или несправедливости по отношению к другим людям»? Что он предлагает в этой связи?

8. Что, по мнению Марсилия, необходимо для «сохранения мира, либо спокойствия в общественной жизни или объединения людей»?

9. Как в трактате обосновывается необходимость юрисдикции светских правителей над церковью?

РАЗДЕЛ 4. Идея межконфессиональной общности в эпоху Возрождения

Настоящий раздел посвящен эволюции взглядов на вопросы религиозного плюрализма и веротерпимости в эпоху Возрождения. В данный период вместе с переходом от теоцентризма к антропоцентризму намечается и пересмотр пределов терпимости, характерных для средневековой Европы. К середине XV в. относится текст, который с известной долей условности можно назвать «суперэкуменистическим». И он не был для своего времени чем-то исключительным. Еще до его написания, в 1430-е гг. во вполне экуменистическом ключе обсуждалась идея воссоединения католической и православной церквей, впоследствии нашедшая отражение во Флорентийской унии 1439 г. Уния окажется недолговечной, а начало реформационного движения XVI в. станет новым витком разобщенности и преследований на конфессиональной почве.

Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать текст источника, самостоятельно выделить в нем ключевые понятия для обсуждения на практическом занятии. Важность приведенного ниже сочинения заключается не только в том, что автор «приглашает» к диалогу представителей совершенно различных «конфессий», но и в том, что он пытается воспроизвести суть разнообразных доктрин, демонстрируя уровень знаний и характер представлений об «иноверцах», свойственный интеллектуалу эпохи Возрождения.

НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ «О МИРЕ ВЕРЫ»

Пояснения к тексту

Ниже приводится текст трактата немецкого ученого, гуманиста и церковно-политического деятеля Николая Кузанского (1401-1464 гг.) «О мире веры» с незначительными сокращениями. Трактат представляет собой беседы между представителями различных «конфессий» («греком», «чехом», «татаринном», «арабом», «испанцем», «скифом», «турком» и др.) – с одной стороны,

и Иисусом Христом, апостолами Петром и Павлом – с другой. В ходе дискуссии выявляются некие общие элементы, единые для всех. Поводом к написанию трактата послужило известие о захвате Константинополя турками 29 мая 1453 г. На Николая Кузанского, посещавшего Константинополь ранее в рамках объединительного собора между западной и восточной церквами, это известие произвело крайне тягостное впечатление. Основная идея сочинения – прекращение межрелигиозной розни.

Фрагменты текста

I.

1. Сообщение о свирепых деяниях, совершенных недавно в Константинополе правителем турок, зажгло ревностью Божией некоего мужа, когда-то посещавшего те места, и он в долгом стенании молил Творца всего утишить своей милостью преследования, сверх обычного свирепствующие из-за различия религиозных обрядов. Случилось так, что спустя несколько дней, возможно через продолжительную неотступную медитацию, этому ревностному христианину предстало некое видение, из которого следовало, что несколько мудрых мужей, изобильных опытом всех тех различий, какие наблюдаются в религиях земного круга, способны отыскать способ некоего единого соглашения и так удобным и правым путем учредить в религии вечный мир. Поэтому он подробно, насколько сохранила память, записал свое видение, чтобы оно когда-нибудь дошло до сведения тех, кто предводительствует в главных религиях.

2. Итак, он был восхищен на некую умопостигаемую высоту, где как бы среди мужей, отрешившихся от земной жизни, шел разбор названного дела в Совете всевышних сил под председательством Всемогущего, следующим образом. Царь неба и земли изрек, что печальные вестники донесли до него из области земного мира стоны угнетенных: по причине религии многие взаимно подняли друг на друга оружие и либо силой понуждают людей к отречению от давних обычаев и убеждений, либо причиняют им смерть. Были там и принесшие эти жалобы со всей земли, и Царь среди полного собора святых повелел

им выступить вперед. Казалось бы, все они были известны небожителям, ибо от начала самим Царем вселенной были поставлены над отдельными областями мира и вероисповеданиями; видом своим они походили не на смертных, а на умные силы.

3. От лица всех посланцев один из предводителей произнес такие слова; «Господи, Царь вселенной, что из всего, чем владеет тварь, дано ей не тобою? Ты соблаговолил вдохнуть разумный дух в человеческое тело, слепленное из земной глины, и в нем воссиял образ Твоего несказанного достоинства. От единого человека размножился многий народ, занимающий поверхность суши. И хотя умный дух, посеянный на земле, будучи поглощен мраком, не видит Свет, место своего истока, однако Ты сотворил вместе с ним все то, посредством чего, разбуженный удивлением перед чувственно постигаемыми им вещами, он смог бы со временем к Тебе, Творцу всего, возвысить око ума и с Тобой соединиться в высшей любви, чтобы так вернуться потом в место своего начала с добрым плодом.

4. Но Ты знал, Господи, что среди великого множества не может не быть многого различия и что почти все люди принуждены вести жизнь трудную, полную бедствий и нищеты, сгибаясь в рабском подчинении у царей и властителей. Из-за этого получается, что немногие из общего числа имеют достаточно досуга, чтобы, пользуясь собственной свободой суждения, достичь знания самих себя. Множество телесных забот и служб отвлекает их, так что Тебя, Бога сокровенного, искать они не в силах. Поэтому Ты поставил над народом Твоим разных правителей и провидцев, именуемых пророками; из них многие, исполняя долг Твоих посланцев, учредили именем Твоим обряды и законы и наставили в них грубый народ. Законы эти люди приняли так, словно Ты Сам, Царь царей, говорил с ними лицом к лицу; уверовали, что не пророков, но Тебя в них слышали. Разным народам, однако, Ты послал разных пророков и учителей, и одних – в одно, других – в другое время. А земное (человеческое) состояние таково, что давнюю привычку, превращающуюся, как говорят, в

натуру, люди защищают, словно саму истину. Так возникают немалые разногласия, когда всякая община предпочитает свою веру чужой.

5. Так помоги Ты, Кто один можешь. Ведь Тебя ради, Единственного почитаемого во всем том, что все кажутся чтущими, разгорается это ревнование. Во всем том, к чему каждый явно стремится, никто не стремится ни к чему, кроме Блага, которое есть Ты; и никого другого не ищет ни одно разумное искание, кроме Истины, которая есть Ты, к чему стремится живущий, если не к жизни? К чему – существующий, если не к бытию? Поэтому Ты, даритель жизни и бытия, и есть Тот, к Кому, несомненно, по-разному стремятся различные веры и Кого именуют всевозможными именами: ибо таков, каков есть, Ты для всех остаешься неведомым и несказанным. В самом деле, будучи бесконечной силой, Ты не есть ничто из сотворенного Тобой; и не в силах тварь обнять понятие Твоей бесконечности, потому что между конечным и бесконечным никакой соизмеримости нет. Но Ты, Бог всемогущий, можешь Себя, никакому уму невидимого, кому хочешь явить зримо, насколько тебя можно вместить. Так не таись же более, Господи; будь милосерден, яви Свое лицо, и будут спасены все народы, которые не хотят уже отдаляться от источника жизни, как ни мало удалось им вкусить его сладости. Ибо от Тебя не отпадают, разве что не знают Тебя.

6. Если соблаговолишь сделать так, прекратится резня и черная ненависть и всякое зло; и узнают все, что одна единая религия существует в разнообразии обрядов. И если это различие обрядов отменить, пожалуй, невозможно или бесполезно, так что пусть разнообразие служит возрастанию благочестия, когда всякая область своим обычаем служения, как бы более Тебе угодным, будет воздавать Тебе, Царю, более ревностные почести, то по крайней мере, как Ты един, так будут едины религия и вероисповедание. Смилуйся же, Господи <...>

II.

7. Когда при этом молении архангела все небожители одинаково преклонились перед Всевышним Царем, Восседавший на троне сказал, что предоста-

вил человека его свободной воле, ибо сотворил его в этой свободе воли способным к соцарствию с Собой. Но поскольку животный и земной содержится князем мрака в незнании, поступая применительно к условиям чувственной жизни, которая от мира князя тьмы, а не по внутреннему умному человеку, жизнь которого – от области его истока, то, сказал Царь, Он с великой заботой и тщанием через разнообразных пророков, которые в сравнении с прочими умели видеть, призывал отклонившегося человека. Наконец, когда даже все эти пророки не смогли достаточным образом одолеть князя тьмы, Он послал Слово Свое, коим и веки сотворил. Оно облеклось в человечество, чтобы по крайней мере так просветить человека, следующего своей вполне свободной воле, и он увидел бы, что надлежит поступать не по внешнему, а по внутреннему человеку, если он надеется вернуться когда-то к наслаждению бессмертной жизнью. Поскольку же Слово Его облеклось в смертного человека, Оно и кровию Своей засвидетельствовало ту истину, что человек способен к жизни вечной, ради достижения которой животную и чувственную жизнь должно почитать ни во что, и что вечная жизнь и есть не что иное, как высшее желание внутреннего человека, т. е. истина, к которой единственно стремится и которую, вечной, вечно питается ум. Эта питающая ум истина и есть само Слово, в котором собрано все, через которое все разворачивается и которое облеклось в человеческую природу, чтобы всякий человек не сомневался в возможности по выбору свободной воли в своей человеческой природе, в том Человеке, который есть и Слово, стяжать бессмертную пищу истины. «А коль скоро все это совершено, – добавил Он, – что еще могло бы быть сделано, но не сделано?»

III.

8. На этот вопрос Царя царей Слово, ставшее плотью, главенствуя над всеми небожителями, ответило от имени всех: «Отец милосердия, хотя деяния Твои совершенны и для их полноты не остается ничего добавить, однако, поскольку Ты искони положил человеку пребывать в свободе воли, а в чувственном мире ничто не пребывает постоянным и мнения и текущие предположения

изменяются со временем, равно как языки и истолкования, то человеческая природа нуждается в частом посещении, чтобы заблуждения, которых больше всего вокруг Твоего Слова, искоренились, и непрестанно воссияла истина. Коль скоро истина едина и свободный ум не может не понять ее, все разнообразие религий будет приведено тогда к единой истинной вере».

9. Царь согласился и, призвав ангелов, предводительствующих в каждом народе и языке, предписал каждому из них привести к Слову, сделавшемуся плотью, по одному опытнейшему мужу. И как только они, мудрейшие мужи сего мира, как бы восхищенные в исступлении, явились перед лицом Слова, Слово Божие обратилось к ним так: «Услышал Владыка, Царь неба и земли, стенания убиваемых и заковываемых в кандалы и уводимых в рабство, страдающих из-за различия религий. И поскольку все, и творящие, и претерпевающие это гонение, движимы не чем иным, как уверенностью, что таким путем они помогают спасению и убоготе творца, то Господь сжался над народом и пожелал, чтобы все религиозные различия по общему соизволению всех людей были согласно сведены к одной религии, в дальнейшем нерушимой. Этот труд Он поручил вам, избранным мужам, дав вам в помощь из Своей свиты служебных ангельских духов, которые будут вас хранить и направлять, и назначив для него удобнеее место святой Иерусалим».

IV.

10. На это один, старейший из всех и по виду Грек, поклонившись, отвечал: «Возносим хвалу нашему Богу, чье милосердие во всех делах Его; Кто один может сделать, чтобы столь великое различие религий пришло к единому согласию; и Чьему предписанию мы, его создание, не можем не повиноваться. Но просим теперь наставить нас, каким способом это единство религии может быть нами введено. Ведь чтобы народ принял иную веру, чем та, за которую он до сих пор даже проливал кровь, едва ли достанет наших увещаний».

Ответствовало *Слово*: Вы увидите, что во всех религиях предполагается не иная, но одна и та же единая вера. Ведь вы, стоящие здесь, среди соотарищей по вашему языку зоветесь мудрецами или по крайней мере философами, т. е. любящими премудрость.

«Так», – сказал Грек. «Если же вы все любите премудрость, не предполагается ли вами, что премудрость существует?» Все сообща воскликнули, что никто не сомневается в ее существовании.

11. *Слово* продолжало: Премудрость может быть лишь одна. Ведь если бы оказалось возможным существование многих премудростей, они обязательно происходили бы из одной, ибо единство прежде всякого множества.

Грек: Никто из нас не сомневается в том, что существует единая премудрость, которую мы все любим, ради которой именуемся философами и благодаря причастности, которой многие считаются мудрецами, хотя сама премудрость пребывает в себе простою и неделимой.

Слово: Итак, вы все сходитесь в том, что существует единая премудрость, сила которой неизъяснима. И при развертывании ее силы каждый познает на опыте действие этой невыразимой и бесконечной силы. <...> Вы идете правым путем к намеченной нами цели. Итак, всеми вами, хотя вы и зоветесь принадлежащими к разным религиям, при всем их разнообразии предполагается нечто единое, что вы называете премудростью. Скажите только, не обнимает ли единая премудрость все, что может быть сказано?

V.

13. Отвечал *Италиец*: Поистине, нет слова вне премудрости. Слово премудрого Владыки в премудрости, и премудрость в слове, и нет ничего вне ее; премудрость охватывает всю бесконечность.

Слово: Так если кто-то скажет, что все премудростью сотворено, а другой – что все сотворено Словом, скажут ли они одно и то же или разное?

Италиец: Хотя выражение здесь предстает различным, однако по смыслу это одно и то же. Ведь Слово Творца, в Котором Он все сотворил, не может быть не чем иным, как Его премудростью.

14. *Слово:* А как вам кажется: эта премудрость есть Бог или тварь?

Италиец: Поскольку творец Бог творит все премудростью, Он необходимо есть Премудрость сотворенной премудрости. Ведь прежде всякого творения та Премудрость, благодаря которой все сотворенное есть то, что оно есть.

Слово: Стало быть, премудрость вечна, ибо она прежде всего начавшегося и сотворенного.

Италиец: Никто не может отрицать вечность того, что мыслится предшествующим всему, имеющему начало.

Слово: Итак, премудрость есть начало.

Италиец: Так.

<...>

Слово: Итак, Премудрость есть Бог единый, простой, вечный, начало всего.

Италиец: Необходимо так.

Слово: И значит вы, философы разных учений, согласны в почитании единого Бога, коего предполагаете уже тем самым, что признаете себя любящими премудрость.

VI.

16. Здесь, поднявшись, откликнулся *Араб:* «Нельзя сказать яснее и истиннее».

Слово: Теперь, исповедуя абсолютную Премудрость уже тем, что вы – любомудры, не полагаете ли вы, что премудрость любят и все вообще люди, поскольку живут разумом?

Араб: Полагаю, что поистине все люди от природы стремятся к премудрости; ведь премудрость есть жизнь ума, который не может поддержать свою жизнь иною пищей, чем истиной и словом жизни <...>

Слово: Следовательно, вместе с вами все люди исповедуют единую совершенную Премудрость, существование которой предполагают. А эта Премудрость есть единый Бог.

Араб: Это так, и ни один разумный человек не в силах представить дело иначе.

Слово: Стало быть, едино богочитание и едина религия всех живущих разумом существ, предполагающаяся во всем разнообразии обрядов.

17. *Араб:* Ты есть Премудрость, ибо Ты Слово Бога. Скажи, как почитатели многобожия сойдутся с философами на том, что Бог един? Ибо философы во все времена твердо стояли на том, что невозможно быть многим богам, над которыми не было бы единого превознесшегося над ними Бога, единственного начала, от которого прочие имеют все, что имеют, и которое много превосходнее, чем единица, начало числа.

Слово: Все люди, когда-либо чтившие многих богов, предполагают существование божественности. Они поклоняются ей во всех своих богах как причастных одной и той же божественности. Ведь как без существования белых вещей нет белых вещей, так без существования божественности нет богов. Почитание богов есть таким образом признание божественности. И кто утверждает многих богов, тот заранее утверждает единое начало всех их, как тот, кто признает многих святых, допускает единого Святого святых, <...> Поэтому если все почитатели многобожия обратятся к тому, что предполагается их почитанием, а именно к божественности, основе всех богов, и, как велит сам рассудок, возвысят ее в предмет явного почитания, как неявно (*implicite*) они уже почитают ее во всех тех, кого называют богами, то спор разрешится.

Араб: Это, пожалуй, окажется и не трудным; но тяжело будет отменить поклонение богам. Ведь народ уверен, что таким поклонением снискивает себе милости, потому тяготеет к своим богам ради собственного спасения.

Слово: Если и о спасении тоже научить народ вышесказанным способом, он будет искать спасения в Подателе бытия, Который Сам есть Спаситель и

бесконечное спасение, а не в богах, не имеющих от себя ничего, кроме дарованного им Спасителем. Впрочем, если народ, единодушно считая богов святыми, прожившими богоподобную жизнь, прибегает к ним как к общепризнанным заступникам в болезни или в иной нужде или коленопреклоненно молится им и благоговейно чтит их память потому, что они друзья Бога и их жизнь достойна подражания, то он не идет против единой религии, лишь бы только он посвятил все свое богопочитание единому Богу; и таким путем народ быстро придет к успокоению.

VII.

19. На это *Индус*: Как тогда в отношении изваяний и изображений?

Слово: Образы, ведущие к познанию того, что допускается в почитании единого Бога, не вредят. Но когда они уводят от исповедания единого Бога, как если бы в самих камнях было нечто божественное, вселившееся в статую, то, поскольку они обманывают и отклоняют от истины, их по справедливости надо сокрушить.

Индус: Народ трудно отвлечь от укоренившегося идолопоклонства по причине оракулов, которые он получает в ответ на свои вопрошания.

Слово: Ответы оракулов редко не измышляются самими жрецами, сообщающими, что божество ответило таким-то образом. Исходя из заданного вопроса, они либо по правилам некоего искусства, через наблюдение светил, либо наугад сочиняют ответ, который приписывается божественной силе, словно ответить таким-то образом велели небо, Аполлон или Солнце. Поэтому ответы бывают обычно или двусмысленными, чтобы нельзя было открыто уличить идолов во лжи, или совершенно лживыми; а если они когда-либо верны, то случайно. И если жрец хороший мастер догадок, он пророчествует лучше и ответы бывают вернее.

20. *Индус*: Известно, что нередко некий дух, вселившийся в изваяние, дает внятный ответ.

Слово: Не душа человека, или Аполлона, или Эскулапа, или кого иного, почитаемого вместо Бога, а негодный дух, изначально враждебный человеческому спасению, иногда, но редко прикидывался через человека по его доверчивости вселившимся в изваяние и изрекающим оракулы, чтобы так обмануть; но после обнаружения обмана он умолкал, так что ныне эти духи имеют уста, а не глаголют <...>

Индус: Если откроется, что обман обнаружен и что на этом основании разумнейшие латиняне, греки и арабы сокрушили идолов, то, надо надеяться, так же поступят идолопоклонники индусы, тем более что они не лишены мудрости и не сомневаются в необходимости почитания единого Бога. Пусть даже, исповедуя, как сказано, единого Бога, они одновременно по-своему почитают идолов, они и таким путем придут к мирному завершению. Но будет крайне трудно достичь согласия о троичности Бога. По-видимому, никто не сможет постичь Троицу без трех, а если в божестве троякость, в нем будет и множественность. <...>

21. *Слово:* Бог един как Творец; Бесконечный, Он и не троичен, и не един, и не таков, чтобы о нем можно было что бы то ни было высказать. Относимые к Богу имена выводятся из Его творений, поскольку Сам в Себе Он невыразим и превосходит все, что можно именовать и высказать. Но далее: поклоняющиеся Богу необходимо поклоняются Ему как началу вселенной, а в единой вселенной мы видим множественность частей, неравенство и раздельность <...> Итак, в одной и той же вечности оказываются единство, равенство единству и единение, или связь, единства и равенства. Простейшее начало вселенной, таким образом, триедино. <...> Отсюда Троица в Боге – не сумма, не множество и не число, а простейшее единство. Верующие в единство Бога не станут поэтому отрицать Его троичность, когда поймут, что эта троичность не отличается от простейшего единства, а есть само это единство, так что не будь Троицы в единстве, не было бы всемогущего начала для создания вселенной и каждой отдельной вещи. Чем единее сила, тем она крепче, и опять же, чем она единее, тем проще; поэтому чем она могущественнее, или крепче, тем она

проще. Так что если божественная сущность всемогуща, то она совершенно проста и троична, ибо без троичности она не была бы простейшим, сильнейшим и всемогущим началом.

Халдей: Думаю, никто не сможет разойтись с этим пониманием. Но что у Бога есть Сын, сопричастник Его божественности, это оспаривают арабы и многие с ними.

24. *Слово:* Называют некоторые единство Отцом, равенство Сыном, а связь Святым Духом, потому что пусть эти термины употребляются не в собственном смысле, однако они удобным образом обозначают Троицу. От Отца Сын, и от единства Отца и равенства Сына любовь, или Дух; ибо природа Отца переходит в некое равенство Себе в Сыне, и от единства и равенства возникает любовь, или связь. И если бы можно было найти более простые термины, они были бы еще уместнее, – например, единство, оность и тождество <...>

IX.

25. На это ответил *Иудей:* Превосходно объяснена преблагословенная Троица и отрицать ее невозможно. Да и пророк, кратко являя нам ее, говорил о Боге, вопрошающем, как может Он, подающий изобильное плодородие порождения Сам оставаться бесплодным. И как ни избегали бы идеи Троицы, сочтя ее множественностью, однако поняв, что такое простейшая плодотворность, они весьма охотно примирятся.

26. *Слово:* Арабы и все мудрецы тоже без труда поймут отсюда, что отрицать Троицу значит отрицать божественную плодотворность и творящую силу и что признать Троицу значит отвергнуть множественность и сосуществование богов <...> И арабы много лучше смогут схватить истину этим способом, чем говоря, как это делают они, что у Бога есть сущность и душа, и добавляя, что у него есть слово и дух. В самом деле, когда говорят, что у Бога есть душа, эта душа может пониматься лишь как Логос, или Слово, Которое есть Бог, ибо Логос есть не что иное, как Слово. И что есть тогда Святой Дух Божий, как не любовь, которая есть Бог? все истинно высказываемое о Боге

из-за Его абсолютной простоты есть Он Сам: если истинно, что у Бога есть Слово, истинно, что Бог есть Слово; если истинно, что у Бога есть Дух, истинно, что Бог есть Дух. Что «у Бога есть» нечто, говорится не в собственном смысле, потому что Он Сам есть все, так что «есть у Бога» значит «Бог есть». Араб поэтому не отрицает, что Бог есть ум, от которого рождается Слово, или Премудрость, а от обоих исходит Дух, или любовь; но это и есть изложенная выше Троица, которую допускают и арабы, хотя они большей частью не замечают, что исповедуют Троицу. Точно так же и вы, иудеи, находите у ваших пророков, что небеса созданы Словом Бога и Духом Его. В том смысле, в каком отвергают троичность арабы и иудеи, она вообще должна быть по справедливости отвергнута всеми; но в том смысле, в каком истина Троицы изложена выше, ее необходимо должны принять все.

27. На это *Скиф*: Не может быть никакого сомнения, что следует поклоняться простейшей несоставной Троице; Ей уже и сегодня поклоняются все чтущие Бога. В самом деле, некоторые философы говорят, что Бог есть творец обоих полов и любви, этим, как могут, раскрывают плодотворнейшую Троичность творца. <...>

28. *Галл*: Мне приходилось некогда слышать споры ученых мужей о том, что вечность – либо нерожденная, либо рожденная, либо ни нерожденная, ни рожденная. Усматриваю, что нерожденная вечность на разумном основании именуется Отцом, рожденная Словом, или Сыном, а ни рожденная, ни нерожденная – любовью, или Святым Духом, поскольку он исходит от обоих и, исходя от обоих, ни нерожден, ибо не Отец, ни рожден, ибо не Сын <...>

30. Тут заговорил *Перс*: Петр! Слово Бога есть Бог. Как Бог, Который неизменен, может быть не Богом, но человеком, Творец – тварью? Почти все мы это отрицаем, за исключением немногих в Европе. И если некоторые среди нас зовутся христианами, они согласны с нами, что такое дело невозможно, т. е. чтобы бесконечное стало конечным, а вечное – временным.

Петр: Это вот, т. е. что вечное бывает временным, я отвергаю вместе с вами. Но поскольку все вы, держащиеся мусульманского закона, говорите, что

Христос есть Слово Бога, – и правильно говорите, – вам необходимо признать его и Богом.

Перс: Мы признаем, что Христос есть Слово и Дух Бога, в том смысле, что из всех живущих и живших людей никто не обладал таким величием божественного слова и духа, но мы допускаем, что тем самым он был Богом, приобщиться к Коему невозможно. Чтобы не впасть в многобожие, мы, исповедуя его близость к Богу, не считаем его Богом.

Петр: Вы верите, что природа Христа была человеческой?

31. *Перс:* Да, и утверждаем, что она была и осталась в Нем истинно человеческой.

Петр: Прекрасно. Это природа, поскольку она человеческая, не была божественной. И во всем, что вы видели в Христе сообразного с этой человеческой природой, делавшей его подобным прочим людям, вы видели Христа не богом, но человеком.

Перс: Да.

Петр: В этом никто с вами не расходится. Человеческая природа в Христе оставалась в своей полноте, через нее он был истинно человеком и смертным, как другие люди; но как раз по этой природе Он не был Словом Божиим. Поэтому скажи мне: признавая его Словом Бога, что вы под этим понимаете?

32. *Перс:* Не природу, но благодать; а именно, что Он стяжал столь исключительную благодать, что Бог вложил в Него Свое слово.

Петр: Не вложил ли Он слово сходным образом и в других пророков? Ведь они все говорили по слову Господа и были вестниками слова Бога.

Перс: Это так; но изо всех пророков величайший Христос, поэтому ему гораздо более пристало называться словом Бога, чем другим пророкам. Многие указы по частным делам в разных провинциях могут содержать в себе слово царя, но лишь один единственный содержит то царское слово, по которому управляется все царство, так как оно содержит закон, или предписание, которому должны повиноваться все.

Петр: Ты предложил сравнение, удобное для случая, а именно, царское слово, начертанное на разных бумагах, не изменяет эти листы бумаги в иные природы, после начертания слова их природы остаются, какими были раньше. В этом смысле вы говорите, что у Христа сохранилась человеческая природа.

Перс: Да, говорим.

33. *Петр:* Согласен. Но обрати внимание на разницу между указами и наследником царства. В наследнике царства – собственно слово царя, живое, свободное и неограниченное, в указах – никогда.

Перс: Признаю. Если царь посылает наследника в свое царство, наследник несет живое и неограниченное слово отца.

Петр: Не наследник ли есть собственное слово, а вовсе не гонец, посол, письмо или указ, причем слово наследника свертывает в себе все слова гонцов и указов? Хотя наследник царства не отец, а сын, он не иной для царственной природы, в силу какового равенства он наследник.

34. *Перс:* Понимаю. Но препятствие в том, что царь и сын суть двое; почему мы и не допускаем, что у Бога есть сын. Сын оказался бы иным богом, чем отец, подобно тому как сын царя иной человек, чем отец.

Петр: Ты прав, что нападаешь на сравнение; оно не годится, если глядеть на его субстрат.

<...>

Перс: Что бы ты ни говорил, оттого, что человеческая природа в каком-либо человеке через благодать может возвыситься до единения с божественной, человек Христос должен называться богом не в большей мере, чем иные святые, хотя среди людей ему нет равных в святости.

39. *Петр:* Если ты обратишь внимание на то, что лишь в Христе верховная высота, выше которой не может быть, и величайшая благодать, полнее которой не может быть, и величайшая святость, и то же в отношении прочего; а потом на то, что невозможна более чем одна величайшая высота, больше которой не может быть, и то же в отношении благодати и святости; если, далее, заметишь, что всякая высота любого пророка, на какой бы ступени он ни стоял,

несоизмеримо отстоит от высоты, выше которой не может быть, так что на любой данной ступени его высоты между ним и единым Всевышним могут поместиться бесчисленные ступени, высшие данной и меньшие наивысшей (то же в отношении благодати, святости, знания, мудрости, учительства и прочего), ты ясно понял бы, что может быть лишь один Христос, в Котором человеческая природа в единстве своего основания единится с божественной природой. И арабы тоже признают это, хотя большей частью не до конца осмысливают; ведь арабы только Христа называют высшим в этом и будущем мире и Словом Бога. Те, кто называет Христа Богом и человеком, тоже говорят по существу лишь то, что один Христос – высший человек и Слово Божие.

Перс: Хорошо рассмотрев необходимость единения, которое во Всевышнем, арабы явно смогут быть приведены к принятию этой веры, ибо благодаря ей единство Бога, которое они более всего стремятся оградить, никак не ущемляется, но спасается. Однако скажи: как можно понять, что субстратом человеческой природы оказывается не она сама, а божественная, к которой она прилепляется?

<...>

41. *Петр:* Кроме того, все многочисленные последователи секты арабов признают, что Христос воскрешал мертвых и сотворял из глины пернатых, и исповедуют, что Иисус Христос как власть имущий сделал и многое другое, откуда их еще легче подвести к истине, коль скоро невозможно отрицать, что Он делал это силою божественной природы, с которой человеческая была соединена субстратно: могущество Христа, коим Он повелел быть тому, что, признают арабы, Он сделал, невозможно по человеческой природе, если эта человеческая природа не усвоена через единение божественной, способной так повелевать.

Перс: Да, арабы утверждают в отношении Христа это и еще многое, что записано в Коране. Труднее других, однако, будет привести к такой вере иудеев, потому что они ничего подобного открыто о Христе не допускают.

Петр: В их Писаниях о Христе все это говорится, но, следуя буквальному смыслу, они не хотят понимать. Однако упрямство иудеев не помешает согласию, ведь они немногочисленны и возмутить весь мир войною не смогут.

XIII.

42. На это *Сириец:* Петр! Раньше здесь говорилось, что через единство предполагаемого можно обнаружить согласие в любой вообще религии; скажи, как это подтверждается в данном случае.

Петр: Скажу. Прежде всего ответь мне: не один ли Бог вечен и бессмертен?

Сириец: Так верю; ибо кроме Бога все имело начало, а имея начало, будет по своей природе иметь и конец.

Петр: Не каждая ли почти религия – иудеев, христиан, арабов и большинства остальных людей – держится того убеждения, что смертная человеческая природа каждого человека после временной смерти воскрешается к вечной жизни? <...>

Сириец: Понимаю. Ты хочешь сказать, что вера в воскресение мертвых предполагает единение человеческой и божественной природы, без чего эта вера была бы невозможна; и ты утверждаешь, что это единение существует в Христе, откуда следует, что Христос предполагается верой в воскресение мертвых.

44. *Петр:* Верно понимаешь. И не даром всякое обетование, обещанное иудеям, закрепляется у них верой в мессию, или посредника, коим эти обетования как относящиеся к вечной жизни только и могли и могут быть исполнены.

Сириец: А другие секты?

Петр: Точно так же. <...>

XIV.

46. *Испанец:* Относительно мессии, чье пришествие исповедует большая часть мира, будет, по-видимому, еще одна трудность, касающаяся Его рождения: христиане и арабы утверждают, что Он родился от девы Марии, а другие считают это невозможным.

Петр: Все верующие в пришествие Христа исповедуют Его рождение от девы. В самом деле, будучи высотой совершенства человеческой природы, единым Всепревосходным, Сыном какого Отца Он должен быть? Любой отец, рождая, по совершенству природы настолько отстоит от полноты совершенства, что не может сообщить сыну последнее совершенство, выше которого не может быть и которое мыслимо только в одном единственном человеке. Такое может лишь Тот Отец, Который сотворил природу. <...>

XV.

50. *Немец:* все это прекрасно. Но только в отношении блаженства я вижу немалые расхождения. В законе иудеев говорится лишь о мирских обетованиях этого времени, которые заключаются в чувственных благах; арабам по их закону, записанному в Коране, даются тоже лишь плотские, однако вечные обетования; напротив, Евангелие обещает ангелообразность, т. е. что люди будут подобны ангелам, у которых нет ничего плотского.

Петр: Что можно помыслить в этом мире, желание чего не притупляется, но постоянно возрастает?

Немец: Все мирское надоедает со временем, одно лишь духовное – никогда. Яства, питье, роскошество и все в этом роде иногда приятно, иногда неприятно, и всегда ненадежно; наоборот, познание, понимание, созерцание истины взором ума всегда приятно; и чем старше человек, тем более он это любит, и чем больше приобретает этого, тем больше стремится иметь.

51. *Петр:* Таким образом, если желанию должно быть постоянным и вкушению – вечным, это будет вкушением не временной и не чувственной, а только духовной жизни. В Коране есть обетование рая, где текут реки вина и меда и где множество девственниц, однако многим такое в этом мире ненавистно; как же они будут счастливы, получив там то, чего здесь не хотят иметь? В Коране говорится, что в раю будут прекраснейшие черные девственницы с глазами, имеющими огромные светлые белки; в этом мире никакой немец, даже преданный плотским порокам, не возжелал бы таких. Поэтому все

это необходимо должно пониматься уподобительно. Ведь в другом месте Коран запрещает в своих храмах, или синагогах, или мечетях совокупление и все прочее, желанное для плоти. Невозможно поверить, чтобы рай уступал в святости мечетям; так как же в мечетях запрещается то, что разрешается в раю? В другом месте говорится, что в раю все это есть потому, что там необходимо быть исполнению всего желанного. Отсюда достаточно ясно, что хочет сказать Коран, утверждая, что там есть подобные вещи, поскольку все это столь желанно в мире сем, то, если только предположить, что в ином мире возникнет равное желание, там по желанию окажутся все изысканные и изобильные удовольствия; иначе, как через это уподобление, он не мог выразить, что райская жизнь есть исполнение желанного <...>

XVI.

54. *Татарин*: Я услышал здесь много прежде мне неизвестного. Многочисленные и простые татары, чтущие в своем большинстве единого Бога, удивляются тому, сколь разнообразны обряды иных народов, даже чтущих одного с ними Бога. Так, им кажутся смешными некоторые из христиан, все арабы и иудеи, – одни обрезанные, другие с выжженными на лице знаками, третьи крещенные в купелях. Затем, в супружестве огромное расхождение: эти имеют одну жену, те одну настоящую, сочетавшуюся с ними браком, но зато многих наложниц, третьи – многих законных жен. И священные обряды тоже настолько различны, что невозможно перечислить, причем среди всего этого разнообразия наиболее отвратительным представляется христианский обряд, когда в жертву приносят хлеб и вино, говорят, что это тело и кровь Христовы, а затем после приношения сами его едят и пьют: пожирают того, кого почитают. Как может установиться единство среди всей этой пестроты, которая к тому же меняется в зависимости от места и времени, не понимаю; а если оно не установится, преследования не прекратятся, ведь различие порождает раскол и вражду, ненависть и войны.

55. Тогда по внушению Слова поднялся и заговорил апостол Павел, учитель язычников.

Павел: Должно показать, что спасение дается душе не делами, но верою. Авраам, отец веры всех верующих, будь то христиан, арабов или иудеев, веровал Богу, и это вменилось ему в праведность; а душа праведного наследует вечную жизнь. При таком допущении нас не смутит разнообразие обрядов: они учреждены и приняты как чувственные знаки истинности веры.

<...>

Татарин: Как ты вложишь в простых татар понимание этого, чтобы они познали, что Христос есть Тот, в Ком они смогут достичь блаженства? <...>

Павел: Представлю свидетельство как арабов, так и христиан, что дух, животворящий мертвых, есть дух Христов. Если в Христе, способном животворить, кого хочет, есть дух жизни, то это есть дух, без которого ни один мертвый не может быть воскрешен и никакая душа – вечно жить. В духе Христове обитает полнота божества и благодати, из каковой полноты все должествующие спастись получают благодать спасения.

Татарин: Учитель народов! Мне было радостно услышать это от тебя, потому что вместе со слышанным мною ранее сказанное теперь окончательно проясняет дело. Вижу, что вера необходима для спасения и без нее никто не спасется. Однако скажи, достаточно ли веры.

Павел: Без веры никому невозможно угодить Богу. С другой стороны, необходимо, чтобы вера имела образ, ибо вера без дел мертва.

Татарин: Какие это дела?

Павел: Если веруешь Богу, соблюдай заповеди <...> Божественные заповеди весьма кратки, прекрасно известны всем и одинаковы для любого народа. Больше того, являющий их свет сотворен вместе с разумной душой. В самом деле, Бог говорит в нас, чтобы мы любили Того, от Кого получили бытие, и чтобы мы делали другим лишь то, что хотим, чтобы делалось нам. Любовь есть исполнение закона Бога, и все законы сводятся к тому.

60. *Татарин:* Не сомневаюсь, что как спасительность веры, так и закон любви, о чем ты говорил, будут поняты татарами. Только я очень неуверен в том, что касается обрядов; не знаю, как они примут обрезание, над которым смеются.

Павел: Принятие обрезания безразлично для истинного спасения. Обрезание не спасает, и возможно спасение без него. Но кто, не веря в необходимость обрезания, допускает совершить над собой обряд обрезания крайней плоти, чтобы также и в этом еще более уподобиться Аврааму и его последователям, тот не проклят из-за своего обрезания, если имеет вышесказанную веру: Христос был обрезан, и многие из христиан после него, равно как до сих пор обрезание существует у яковитов в Эфиопии и у всех, кто не считает его таинством, необходимым для спасения. Более сомнительно только, как между верующими может сохраниться мир, если одни обрезаются, а другие нет. Поэтому, коль скоро преобладающая часть мира не знает обрезания и необходимости в обрезании нет, то ради сохранения согласия я считаю удобным, чтобы меньшая часть сообразовалась с большей, единая с ней в вере <...>

XVII.

61. *Армянин:* Как, думаешь, надо поступать с крещением, коль скоро этот обряд считается необходимым у христиан?

Павел: Крещение есть таинство веры. Кто верит, что в Иисусе Христе можно вообще обрести оправдание, тот верит в очищение через Христа от грехов. Всякий верующий покажет, что омовение крещения есть знак этого очищения. Крещение есть не что иное, как исповедание веры через знак таинства.

62. *Армянин:* Принятие этого таинства, по-видимому, обязательно, потому что оно необходимо для спасения <...>

Павел: Вера необходима у взрослых, которые могут спастись без таинства, когда его нельзя совершить. Конечно, если совершить его возможно, не смогут называться верующими те, кто не хочет показать себя таковыми через таинство возрождения.

Армянин: А дети?

Павел: С крещением детей согласятся легче. Если ради религии терпят обрезание мальчиков на восьмой день от роду, замена обрезания крещением

будет принята с радостью, и будет дан выбор, не хотят ли они довольствоваться крещением.

XVIII.

63. *Чех*: Во всем вышесказанном будет можно найти соглашение, но с жертвоприношениями будет всего труднее. Христиане, мы знаем, не могут ради удовлетворения других отказаться от приношения хлеба и вина в таинстве евхаристии, потому что это таинство учреждено Христом; а трудно поверить, что этот обряд примут прочие народы, у которых не в обычае такое жертвоприношение, и прежде всего потому, что им кажется безумством верить, что хлеб превращается в плоть Христа, а вино – в его кровь, и после этого поесть святыню.

Павел: Это таинство евхаристии изображает не что иное, как то, что мы через благодать питаемся в Иисусе Христе хлебом вечной жизни, как в этой жизни питаемся хлебом и вином <...>

64. *Чех*: Как убедить всех нехристиан, что существо хлеба превращается при таинстве евхаристии в тело Христа?

Павел: Кто верует, знает, что слово Бога в Иисусе Христе из убожества этого мира перенесет нас к богосыновству и обладанию вечной жизнью, потому что для Бога нет ничего невозможного. Так веруя и надеясь, мы без колебаний говорим, что Слово Бога по определению Христа может изменить хлеб в плоть <...>

65. *Чех*: Это изменение существа хлеба трудно понять.

Павел: С верой очень легко. Дело в том, что это можно понять лишь умом, который один только видит сущность, что она *есть*, а не *что* она есть <...>

XIX.

67. *Англичанин*: А что будет с другими таинствами – бракосочетанием, рукоположением, миропомазанием и соборованием?

Павел: Надо ко многому снизить ради человеческой слабости, если это не идет против вечного спасения; ведь требовать строгого единообразия во всем значит скорее нарушать мир. Но надо надеяться, что в бракосочетании и

рукоположении обнаружится согласие. Видимо, у всех народов так или иначе по закону природы существует бракосочетание, при котором один человек имеет одну истинную супругу, равным образом и священство имеется во всех религиях, так что в этих всеобщих обрядах согласиться будет легче; причем окажется, что в обоих таинствах христианская религия даже в глазах других соблюдает более похвальную чистоту. <...>

И велено Царем царей, чтобы мудрецы вернулись и привели народы к единству истинной веры, чтобы духи-управители вели их и помогали им и чтобы затем полновластные посланцы от всех народов стеклись в Иерусалим, словно во всеобщее средоточие, и от имени всех приняли единую веру и заключили нерушимый мир навсегда, дабы Творец всего был мирно прославляем, во веки благословенный. Аминь.

Николай Кузанский. О мире веры // О мире веры: Избранные произведения /пер. с латин. и примеч. В.В. Биbihина. М.: «Канон+». 2006. С. 5-52.

Полнотекстовая версия

http://bibikhin.ru/o_mire_very?ysclid=lvqbt06lsl18901069

Список вопросов для самоконтроля

1. Чем, на Ваш взгляд, обусловлен выбор основных действующих лиц? Как он характеризует кругозор автора и его знания о различных конфессиях и их представителях?
2. Что, по мнению Николая Кузанского, мешает «грубому народу» искать Бога?
3. Как можно оценить роль разума в картине мира Николая Кузанского через понятия «разумный дух», «око ума», «умные силы» и др.? Как можно оценить сопоставление бога и премудрости?

4. Как автор объясняет природу конфессиональных различий? Что подразумевается под «привычкой»?
5. Как можно прокомментировать, что местом для создания единой религии был избран «святой Иерусалим»?
6. Каким образом в сочинении снимаются противоречия между «единобожием» и «многобожием»?
7. В чём автор усматривает ключевые сходства между конфессиями?
8. Как «араб» определяет сложности примирения конфессий?
9. Как предполагается решить проблему различий в «изваяниях и изображениях» бога?
10. Как «индус» характеризует собственную религию? Что на основе этого можно сказать о компетентности автора в данном вопросе?
11. Как автор обосновывает наличие «Троицы» у «иудеев» и «арабов»?
12. Какие основные дискуссии вызывает фигура Иисуса Христа? Как они разрешаются и почему?
13. Оцените суждение апостола Петра об иудеях. Приведите примеры и прокомментируйте иные интолерантные высказывания автора.
14. Можно ли говорить о некоей иерархии между представителями различных конфессий, ведущими дискуссии? Если да, то по каким критериям, на Ваш взгляд, она выстраивается?
15. Прокомментируйте тезис «вера без дел мертва» в контексте позднейших протестантских воззрений.
16. Можно ли назвать сочинение Николая Кузанского суперэкуменистическим?
17. Можно ли говорить о примате христианства в деле объединения конфессий по Николаю Кузанскому? Осознает ли, по Вашему мнению, автор свою конфессиональную ангажированность?

РАЗДЕЛ 5. Инклюзивистский и эксклюзивистский потенциал кальвинистской доктрины

Раздел посвящён кальвинистской религиозной доктрине в её пресвитерианском варианте. Вклад Реформации в развитие идей конфессионального плюрализма и веротерпимости сложно переоценить: основные принципы конфессиональной и религиозной терпимости, а также свободы совести и светского государства, по большому счёту, принадлежат мыслителям и общественно-религиозным деятелям именно из «протестантского лагеря», однако, кальвинизм, на наш взгляд, представляет собой самое противоречивое в данном отношении протестантское учение. Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать текст источника, самостоятельно выделить в нём ключевые понятия для обсуждения на практическом занятии. Цель практического занятия: понять, какой потенциал в приведенном ниже источнике выражен сильнее – инклюзивистский или эксклюзивистский.

«ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ»

Пояснения к тексту

Текст приведенного ниже источника представляет собой краткий свод кальвинистской религиозной доктрины. Он был разработан созванной Долгим парламентом в июне 1643 г. Вестминстерской ассамблеей, в состав которой входили представители обеих палат, богословы и священнослужители, представлявшие основные течения в английском протестантизме (пресвитериане, индепенденты, епископалисты и эрастиане).

После казни короля, когда парламентские армии начали терпеть поражения от роялистов в гражданской войне и лидеры парламента обратились за помощью к Шотландии, было принято решение о заключении военно-религиозного союза, носившего название «Торжественная лига и Ковенант». Он носил военно-религиозный характер и предусматривал реформирование англиканской церкви

на основе шотландского пресвитерианства в ответ на военную помощь парламенту со стороны Шотландии. Основной задачей Вестминстерской ассамблеи стала выработка общих для обоих государств основ вероисповедания. Работа велась в течение четырех лет, в результате чего на одобрение парламента Англии были вынесены «Вестминстерское исповедание веры» и еще ряд документов. Благодаря тому, что пресвитериане в Долгом парламенте составляли большинство, разработанные Вестминстерской ассамблеей документы были одобрены, однако в целом общественное мнение Англии оставалось негативно настроенным по отношению к «Исповеданию» и грядущим реформам. Однако приход к власти в 1648 г. индепендентов во главе с О. Кромвелем и последовавшая в 1660 г. Реставрация Стюартов сделали невозможным предполагавшееся реформирование англиканской церкви по пресвитерианскому образцу.

Тем не менее, в Шотландии документы, выработанные Вестминстерской ассамблеей, вошли в церковную практику и стали основополагающими актами пресвитерианской доктрины и модели церковного управления. С распространением пресвитерианства в других странах Европы, а также в США, «Вестминстерское исповедание» и другие документы ассамблеи были приняты в качестве доктринальных источников во многих реформатских церквях.

Текст источника приводится с незначительными сокращениями, в целом, не влияющими на его смысловое наполнение. Для успешной работы на семинарском занятии необходимо проанализировать источник, оценив инклюзивистский и эксклюзивистский потенциал доктрины.

Фрагменты текста

Глава 1. О Священном Писании

1. Сама природа, устройство мироздания и провидение так явно свидетельствуют о благости, мудрости и могуществе Бога, что не оставляют человеку никаких оправданий, тем не менее всего этого недостаточно, чтобы дать такое познание о Боге и Его воле, какое необходимо для спасения. Поэтому

Господу было угодно в разное время и разными путями открыть Себя и возвестить Свою волю Церкви Своей, а затем полностью передать это откровение о Себе и Своей воле на письме, чтобы наилучшим образом сохранить и передать истину, прочнее утвердить Церковь и помочь ей противостоять греховности плоти, злобе Сатаны и мира сего. Это делает Священное Писание совершенно необходимым, поскольку сейчас Бог уже не открывает Свою волю народу Своему так, как в прежние времена.

2. Священное Писание, или запечатленное на письме Слово Божие, включает в себя все книги Ветхого и Нового Завета <...>

3. Книги, именуемые Апокрифами, не являются богодухновенными и не входят в канон Священного Писания, а потому не имеют авторитета в Церкви Божией. Их следует признавать, ценить и использовать как нечто, созданное людьми, и не более того.

4. Достоверность Священного Писания, в соответствии с которой ему следует верить и подчиняться, связана не со свидетельством какого бы то ни было человека или церкви, а только с Автором Писания – Богом, Который есть сама истина. Следовательно, Библию должно признавать потому, что она представляет собой запечатленное на письме Слово Божие.

5. Свидетельство Церкви может тронуть нас и побудить к глубокому и благоговейному почитанию Священного Писания. Божественная высота его содержания, действенная сила учения, великолепие стиля, согласие всех составных частей, единство цели (которая состоит в прославлении Бога), полнота откровения о единственном пути спасения человека, множество других несравненных достоинств и само его совершенство – все это более чем убедительно свидетельствует о том, что Писание есть Слово Божие. И все же наша полная убежденность и уверенность в непогрешимости и Божественном авторитете Писания происходит от внутреннего действия Святого Духа, Который свидетельствует в наших сердцах посредством Слова и в согласии со Словом.

6. Весь замысел Божий относительно того, что необходимо для Его собственной славы и для спасения, веры и жизни человека, либо ясно изложен в

Писании, либо может быть выведен из Писания путем оправданных и логически обоснованных умозаключений. Ничто и никогда не может быть добавлено к Писанию, будь то новые откровения Духа или предания человеческие. Тем не менее, мы признаем, что для спасительного понимания того, что открыто в Слове Божьем, необходимо просвещение Духом. Кроме того, в связи с богослужением и управлением церковью могут возникать некоторые затруднения, так же, как в любой человеческой деятельности и в любых человеческих сообществах; их следует улаживать, руководствуясь здравым смыслом и христианским благоразумием и в любых обстоятельствах соблюдая общие принципы Слова.

7. Сказанное в Писании само по себе не всегда просто и не всем понятно. Но то, что необходимо знать и соблюдать и во что необходимо верить для спасения, излагается и раскрывается в некоторых местах Писания так ясно, что прийти к вполне приемлемому пониманию всего этого способны не только ученые, но и простые люди, которые должным образом пользуются обычными средствами благодати.

8. Ветхий Завет на древнееврейском (родном языке народа Божьего в ветхозаветные времена) и Новый Завет на греческом (языке, наиболее распространенном среди разных народов во время создания новозаветных книг) были написаны по непосредственному вдохновению Божьему и сохранялись во все века в чистоте по Его особому усмотрению и промыслу. Поэтому они являются подлинными, и к ним как к наивысшему авторитету должна обращаться Церковь в любых спорах, касающихся веры. Но языки этих подлинников известны не всем людям Божьим, которым Писание принадлежит по праву, для которых оно особенно важно и кому заповедано в страхе Божиим читать и изучать его. Поэтому Писание должно переводиться на язык каждого народа, которому оно проповедуется, чтобы Слово Божье могло пребывать во всяком человеке во всей своей полноте, и чтобы все могли служить Богу должным образом, в терпении сохраняя надежду и обретая утешение в Писании.

9. Единственным надежным критерием толкования Писания является само Писание. Если возникает сомнение в том, каков истинный и полный смысл того или иного места в Писании (которое представляет собой единое целое), это место следует тщательно изучить и истолковать с помощью других отрывков, где о том же говорится более ясно.

10. Дух Святой, говорящий в Писании, есть единственный высший Судья, к Которому должно обращаться за разрешением всех спорных вопросов, касающихся веры, Которым проверяются все постановления соборов, мнения писателей, учения человеческие и личные откровения, и на Чей приговор мы должны всецело полагаться.

Глава 2. О Боге – Святой Троице

1. Есть только один живой и истинный Бог, бесконечный в бытии и совершенстве, чистейший Дух, невидимый, бестелесный, нераздельный и не подверженный страстям, неизменный, беспредельный, вечный, непостижимый, всемогущий, в высшей степени мудрый, святой, свободный и абсолютный; соделывающий все по изволению Своей неизменной и всеправедной воли ради собственной славы; в высшей степени любящий, благой, милосердный, долготерпеливый, преизобильный в добре и истине; прощающий беззаконие, преступление и грех и вознаграждающий тех, кто усердно ищет Его. Он в высшей степени справедлив и грозен в суде Своем, Он ненавидит грех и никогда не оставляет виновных без наказания.

2. Бог имеет всю жизнь, славу, благость и блаженство⁵² в Себе и от Себя. Он полностью достаточен в Себе и для Себя. Он не нуждается ни в чем от творений, Им же созданных, <...>

3. В единстве Божиим пребывают три Лица, единые в сущности, силе и вечности: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Отец безначален, Он никем не рожден и ни от кого не происходит; Сын предвечно рожден от Отца; Дух Святой вечно исходит от Отца и Сына.

Глава 3. О вечных Божьих установлениях

1. Прежде всех времен Бог по-Своему в высшей степени мудрому и святому произволению свободно и непреложно предопределил все, что должно произойти. Но при этом Он не является создателем греха. Он не лишает Свои творения воли; не устраняет, но утверждает способность вторичных причин вызывать определенные следствия.

2. Бог знает, что может и должно произойти во всех возможных обстоятельствах, но Он предопределил все, чему следует быть, не потому, что предвидел будущее или предполагал неизбежность неких событий при определенных условиях.

3. По Божьему установлению (и ради явления Его славы) одни люди и ангелы предопределены к вечной жизни, а другие предназначены к вечной смерти.

4. Эти ангелы и люди предопределены к жизни или предназначены к смерти в соответствии с ясным и непреложным замыслом. Их число определено, неизменно и не может быть ни увеличено, ни уменьшено.

5. Бог предызбрал во Христе к вечной славе тех, кто предназначен к жизни. Он сделал это еще до того, как были заложены основания мира, в согласии со Своим вечным и неизменным предначертанием, со Своим сокровенным замыслом и благой волей. Бог избрал этих людей исключительно по Своему милосердию и любви, а не потому, что предвидел в них веру, или добрые дела, или стойкость в вере и упорство в добрых делах, или что-нибудь иное. Ни условий, ни причин, побуждавших Бога избрать этих людей, не было; все было сделано только лишь во славу Его непостижимой благости.

6. Предназначив избранных к славе, Бог предопределил и все необходимые для этого средства, в согласии с вечным и свободным предначертанием Своей воли. Избранные, падшие в Адаме, искуплены Христом, призываются к вере во Христа Духом Божиим, действующим в подобающее время, оправдываются, усыновляются, освящаются и сохраняются силой Божией через веру ко

спасению. Никто, кроме избранных, не искуплен Христом, не призывается к вере, не оправдывается, не усыновляется, не освящается и не обретает спасения.

7. Остальными людьми Богу было угодно пренебречь и предопределить для них немилость и гнев Свой за их грехи; на то была Его непостижимая воля, в согласии с которой Он дает благодать или отказывает в благодати по собственному изволению. За все подобает слава Его суверенной власти над творениями и хвала Его величайшей справедливости.

8. К догмату о предопределении, этой высочайшей тайне, следует относиться с особым благоразумием и осмотрительностью; уверившись в своем непреодолимом призвании к вере, те, кто почитает волю Божию, открытую в Его Слове, и повинуются ей, должны быть уверены и в своем вечном избранничестве. Пусть же подвигнет этот догмат тех, кто от всего сердца следует Евангелию, восхвалять Бога, благоговеть перед Ним и поклоняться Ему; пусть он утешит их и укрепит в смирении и усердии.

Глава 4. О творении

1. В начале было угодно Богу – Отцу, Сыну и Святому Духу сотворить из ничего мир и все, что в мире, чтобы явить славу Своего вечного могущества, мудрости и благости. <...>

Глава 5. О провидении

1. Бог, великий Творец всего сущего, поддерживает и направляет всякую тварь, всякое действие и всякое явление – от величайшего до ничтожнейшего, обо всем печется и всем правит по Своему премудрому и святому провидению, в согласии со Своим непогрешимым предведением и со Своим свободным и неизменным произволением. За все подобает слава и хвала Его мудрости, могуществу, справедливости, благости и милосердию.

2. Хотя все происходящее неизменно и непреложно связано предведением и предустановлением Бога, Который есть Первопричина всего; по тому

же провидению Он повелевает, чтобы все происходило либо неизбежно, либо безусловно, либо при каком-то условии.

3. Бог в Своем провидении использует обычный порядок вещей, и вместе с тем волен обходиться без него, действовать вне его или вопреки ему, если это Ему угодно.

4. Всемогущество, непостижимая мудрость и бесконечная благодать Божия с такой полнотой проявляются в Его провидении, что оно простирается даже на первое грехопадение и все прочие грехи ангелов и людей. Бог не просто попускает эти грехи, но мудро и властно полагает им предел, предопределяет их и управляет ими ради Своих святых целей. Тем не менее, греховность проистекает только от творения, а не от Бога, Который, будучи в высшей степени свят и праведен, не является и не может быть виновником греха, не одобряет и не может одобрять его.

5. Премудрый, праведный и милосердный Бог часто попускает Своим детям на время подвергаться разнообразным искушениям и испытывать порочность своих сердец. Он делает это для того, чтобы наказать их за прежние грехи, показать им скрытую силу греховности и склонность их сердец к заблуждениям. Таким образом Он приводит их ко смирению, учит быть ближе к Нему и постоянно искать в Нем опору и быть осторожнее в будущем при искушениях грехом. Есть и другие справедливые и святые причины для действий Бога. <...>

7. Поскольку провидение Божие распространяется на все творение, тем же провидением Он совершенно по-особому опекает и Свою Церковь, содействуя все к ее благу.

Глава 6. О грехопадении человека, грехе и наказании за него

1. Наши прародители не устояли перед хитростью и соблазном Сатаны и согрешили, съев запретный плод. Бог, по Своему премудрому и святому изволению, допустил этот грех, поскольку предназначал распорядиться им во славу Свою.

2. Вследствие этого греха они утратили свою первоначальную праведность и общение с Богом, и по сему стали мертвыми во грехе, а природа их – все их способности и все части души и тела – оказалась полностью оскверненной.

3. Поскольку они были прародителями всего человеческого рода, всему их потомству была вменена вина за грех, и они передали всем своим потомкам из поколения в поколение смерть во грехе и свою порочную природу (кроме Христа, зачатого от Духа Святого).

4. Все совершаемые людьми прегрешения происходят от этой врожденной порочности, из-за которой мы совершенно не расположены к добру, противимся ему, не способны ни на что доброе¹³² и в высшей степени склонны ко всякому злу. <...>

Глава 8. О Христе – Посреднике

1. Богу было угодно в согласии со Своей предвечной целью избрать и предопределить Господа Иисуса, Своего единородного Сына, к служению Посредника между Богом и человеком. Иисус Христос – Пророк, Первосвященник, Царь, Глава и Спаситель Своей Церкви, Наследник всего и Судия мира. Прежде всех времен Бог дал Своему Сыну народ, чтобы этот народ стал семенем Его и в должное время был Им искуплен, призван, оправдан, освящен и прославлен.

2. Сын Божий, второе Лицо Троицы, есть истинный и вечный Бог, единосущный и равный Отцу. Когда пришла полнота времени, Он воспринял человеческую природу со всеми ее неотъемлемыми свойствами и с общими для всех людей немощами, кроме греха. Он был зачат силой Святого Духа во чреве девы Марии и воспринял от Нее человеческую природу. Таким образом две цельные, совершенные и различные природы – Божественная и человеческая – нераздельно соединились в одной личности, не переходя одна в другую, не смешиваясь и не сливаясь. Такая личность одна – Христос, истинный Бог и истинный человек, единственный Посредник между Богом и человеком. <...>

Глава 11. Об оправдании

1. Тех, кого Бог действительно призывает, Он, также по Своему изволению, оправдывает, не наделяя их праведностью, но прощая им грехи, признавая их праведными и принимая их как праведников; не ради чего бы то ни было совершившегося в них или сделанного ими, но только ради Христа. Им не вменяется в праведность ни сама вера, которая есть акт доверия, ни любое другое повиновение Евангелию; им вменяется послушание Христа и даруется искупление грехов.²³⁶ Они верой принимают Христа и уповают на Него и Его праведность; вера же не от них самих, но дар Божий.

2. Вера, а с ней принятие Христа и упование на Него и Его праведность есть единственное средство для оправдания. Однако в оправданном человеке пребывает не одна вера; она всегда сопровождается всеми другими проявлениями спасающей благодати, и это не мертвая вера, но вера, действующая любовью.

3. Своим послушанием и смертью Христос полностью уплатил долг всех оправданных и таким образом принес за них достойное, истинное и полное удовлетворение правосудию Своего Отца. И поскольку Отец по собственной воле отдал Христа за них, и Его послушание и расплата были приняты вместо их послушания и расплаты, оправдание дано им только по не зависящему ни от чего милосердию Божьему, а не вследствие чего бы то ни было в них самих; и да будут прославлены в оправдании грешников безупречная справедливость и преизобильная благодать Божия.

4. Прежде всех времен Бог определил оправдать всех избранных, и, когда пришла полнота времени, Христос умер за их грехи и воскрес для их оправдания, однако они получают оправдание только после того, как Дух Святой приобщает их ко Христу, каждого в свое время.

5. Бог и после оправдания вновь и вновь прощает оправданным их грехи. И хотя отпасть от состояния оправдания они не смогут никогда, ²⁴⁹ они все же могут из-за своих грехов навлечь на себя отеческую немилость Божию, и

свет благоволения Его не будет возвращен им до тех пор, пока они не смиряются, не исповедуют свои согрешения, не испросят у Него прощения и не обновят свою веру и покаяние.

6. Оправдание верующих во времена Ветхого Завета было во всех отношениях тем же самым, что и оправдание верующих во времена Нового Завета.

Глава 12. Об усыновлении

1. Все те, кто оправдан, по соизволению Божьему – в Его единородном Сыне Иисусе Христе и ради Него – становятся участниками благодати усыновления. Благодаря усыновлению они причисляются к детям Божиим и пользуются соответствующими свободами и привилегиями. На них начертано Его Имя, и они получают Духа усыновления. Они могут с дерзновением приступать к престолу благодати и взывать: «Авва, Отче!» Он милостив к ним, оберегает их, печется о них и наказывает их по-отечески. Но и наказывая, Он никогда не оставляет их, ибо запечатлел их в день искупления, и они наследуют обетования как наследники вечного спасения.

Глава 13. Об освящении

1. Силою смерти и воскресения Христа действительно призванным и возрожденным Бог дает новое сердце и новый дух, а затем каждый из них получает подлинное освящение Его Словом и Духом, которые пребывают в них. Господство греха над всем их телом уничтожается, а многочисленные похоти телесные становятся все слабее и умерщвляются. Возрожденные все более и более оживотворяются, и утверждают во всех спасительных добродетелях к достижению истинной святости, без которой никто не увидит Господа.

2. Освящение затрагивает и дух, и душу, и тело человека, и все же в земной жизни совершенное освящение недостижимо. Некоторые остатки порочности все еще живут в каждой из сторон человеческой природы; отсюда и возникает непрерывная и непримиримая борьба плотских похотей против Духа и Духа против плоти.

3. В этой борьбе уцелевшая порочность может на какое-то время возобладать, но возрожденная часть все же побеждает, потому что силы ее постоянно умножаются освящающим Духом Христовым. Так святые возрастают в благодати, уславшаяся в святости в страхе Божиим.

Глава 14. О спасительной вере

1. Благодать веры, наделяющая избранных способностью веровать ко спасению души, есть действие Духа Святого в их сердцах;²⁸⁰ обычно она обретается через проповедь Слова. Вера возрастает и укрепляется посредством таинств и молитв.

2. По своей вере христианин считает истинным все, что открывается в Слове, поскольку достоверность Слова основана на том, что через него говорит Сам Бог. Христианин по-разному отзывается на тот или иной отрывок Писания: повинуется повелениям, трепещет в страхе Божиим и принимает обетования Божии, касающиеся жизни настоящей и будущей. Но важнейшие проявления спасительной веры состоят в том, чтобы признать и принять Христа и только с Ним связывать надежду на оправдание, освящение и вечную жизнь по праву, данному заветом благодати.

3. Эта вера может быть слабее или сильнее может часто подвергаться разнообразным нападкам и ослабевать, но победа остается за ней. У многих вера возрастает до обретения совершенной уверенности во Христе, Который есть Начальник и Совершитель веры нашей.

Глава 15. О покаянии в жизнь

1. Покаяние в жизнь есть евангельская благодать, и учение о покаянии должно проповедоваться каждым служителем Евангелия, так же как учение о вере во Христа.

2. Учение о покаянии убеждает грешника не только в том, что грехи опасны, но и в том, что они противоречат святости и праведности закона Божьего, а потому мерзки и отвратительны. Осознав милосердие Божие к кающимся, явленное во Христе, грешник начинает так сожалеть о своих грехах и

так ненавидеть их, что отвращается от них и обращается к Богу. Он твердо решает ходить с Богом по путям Его заповедей и прилагает к этому все усилия.

3. Не следует уповать на покаяние, полагая, что оно может быть расплатой за грех или причиной прощения греха. Прощение есть проявление ни от чего не зависящего милосердия Божьего во Христе. И все же покаяние настолько необходимо всем грешникам, что без него никто не может надеяться на прощение.

4. Как нет такого мелкого греха, который не заслуживал бы осуждения, так нет и грехостоль великого, что за него были бы осуждены искренне кающиеся.

<...>

Глава 16. О добрых делах

1. Добрые дела суть только те, творить которые повелел Бог в Своем Святом Слове. Те дела, которые не оправданы Его заповедями, а придуманы людьми в слепом рвении или под предлогом благих намерений, не являются добрыми.

2. Добрые дела, совершаемые в повиновении заповедям Божиим, суть плоды и доказательства истинной живой веры. Добрыми делами верующие выражают благодарность, подкрепляют свою уверенность в спасении, назидают братьев, украшают исповедание Евангелия, заграждают уста противникам и прославляют Бога. <...>

7. Дела невозрожденных людей, даже если они соответствуют заповедям Божиим и полезны для них самих и для других людей, греховны и не могут угодить Богу или сделать человека достойным благодати Божией, потому, что они не исходят из сердца, очищенного верой, не совершаются должным образом, в согласии со Словом Божиим, и не преследуют праведной цели прославить Бога. Однако пренебрежение таких людей добрыми делами еще более греховно и негодно Богу. <...>

Глава 18. Об уверенности в благодати и спасении

1. Хотя лицемеры и другие невозрожденные люди могут самодовольно обманывать себя тщетными надеждами, полагая в плотском ослеплении, что пользуются милостью Божией и уже снискали спасение, их надежды погибнут. Те же, кто истинно верует в Господа Иисуса Христа, искренне любит Его, старается ходить перед Ним в доброй совести, могут в этой жизни быть твердо уверены в том, что пребывают в благодати, и радоваться надеждою славы Божией, и эта надежда никогда их не постыдит.

2. Эта уверенность – не праздный домысел или правдоподобное мнение, основанное на робкой надежде, а непоколебимая убежденность веры, покоящейся на божественной истинности обетований о спасении и на внутреннем свидетельстве тех благодатных даров, о которых даны нам эти обетования. Дух усыновления убеждает нас, свидетельствуя духу нашему, что мы – дети Божии, и этот Дух, Которым мы запечатлены в день искупления, есть залог нашего наследия.

3. Эта непоколебимая уверенность не принадлежит к тем свойствам, которые составляют самую суть веры, а потому истинному верующему иногда приходится долго ждать и преодолевать многочисленные трудности, прежде чем он обретет ее. Но, получив от Духа способность распознавать то, что по своей милости дарует ему Бог, верующий может, должным образом применяя обычные средства благодати, и без особых откровений прийти к такой уверенности. Поэтому каждый должен со всем усердием утверждаться в своем призвании и избрании. Тогда сердце его расширится в мире и радости во Святом Духе, в любви и благодарности Богу, в твердости и бодрости при исполнении долга послушания; все это – суть достойные плоды уверенности, которая отнюдь не располагает людей к распущенности.

4. Уверенность истинных верующих в своем спасении может поколебаться, ослабеть или быть на время утрачена по разным причинам: если верующие, не заботясь о сохранении этой уверенности, впадают в грехи, которые омрачают совесть и оскорбляют Духа; если они подвергаются внезапному или

очень сильному искушению; или если Бог лишает даже тех, кто боится Его, света Своего благоволения и позволяет им ходить во тьме, не видя света. И все же они никогда не лишаются полностью того семени Божьего, той жизни в вере, той любви Христа и братьев, той искренности сердца и того сознания долга, из которых в должное время под воздействием Духа вновь произрастает уверенность в спасении и которые удерживают верующих от полного отчаяния до тех пор, пока не придет это время.

Глава 19. О законе Божиим

1. В виде завета дел Бог дал Адаму закон, которым обязал его и всех его потомков к личному, всецелому, строгому и постоянному послушанию. Пообещав жизнь за выполнение закона и грозя смертью за нарушение его, Бог наделил Адама способностью и возможностью соблюдать закон³⁶⁶.

2. После грехопадения Адама этот закон оставался совершенным критерием праведности; именно в качестве такого критерия он был дан Богом на горе Синайской в десяти заповедях, записанных на двух скрижалях. В первых четырех заповедях изложены наши обязанности по отношению к Богу, в остальных шести – наши обязанности по отношению к людям.

3. Помимо этого закона, который обычно называют нравственным, Богу было угодно дать народу Израиля, как церкви еще незрелой, обрядовые законы, содержащие различные виды установлений. Некоторые из этих установлений касались совершения обрядов, служивших прообразами Христа и Его благодати, Его деяний, страданий и благодатных даров; другие установления представляли собой разного рода наставления относительно нравственных обязанностей. Сейчас, в новозаветные времена, все обрядовые законы упразднены.

4. Кроме того, Бог дал Израилю как политической общности различные судебные законы, которые утратили силу с исчезновением израильского государства. Сейчас они обязательны для всех лишь в той мере, в какой этого требует обычная справедливость, и не более того.

5. Подчинение нравственному закону во все времена обязательно для всех: как для оправданных, так и для всех прочих. Это касается не только соблюдения заповедей, составляющих сущность этого закона, но и повиновения власти Бога-Творца, Который дал его. <...>

Глава 20. О христианской свободе и свободе совести

1. Свобода, которую Христос приобрел для верующих, пребывающих в евангельской благодати, состоит в том, что они свободны от вины за грех, от осуждающего гнева Божьего и от проклятия нравственного закона. Свобода состоит также в их избавлении от порочного мира сего, от порабощения сатане и от господства греха, от бедственных скорбей, от жала смерти, от власти ада и от вечных мук; свобода и в том, что они получили беспрепятственный доступ к Богу и повинуются Ему не из рабского страха, но из сыновней любви и от всего сердца. Все это было присуще верующим, пребывавшим под законом. Но во времена Нового Завета свобода христиан стала еще полнее, поскольку они освобождены от ига обрядового закона, которому подчинялась Иудейская церковь; они могут с большим дерзновением приступать к престолу благодати и имеют более полное общение со свободным Духом Божиим, чем верующие, которые были под законом.

2. Один Бог есть Господин совести, Он дал ей свободу от учений и установлений человеческих, которые хоть в чем-нибудь противоречат Его Слову или дополняют его в том, что касается веры и богослужения³⁹⁸. Таким образом, верить подобным учениям или подчиняться подобным установлениям сознательно означает предавать истинную свободу совести. Требовать же нерассуждающей веры, неукоснительного и слепого повиновения – значит действовать не только против свободы совести, но и против здравого смысла.

3. Те, кто под предлогом христианской свободы упорствуют в каком-либо грехе или потворствуют какой-либо похоти, извращают тем самым само

назначение христианской свободы, которое заключается в том, чтобы, избавленные от рук врагов наших, мы могли служить Богу без страха и пребывать перед Ним в святости и праведности во все дни нашей жизни.

4. Поскольку власти, установленные Богом, и свобода, приобретенная Христом, предназначены Богом не для того, чтобы разрушать, но для того, чтобы поддерживать и охранять друг друга, те, кто под предлогом христианской свободы выступают против любой законной власти или законного применения этой власти, будь то гражданской или церковной, оказывают неповиновение Божьему установлению. Всякий, кто распространяет мнения или совершает действия, противоречащие врожденному нравственному чувству, общеизвестным христианским принципам веры, богослужения и общения, требованиям благочестия, а также всякий, чьи мнения или действия нарушают (либо по своей природе, либо по самому характеру распространения этих мнений или совершения этих действий) мир и порядок, установленный Христом в Церкви, может быть законно призван к ответу и подлежит суду Церкви. <...>

Глава 23. О гражданских властях

1. Бог, верховный Владыка и Царь всего мира, установил гражданские власти, чтобы они подчинялись Ему и управляли народами ради Его славы и всеобщего блага. С этой целью он вооружил их мечом власти, дабы они защищали и поддерживали делающих добро и карали делающих зло.

2. Для христианина вполне законно принимать на себя и исполнять обязанности гражданского правителя, если он к тому призван⁴⁶¹. Занимающие такие должности должны особенно заботиться о благочестии, справедливости и мире, в соответствии со здравыми законами своего общества. Для этого они могут, если позволяет закон, а в наше время – если это не противоречит Новому Завету, вести военные действия, когда того требует справедливость и когда это необходимо.

3. Представитель гражданской власти не может брать на себя проповедь Слова и совершение таинств, присваивать себе право владеть ключами Царства Небесного; тем более он не должен вмешиваться в дела веры. Вместе с тем, представитель гражданской власти должен, как заботливый отец, опекать церковь нашего общего Господа, не отдавая ни одной христианской деноминации предпочтения перед другими, так, чтобы любой служитель церкви пользовался полной, ничем не ограниченной и неоспоримой свободой исполнять свои священные обязанности, не опасаясь насилия и угроз. И поскольку церковные власти и дисциплина в церкви установлены Иисусом Христом, никакие гражданские законы не должны касаться церковных дел, разрешать или запрещать людям, по собственной воле примкнувшим к той или иной христианской деноминации, должным образом, в соответствии с их верой и исповеданием, осуществлять церковную власть и соблюдать церковную дисциплину. Гражданские правители обязаны решительно защищать личные интересы и доброе имя каждого гражданина и не допускать, чтобы кто-либо подвергался оскорблениям, насилию, жестокому или несправедливому обращению за религиозные убеждения или за неверие. Они обязаны также заботиться о том, чтобы любые религиозные и церковные собрания могли проводиться без всяких помех и препятствий.

4. Народ обязан молиться о своих правителях, почитать их, платить им налоги и воздавать им должное иным образом, повиноваться их законным повелениям и подчиняться их власти, как велит совесть. Безверие или инаковереие правителей не позволяет считать их власть недействительной, если они управляют справедливо и по закону, и не освобождает от обязанности повиноваться им; от подчинения их власти не освобождаются и служители церкви. Поэтому ни один служитель или какой-либо церковный орган не имеет власти ни над правителями, ни над народом, и не имеет права судить их, тем более лишать кого бы то ни было владений или жизни, ни в том случае, если он признает их еретиками, ни под любым другим предлогом. <...>

Глава 25. О Церкви

1. Вселенская (или всеобщая) Церковь невидима и состоит из полного числа избранных, живших в прежние времена, живущих ныне и тех, кто будет жить в грядущем, соединенных под Христом, Главой Церкви. Церковь есть Невеста Христова, тело Его, полнота Наполняющего все во всем.

2. Видимая Церковь, которая также является вселенской или всеобщей, во времена Евангелия не ограниченная одним народом, как во времена закона, состоит из всех тех, кто исповедует истинную веру, где бы они ни жили, и их детей. Эта Церковь есть царство Господа нашего Иисуса Христа, дом Божий и Его семья, вне которой, как правило, нет спасения.

3. Для собрания и совершенствования святых в земной жизни до окончания веков Христос дал вселенской видимой Церкви служение, Писание и Божьи установления. И Он же делает их способными к такому служению Своим присутствием и Духом, по обетованию Своему.

4. В разные времена вселенская Церковь была видимой то в большей, то в меньшей степени. Отдельные церкви, входящие во вселенскую Церковь, бывают более или менее чистыми; это зависит от того, сохраняют ли они Евангельское учение в чистоте и насколько чисто они проповедуют его, совершают таинства и богослужения.

5. Самые чистые церкви в этом мире подвержены ошибкам и заблуждениям, а некоторые пали столь низко, что более не являются церквами Христовыми, но стали сатанинскими сборищами. И все же на земле всегда будет Церковь, поклоняющаяся Богу в согласии с Его волей.

6. У Церкви нет другого Главы, кроме Господа Иисуса Христа. Ни Папа Римский, никакой-либо другой священнослужитель или церковный орган никоим образом не могут быть ее главой. <...>

Глава 27 О таинствах

1. Таинства являются священными знаками и печатями завета благодати. Они установлены Самим Богом, дабы олицетворять Христа и Его благодатные

дары и подтверждать нашу причастность к Нему. Кроме того, они призваны устанавливать видимое различие между теми, кто принадлежит к Церкви, и остальным миром, и торжественно связывать их обязательством служить Богу во Христе, по Слову Его.

2. В каждом таинстве существует духовная связь, или сакраментальное единение, между знаком и тем, что он обозначает, так что название и действие одного прилагается к другому.

3. Благодать, явленная в таинствах, которые совершаются должным образом (или через них), исходит не от какой-либо силы, заключенной в самих таинствах. Действенность таинств зависит и не от благочестия или намерений того, кто их совершает, а от воздействия Духа и от слов, сказанных при их установлении, в которых содержится, помимо заповеди совершать эти таинства, обетование благ всем, кто их достойно восприимлет.

4. Есть только два таинства, установленные Христом, Господом нашим, в Евангелии: крещение и Вечеря Господня, совершать которые не может никто, кроме служителя Слова, посвященного в духовный сан законным образом. <...>

Глава 28. О крещении

1. Крещение есть новозаветное таинство, установленное Иисусом Христом, которое не только торжественно вводит крещаемого в видимую Церковь, но является для него знаком и печатью завета благодати, его привития ко Христу, возрождения, отпущения грехов и вручения его Богу во Христе, дабы он ходил в обновленной жизни. Это таинство, по собственному повелению Христа, должно совершаться в Его Церкви до скончания веков. <...>

4. Крещение должно совершаться не только над теми, кто осознанно исповедует веру во Христа и послушание Ему, но и над младенцами одного или обоих верующих родителей.

5. Отвергать обряд крещения или пренебрегать им – великий грех, однако благодать и спасение не настолько связаны с этим обрядом, чтобы без

него человек не мог пережить духовное возрождение или обрести спасение, и чтобы всякого крещенного следовало считать истинно возрожденным.

6. Действенность крещения не зависит от того, когда оно совершается. При верном совершении этого таинства обещанная благодать не только предлагается, но делается явной и даруется Духом Святым тем, кому эта благодать принадлежит по Божьему произволению (будь то младенец или взрослый), в назначенное Богом время.

7. Таинство крещения должно совершаться над человеком только однажды...

Вестминстерское исповедание веры [Электронный ресурс].

URL: https://presbiteryen.org/rus/3/Вестминстерское_Исповедание_Веры_1647-1648_гг.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

Полнотекстовая версия

https://presbiteryen.org/rus/3/Вестминстерское_Исповедание_Веры_1647-1648_гг.pdf

Список вопросов для самоконтроля

1. Оцените инклюзивистский потенциал второй главы «Исповедания». Ответ обоснуйте.

2. Каким образом в тексте предлагается «проверить» истинность трактовок Писания?

3. Как определяются границы божественного предопределения и свободы воли?

4. Можно ли на основании третьей главы очертить круг тех, «кто предназначен к жизни»? Как следует понимать эту формулировку?

5. Кто подразумевается под «избранными»? Насколько их круг определен? Как предлагается удостовериться в своем «избранничестве»?

6. Возможно ли с позиций кальвинизма «спасение вне веры»?
7. Почему бог «попускает грехи»? Как объясняется природа «греха» и насколько это созвучно с католическим взглядом на данную проблему?
8. Что в рамках данной доктрины мыслится главным условием «спасения»?
9. Чем, на Ваш взгляд, дискурс об Иисусе Христе в «Исповедании» отличается от новозаветного?
10. Что вкладывается в понятие «естественный человек»?
11. Кто, согласно десятой главе, подлежит «призванию»? Что это значит? Какой смысл вкладывается в понятие «оправдание»?
12. Какова роль «добрых дел» в достижении «спасения»?
13. Какую роль, согласно кальвинистской доктрине, играет «уверенность в благодати и спасении»?
14. В чем вы видите основные расхождения с доктриной католицизма?
15. Как в тексте определяется «истинная свобода совести»?
16. Каковы функции светского правителя? Как христианин должен относиться к «законной власти» и почему?
17. Как в источнике обозначены функции церковных служителей? Каким образом это характеризует кальвинизм?

РАЗДЕЛ 6. Взгляды на проблему веротерпимости в религиозно-философской мысли XVII века

XVII в. в Западной Европе характеризовался существенными различиями в государственной конфессиональной политике католических и протестантских стран. Это сказывалось не только на реальных действиях в отношении религиозных меньшинств, но и на развитии общественно-религиозной мысли в различных регионах Европы. Пожалуй, наиболее последовательно идеи веротерпимости в данный период отстаивались английскими философами. Вероятно, это было связано с наличием реального конфессионального разнообразия, влиявшего не только на культурную, но и на политическую жизнь Англии в данный период. Раздел призван показать достижения английской религиозно-философской мысли XVII в. в отношении проблемы веротерпимости и светского государства на одном из наиболее ярких и характерных примеров.

Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать текст источника, самостоятельно выделить в нем ключевые проблемы для обсуждения на практическом занятии.

ДЖОН ЛОКК «ПОСЛАНИЕ О ВЕРОТЕРПИМОТИ»

Пояснения к тексту

Ниже приведен текст «Послания о веротерпимости» видного английского философа Джона Локка (1632-1704 гг.). Текст дан с незначительными сокращениями. «Послание» было написано Локком в 1685-1686 гг. в Амстердаме и как бы подытожило его многолетнюю работу в данном направлении. Впервые «Послание» было опубликовано на латинском языке в Голландии в марте 1689 г. и в том же году переведено на голландский, французский и английский языки. Текст представляет собой основательную и аргументированную защиту права на свободу вероисповедания как неотъемлемого права каждого человека. Большое внимание Локк уделяет и вопросу разграничения полномочий гражданской

и религиозной власти. После публикации сочинения, Локк подвергся достаточно широкой критике и, защищая свои взгляды, опубликовал в 1690 г. и 1692 г. второе и третье «Послания о веротерпимости» и даже начал писать четвертое, которое осталось неоконченным в связи с его смертью.

Фрагменты текста

На твой вопрос, достославный муж, каково мое мнение о взаимной веротерпимости христиан, я отвечу кратко: я считаю его основным критерием истинной церкви. Что бы ни говорили одни о древности мест и имен или о блеске обрядов, другие – о реформации учения, наконец, и те, и другие – об ортодоксальности веры, ибо всякий почитает себя ортодоксом, все это и тому подобное может быть важным скорее для людей, стремящихся к власти и могуществу, чем для церкви Христовой. Тот, кто обладает всем этим, но лишен любви, лишен кротости, лишен доброжелательства ко всем людям вообще, не говоря уже об исповедующих христианскую веру, тот еще не христианин. «Цари народов господствуют над ними... А вы не так» (Лук. 22, 25-26), – говорит ученикам своим наш Спаситель. Истинную религию, рожденную не для внешнего великолепия, не ради господства церкви, не для насилия, наконец, но для правого и благочестивого устройства жизни, отличает совсем иное. Тот, кто хотел бы сражаться в рядах церкви Христовой, должен прежде всего объявить войну своим порокам, собственному высокомерию и страстям; в противном случае, если лишен он святости жизни, чистоты нравов, доброты и мягкости душевной, то не заслуживает имени христианина. «И ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лук. 22, 32), – сказал Петру Господь наш. Едва ли поверим мы, что кто-то безгранично печется о чужом спасении, если пренебрегает он своим собственным; ибо никто не может искренне, всеми силами стремиться обратить других в веру Христову, если сам он в душе своей не воспринял еще воистину религии Христа. Ведь если мы хотим верить Евангелию и апостолам, никто не может быть христианином без доброты, без веры, действующей любовью, а не силой. А доброжелательны ли и добросердечны ли

те, кто, ссылаясь на религию, мучают, терзают, грабят и убивают других, свидетелем тому их собственная совесть; и только тогда, когда я увижу, что эти ревнители веры точно таким же образом направляют на путь истины друзей и близких, открыто прегрешающих против евангельских наставлений, что огнем и мечом обрушиваются они на своих собственных приспешников, погрязших в тлетворных пороках и обреченных, если не исправятся к лучшему, на гибель, я поверю, что любовь свою и жажду спасения души они доказывают всевозможными жестокостями и мучительством. Ведь если они, как они заявляют, из человеколюбия и заботы о спасении души лишают людей их имущества, истязают их тела, гноят в тюрьмах, заковывают в цепи, отнимают, наконец, самое жизнь и все это – чтобы обратить их в правую веру, чтобы спасти их, то почему же позволяют они безнаказанно бесчинствовать среди своих «блуду, лукавству, злобе», что так явно, по словам апостола, отдает язычеством (Рим. 1, 29)? Ведь все это и прочее в том же роде много более противно славе господней, чистоте церкви и спасению души, чем любое сомнение в правильности церковных постановлений или неточность в культовом обряде, если в остальном жизнь безупречна. Почему же, повторяю, это рвение в защите бога, церкви, спасения души, в пылу своем доводящее до сжигания на костре, оставляя безнаказанными и не осуждая эти преступления и моральные пороки, диаметрально противоположные, по общему признанию, христианскому учению, обращено только на исправление взглядов, причем в большинстве случаев на тонкости, превосходящие понимание простого народа, или на совершение церемоний и только на это направляет все свои силы? Какая из сторон, не согласных друг с другом в подобных вещах, более права, кто из них виновен в расколе или ереси – победившая или побежденная, станет ясным только тогда, когда мы оценим причину раскола. Тот же, кто следует за Христом, кто проникся его учением и принимает владычество его, даже если отступится он от отца и матери, от отчих обрядов, если покинет людские сборища и вообще всех людей, тот не еретик.

Поэтому, если расхождения между сектами столь пагубны для спасения души, то уж «прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение... и тому подобное» не в меньшей степени являются делами плоти, о чем апостол ясно говорит, что «поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал. 5, 19-21). Следовательно, все это должно искоренять с не меньшим тщанием и энергией, чем секты, если только мы, искренне взыскуя царствия небесного, всерьез решили приложить все силы к расширению владений его. Если же кто-то поступает иначе и, оставаясь безжалостным и неумолимым по отношению к инакомыслящим, в то же время будет снисходительным к прегрешениям и нравственным порокам, недостойным имени христианского, то, сколько бы он ни распространялся о церкви, совершенно ясно, что он ищет чего-то другого, а не царствия божия.

Если кто-то хочет пытками исторгнуть из тела душу, даже еще не обращенную душу, о спасении которой он так страстно печется, это всегда будет удивлять меня и, полагаю, других не меньше; но никто никогда не поверит, что это может исходить от любви, от доброжелательства, от человеколюбия. Если людей приходится огнем и мечом заставлять исповедовать известные догматы и принуждать силою к исполнению чуждых им обрядов и при этом, однако, даже не вспоминают об их нравственности, если кто-то обращает инаковерующих в свою веру, заставляя их исповедовать то, во что они не верят, и позволяет им делать то, чего не разрешает Евангелие христианам, верующим в него, то я не сомневаюсь, что такой человек стремится иметь огромную толпу людей, исповедующих то же, что и он; но кто же поверит, что он хочет христианской церкви? А поэтому не нужно удивляться, когда те, кто вопреки своим утверждениям не сражается за истинную религию и христианскую церковь, прибегают к оружию, недостойному христианского воинства. Если бы, подобно Вождю и Спасителю нашему, они искренне жаждали спасения души, они шли бы по стопам его и следовали бы этому наипрекраснейшему примеру государя мира, который послал служителей своих на покорение народов и объ-

единение в церковь вооруженными не булатом, не мечом, не силою, но Евангелием, но вестью о мире, но примером святости нравов. Если же, однако, оказалось бы необходимым силою оружия обратить неверных, с помощью вооруженных воинов избавить от заблуждений, ослепленных или упорствующих, у него нашлись бы более мощные легионы небесного воинства, чем когорты любого церковного прелата, сколь бы могущественным он ни был.

Терпимость по отношению к тем, кто в религиозных вопросах придерживается других взглядов, настолько согласуется с Евангелием и разумом, что слепота людей, не видящих при столь ясном свете, представляется чем-то чудовищным. Я не хочу здесь ставить в вину одним их заносчивость и высокомерие, другим – их несдержанность и фанатизм, не знающий ни человеколюбия, ни мягкосердечия: это пороки, которые, быть может, невозможно отнять у людей, но они, однако, таковы, что никто не хотел бы, чтобы ему явно их приписывали; едва ли найдется хотя бы один, кто стал бы, придавая им некую достойную видимость, искать себе похвалы за них. И пусть никто не пытается прикрыть жестокие преследования, столь чуждые христианству заботой о государстве и соблюдении законов, и, напротив, пусть никто, прикрываясь ссылкой на иную религию, не ищет для себя моральной вседозволенности и безнаказанности преступлений. Повторяю, пусть никто, ни как верный подданный государя, ни как искренне верующий, не требует такого права ни для себя, ни для других. Прежде всего я считаю необходимым различать вопросы государственные и религиозные и должным образом определить границы между церковью и государством. Если этого не будет сделано, то невозможно будет положить предел никаким спорам среди тех, для кого спасение души или благо государства либо действительно дорого, либо изображается таковым.

Государство, по-моему, – это общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ.

Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т.д.

Обеспечивать и полностью сохранять как всему народу в целом, так и каждому гражданину в отдельности справедливое обладание этими относящимися к повседневной жизни вещами есть долг гражданского правителя, опирающегося на законы, равно обязательные для всех; если же кто-то вопреки божественному и человеческому праву вознамерится нарушить их, то такая дерзость должна подавляться угрозой наказания, состоящего либо в полном, либо в частичном лишении его тех благ, которыми в ином случае он и мог и должен был пользоваться. А так как никто добровольно не согласен лишиться части своих благ, а тем более свободы или жизни, поэтому правитель вооружен силою, т.е. всей мощью своих подданных, чтобы наказывать нарушителей чужого права.

То, что вся юрисдикция правителя распространяется единственно лишь на эти гражданские блага и что все право и все полномочия государственной власти определяются и ограничиваются заботой о поддержании и приумножении лишь этих благ и ни в коем случае не должны и не могут распространяться на спасение души, ясно покажет, как мне кажется, следующее.

Во-первых, гражданскому правителю забота о спасении души принадлежит не более, чем остальным людям. И бог не поручал ему этого, ибо нигде не сказано, что бог предоставил людям право насильно заставлять других людей принимать чуждую им религию. И люди не могут предоставить правителю такого рода власть, ибо никто не может в такой степени пренебрегать заботой о вечном спасении, чтобы покорно принимать культ или веру, которую предписывает ему другой, будь то правитель или подданный. Ибо никто не может верить по указанию другого, даже если бы и захотел, а ведь именно в вере заключается сила и смысл истинной и спасительной религии. Какие бы молитвы ни произносил ты своими устами, какие бы обряды ни совершал, но, если в сердце своем ты глубоко не убежден, что все это истинно и угодно богу, это не только не помогает спасению души, но, наоборот, приносит вред, поскольку таким образом к прочим грехам, искупить которые должна религия, присоединяется в довершение и притворство в самой религии, и неуважение

самого божества, коль ты чтишь Величайшего и Всемогущего Господа обрядами, которые, как ты знаешь, не угодны ему.

Во-вторых, гражданскому правителю забота о душе не может принадлежать, ибо вся власть его выражается в принуждении. Истинная же и спасительная религия состоит в глубокой внутренней вере души, без которой ничто не имеет силы в глазах Господа; природа человеческого разума такова, что никакая внешняя сила не способна принудить его. Отними все имущество, брось его в темницу, подвергай тело мучениям – напрасно всеми этими пытками ты надеешься изменить суждение, которое ум составил о вещах.

Но ты скажешь: правитель может воспользоваться доводами разума и тем склонить к истине инаковерующих и спасти их. Пусть так, но здесь он ничем не отличается от остальных людей: если он станет поучать, наставлять, доводами разума призывать заблудшего на путь истины, он будет делать то, что подобает всякому порядочному человеку; ведь правитель отнюдь не перестает быть человеком и христианином. Но одно дело – убеждать, другое – приказывать, первое требует аргументов, второе – повелений. Из них второе – дело гражданской власти, первое же – человеческого доброжелательства. Ведь любой смертный имеет право наставлять, убеждать, уличать в заблуждении, доводами разума привлекать на свою сторону, правителю же положено повелевать эдиктами и принуждать мечом. Это как раз то, о чем я говорю, – государственная власть не должна государственным законом предписывать символы веры, т. е. догматы, или то, как именно следует чтить бога. Ведь если вообще не будет наказания, то законы потеряют свою силу, но наказание совершенно неуместно и никоим образом не годится для убеждения. Если кто-нибудь ради спасения души хочет принять какую-то догму или обряд, то необходимо, чтобы он до глубины души верил, что эта догма истинна или что этот обряд угоден богу и будет принят им; но никакая кара не способна внушить душе такого рода убеждение: чтобы изменилось убеждение, сложившееся в душе, нужен свет, а он никогда не может возникнуть из телесных мучений.

В-третьих, забота о спасении души никоим образом не может иметь отношения к гражданскому правителю, ибо если даже допустить, что авторитет законов и сила наказания могли бы быть действенными, способствуя обращению умов, они тем не менее ничем не могли бы помочь спасению души. Ведь коль скоро только одна религия истинна, только одна дорога ведет к вечному блаженству, то разве остается надежда, что к нему придет больше людей, будь им дана лишь одна возможность: вопреки требованиям разума и совести слепо следовать тому учению, которое разделяет государь, и чтить бога так, как установлено это законами предков? При таком многообразии религиозных воззрений государей эта ведущая на небо дорога неизбежно окажется узкой, а ворота – тесными и открытыми весьма немногим, и притом только из одной страны, и, что особенно абсурдно в этом деле и недостойно бога, в таком случае вечное блаженство и вечные муки предопределены всего лишь случайностью рождения.

Уже одного этого, не говоря о многом другом, что можно было бы сказать еще, мне кажется, достаточно для утверждения, что всякая государственная власть имеет дело с названными выше гражданскими благами, ограничивается заботой о делах этой жизни и не имеет никакого отношения к тому, что касается жизни будущей.

А теперь рассмотрим, что такое церковь. Мне представляется, что церковь есть свободное сообщество людей, добровольно объединяющихся, чтобы сообща почитать бога так, как это, по их убеждению, будет ему угодно и принесет им спасение души.

Я повторяю, что это свободное и добровольное сообщество. Никто не рождается членом какой-нибудь церкви, иначе религия отцов и дедов переходила бы по наследственному праву вместе с земельной собственностью и каждый был бы обязан своей верой собственному рождению; ничего абсурднее невозможно даже придумать. Дело обстоит так. Человек, не связанный от природы ни с какой церковью, ни с какой, сектой, добровольно присоединяется к тому сообществу, где, как он верит, нашел истинную религию и обряды, угодные богу. Надежда на спасение, которую он там обретает, есть единственная

причина вступления в церковь, и она же определяет, оставаться ли ему в ней. Если же он обнаружит вдруг нечто ошибочное в учении или что-то несообразное в культе, то обязательно должен обладать правом в любой момент столь же свободно выйти из нее, как свободно в нее вступил; ибо не может быть никаких нерасторжимых уз, за исключением тех, которые связывают с твердой надеждой на жизнь вечную. Церковь, таким образом, создается из добровольно объединившихся с вышеуказанной целью членов.

Теперь нам необходимо рассмотреть, что представляет собой власть церкви и каким законам она подчиняется.

Поскольку ни одно сообщество, сколь бы свободным оно ни было или по сколь бы незначительному поводу ни было организовано, будь то сообщество образованных людей, собирающихся ради изучения философии, или торговцев, объединяющихся в целях совместного предпринимательства, или просто праздных людей, встречающихся ради взаимных бесед и удовольствия, не может существовать и тотчас же развалится и исчезнет, если не будет связано никакими законами, необходимо и церкви иметь свои законы, чтобы соблюдался определенный порядок относительно места и времени проведения собраний, чтобы были установлены условия, на которых каждый либо принимается, либо исключается, наконец, чтобы были определены все обязанности и порядок их исполнения и т.п. А так как объединение это добровольное и, как было сказано, свободное от всякого насилия и принуждения, отсюда неизбежно следует, что право создания законов не может принадлежать никому, кроме самого сообщества или по крайней мере тех, кому само сообщество по общему согласию поручит это.

Но ты скажешь: не может быть истинной церковь, которая не имеет епископа или пресвитеров, обладающих авторитетом власти, передающимся в непрерывной последовательности от самих апостолов.

Во-первых, я прошу тебя назвать мне тот эдикт, которым Христос установил своей церкви такой закон; и не из пустого любопытства добиваюсь я от

тебя в столь важном вопросе точности. Мне кажется, что о чем-то другом говорят эти слова: «Где двое или трое собраны во имя мое, там я посреди них». Недостает ли чего-нибудь собранию, в котором присутствует Христос, для того, чтобы стать истинной церковью, суди сам. Конечно же там есть все для истинного спасения, а этого достаточно для нас.

Во-вторых, полюбуйся, пожалуйста, на этих людей, которые хотят, чтобы церковные правители, поставленные самим Христом, непрерывно наследовали друг друга, посмотри, как с самого начала они не могут прийти к согласию между собой! Да и сам этот раздор их естественно допускает свободу выбора, а именно права для каждого человека вступать в ту церковь, которую он сам предпочитает.

В-третьих, ты можешь подчиняться этому, для тебя необходимому, как ты полагаешь, и predetermined долгой чередой предшественников правителю, но предоставь и мне присоединиться к тому сообществу, в котором я, по моему убеждению, обрету то, что необходимо для спасения души. Именно так для каждого из нас сохранится в неприкосновенности та церковная свобода, которой ты требуешь, и каждый получит себе именно такого законодателя, какового он сам избрал для себя.

Поскольку ты столь обеспокоен вопросом об истинной церкви, да позволено будет мне здесь спросить тебя, между прочим, что более подобает истинной церкви Христовой: утверждать условия объединения, содержащие то, и только то, что святой дух в Священном писании в ясных и отчетливых выражениях называет необходимым для спасения, или же навязывать собственные выдумки или толкования как некий божественный закон и санкционировать их церковными законоустановлениями как якобы совершенно необходимые для христианского вероисповедания, хотя о них в божественном слове либо вообще ничего не сказано, а если сказано, то по крайней мере не столь императивно? Тот, кто требует для церковной общины того, что Христос не требует для жизни вечной, тот, быть может, учреждает сообщество, вполне отвечающее его убеждениям и пользе, но как назвать Христовой церковь, если

она зиждется на чуждых ей основаниях и из нее исключаются те, кого Христос когда-нибудь примет в царствие небесное? Но поскольку здесь не место выяснять отличительные черты истинной церкви, то тем, кто с таким ожесточением дерется за догматы своей веры и непрерывно кричит только о церкви, с таким же шумом, а быть может, и с теми же побуждениями, как некогда эфесские ремесленники о своей Диане (Деян. 19), я бы хотел напомнить лишь одно: множество мест в Евангелии свидетельствует, что истинные ученики Христа должны и быть готовыми, и способными переносить притеснения, но я не помню, чтобы мне приходилось читать где-нибудь в Новом завете, что истинная церковь Христова должна преследовать или подвергать гонениям других, или силою, огнем и мечом заставлять их принять свою веру и учение.

Цель религиозного сообщества, как было сказано, есть совместное почитание бога и обретение благодаря этому жизни вечной. А посему именно этим должно ограничиться все учение, в этих пределах должны действовать церковные законы. Никогда в этом обществе не идет и не может идти речь о благах гражданских, о владении земными благами; здесь никогда, ни по какой причине не должно применяться насилие, целиком относящееся к компетенции гражданского правителя, равно как подлежит его власти владение внешними благами и пользование ими.

Ты скажешь: какая же санкция обеспечит действенность церковных законов, если не должно быть никакого принуждения? Отвечаю: конечно же та, которая подобает вещам, формальное исповедание и почитание которых совершенно бесполезны, если не запали они глубоко в душу, если не обрели в ней полного согласия совести, а это значит, что уговоры, проповедь, наставления, поучения – вот то оружие, которое должно удерживать членов этого сообщества в пределах их долга. Если же эти средства не могут исправить провинившихся и вернуть заблудших на путь истины, не остается ничего другого, кроме отлучения от общества и изгнания тех, кто упорствует и сопротивляется, и не дает уже никакой надежды на исправление. Это высшее и крайнее проявление насилия церковной власти, не знающей никакого иного наказания,

кроме этого, когда, подобно отсеченному члену, утратившему связь с телом, осужденный перестает быть частью данной церкви.

Установив это, рассмотрим далее, каковы обязанности каждого в отношении веротерпимости. Я утверждаю, во-первых, что никакая церковь не обязана на основании принципа веротерпимости сохранять в своем лоне того, кто, несмотря на увещания, упорно нарушает установленные данным сообществом законы; ибо если кому-либо будет позволено безнаказанно попирать их, то сообщество погибнет, потому что они являются и условием его объединения, и единственной его скрепой. Однако же не следует допускать, чтобы постановление об отлучении сопровождалось оскорбительными словами или насильственными действиями, которые каким-то образом могли бы нанести ущерб или самому отлученному, или его имуществу. Ведь, как было сказано, всякое применение силы принадлежит только правителю и не дано ни одному частному лицу, за исключением тех случаев, когда необходимо защититься от насилия. Отлучение не лишает и не может лишить отлученного ни одного из гражданских благ, которыми обладал он как частный собственник, ибо все они принадлежат его гражданскому статусу и находятся под защитой правителя. Сила отлучения сводится единственно к тому, что по объявлению воли сообщества распадается единение тела и какого-то его члена, а с прекращением этого отношения неизбежно прекращается и единение в некоторых вещах, которые сообщество предоставляет своим членам и на которые не распространяется гражданское право. Например, не наносится никакого гражданского оскорбления отлученному, если церковный служака обносит его во время службы господней вечери хлебом и вином, купленным не на его, а на чужие деньги.

Во-вторых, ни одно частное лицо не должно каким бы то ни было образом покушаться на гражданские блага другого или наносить им ущерб на том основании, что тот отказался от его религии и обрядов. Все человеческие и гражданские права такого человека должны свято соблюдаться, ибо они не имеют отношения к религии: будь он христианином или язычником, никакого насилия и беззакония быть не должно. А меру права должен превзойти долг

доброжелательства и человеколюбия. Это повелевает Евангелие, в этом убеждают разум и установленный самой природою союз всего человечества. Если кто-то отступил от правого пути, то это несчастье только для него самого, для тебя же здесь нет никакого вреда; и, следовательно, он не должен терпеть от тебя оскорблений, лишаться благ в этой жизни на том основании, что ты веришь в его погибель в жизни будущей.

То, что я сказал о взаимной терпимости частных лиц, расходящихся друг с другом в вопросах религии, я хочу сказать и об отдельных церквях, которые по отношению друг к другу являются своего рода частными лицами и ни одна не обладает каким-либо правом по отношению к другой, даже в том случае, если гражданский правитель принадлежит к этой, а не к другой церкви. Ведь государство не может предоставить церкви никакого нового права, равно как и, наоборот, церковь – государству, потому что церковь независимо от того, вступит ли в нее правитель или покинет ее, остается всегда тем же, что и раньше: свободным и добровольным сообществом; и не обретает со вступлением в нее правителя насильственной власти; и не теряет с его уходом прежней своей прерогативы – поучать и отлучать. Для свободного сообщества всегда останется неизменным право иметь возможность удалять тех из своих членов, кого оно сочтет нужным, но оно не приобретает со вступлением в него кого бы то ни было никакой юрисдикции над тем, кто не входит в него. А поэтому между различными церквями, как и между отдельными людьми, всегда и в равной мере должны уважаться мир, равенство и дружба без какого-либо правового преимущества.

Чтобы пояснить это на примере, допустим, что в Константинополе существуют две церкви: ремонстрантов и антиремонстрантов. Может ли кто-нибудь сказать, что одна из них имеет право лишать свободы или имущества, наказывать изгнанием или смертью других, не согласных с нею, за то, что они придерживаются другого учения и других обрядов, как мы это видим в других местах? А Турок бы тем временем молча посмеивался, глядя, как жестоко и

безжалостно христиане терзают друг друга. Если же одна из этих церквей обладает властью жестоко преследовать другую, то я спрашиваю, какая же из двух и по какому праву? Конечно, мне ответят, что ортодоксальная – против заблуждающейся, т. е. еретической. Но ведь эти высокие и красивые слова, собственно, ничего не говорят. Любая церковь для себя ортодоксальная, для других – заблуждающаяся, или еретическая, потому что каждая верит в то, что считает истинным, а противоположные взгляды осуждает как заблуждение. Таким образом, в споре об истинности догматов, о верности обрядов обе церкви имеют равные основания, и судья не может вынести о нем никакого приговора, да и нет такого судьи ни в Константинополе, ни вообще на земле. Решение принадлежит единственно одному верховному судье, вершащему суд над всеми людьми, и только он может порицать заблудшего. А тем временем пусть поразмыслят, насколько тяжелее грех тех, кто к своему если не заблуждению, то уж во всяком случае высокомерию присоединяет еще и беззаконие, бездумно и нагло терзая рабов чужого хозяина, на которых он не имеет никакого права.

Даже если бы можно было твердо сказать, какая из враждующих церквей права в своих религиозных воззрениях, то и это бы не давало ортодоксальной церкви власти грабить другие церкви, ибо у церкви нет никаких прав по отношению к земным вещам, и ни огонь, ни меч не являются самыми подходящими орудиями для изобличения заблуждений и для просвещения или обращения людских умов. Представь, однако, что одной из сторон благоволит гражданский правитель и готов предложить ей свой меч, дабы она с его одобрения могла свободно преследовать инаковерующих. Разве кто-нибудь скажет, что христианская церковь может получить от турецкого султана какое-то право против братьев своих? Неверный, который не может своей властью наказывать христиан за догматы веры, тем более не может предоставить какому-либо христианскому сообществу такие власть и право, которых он сам не имеет. Представь, что так же обстоит дело и в христианском королевстве. Гражданская власть повсюду остается сама собой и не может предоставить церкви большей

власти при христианском государе, чем при языческом, т. е. никакой. Кстати, вот что весьма любопытно: эти отважные служители истины, сокрушители заблуждений, не терпящие раскола, почти никогда не проявляют это свое религиозное рвение, которым они так пылко горят всем своим существом, за исключением тех случаев, когда им благоволит гражданский правитель. Стоит только стать им сильнее благодаря благосклонности к ним правителя и его помощи, тотчас же мир нарушается и исчезает христианское человеколюбие, если же такой поддержки нет – приходится уважать взаимную терпимость. Когда без поддержки гражданской власти они чувствуют себя слабее, они могут терпеливо и безропотно переносить заразу идолопоклонства, суеверия, ереси, которую в других случаях считают опасной и для себя, и для своей религии, и неохотно, без всякого энтузиазма принимаются за изобличение заблуждений, разделяемых правителем и двором; а ведь единственно верный способ распространения истины – соединение веских доводов и доказательств с человечностью и доброжелательством.

Следовательно, ни один человек, ни одна церковь, ни даже государство не могут обладать каким-либо правом покушаться на гражданские блага друг друга и отнимать друг у друга собственность по религиозным соображениям. Кто не согласен с этим, пусть задумается над тем, какой повод для бесконечных споров и войн дают они тем самым человечеству, какой огромный стимул для грабежа, убийств и вечной ненависти; ибо никогда безопасность и мир, а тем более дружба между людьми не смогут быть прочными или просто существовать, если возобладает убеждение, что господство может основываться на милости, а религия должна распространяться силой оружия.

В-третьих, рассмотрим, какие требования предъявляет долг веротерпимости к тем, кто, как они любят говорить, в силу неких своих особых церковных функций отличен от остальных прихожан и от мирской толпы, будь то епископы, священники, пресвитеры, служки и прочие, как бы они ни назывались. Здесь не место выяснять происхождение духовной власти или авторитета; но я все же хочу сказать следующее: каково бы ни было происхождение

этой власти, поскольку она церковная, она и должна быть ограничена пределами церкви и никоим образом не может распространяться на дела гражданские, поскольку сама церковь полностью и совершенно отделена от государства и гражданских дел. Пределы и для той, и для другого твердо установлены и нерушимы. Смешивать два этих совершенно различных по своему происхождению, цели и предмету сообщества – все равно что смешивать столь несовместимейшие вещи, как небо и земля. А посему никто, каким бы духовным саном ни был он облечен, не может по религиозным причинам карать лишением жизни, свободы или какой-либо части материальных благ кого бы то ни было, кто не принадлежит к его церкви и не разделяет его веру. Ведь то, что не дозволено церкви в целом, не может быть дозволено по церковному праву и ни одному ее члену в отдельности.

Для лиц духовных недостаточно воздерживаться от насилия, грабежа и всяческих притеснений; тот, кто объявляет себя наследником апостолов и берет на себя бремя поучения, обязан тем самым наставлять учеников своих о долге миролюбия и доброй воли ко всем людям, как заблудшим, так и православным, как разделяющим его верования, так и чуждым его вере и обрядам, и призывать к человеколюбию, кротости, терпимости всех – и частных лиц, и правителей государства, если таковые окажутся принадлежащими к его церкви, убеждать их сдерживать и смягчать свое отвращение и пылкое негодование по отношению к инаковерующим, зажженное в душе либо собственным необузданным рвением в защиту своей религии и секты, либо чьей-то хитростью. Я не стану говорить о том, сколь прекрасные и великие плоды обретут и церковь, и государство, если с амвонов будет звучать проповедь мира и терпимости, дабы не показаться слишком резким по отношению к тем, чье достоинство мне не хотелось бы видеть униженным никем, даже ими самими. Однако я утверждаю, что именно так и должно это быть, и если кто, объявляя себя слугою слова божия и глашатаем Евангелия мира, учит иному, тот или не понимает возложенного на него дела, или пренебрегает им, за что и дает в свое время ответ государю мира. Коли уж христианам должно воздерживаться от

мщения и прощать до семидесяти седмиц, когда их снова и снова вынуждают терпеть обиду, насколько же сильнее должны умерять в себе всяческий гнев и воздерживаться от злобного насилия те, кто не претерпел от другого никакого зла, и как всеми силами должны стремиться не оскорбить как-нибудь тех, от кого они не испытали ни в чем никакой обиды; в особенности же не замышлять никакого зла против тех, кто занят только своим делом и озабочен единственно тем, чтобы почитать бога таким образом, какой, по его убеждению, будет наиболее угоден самому богу, что бы об этом ни думали другие, и исповедует ту религию, которая дает ему наибольшую надежду на вечное спасение! Когда речь идет о домашних делах и имуществе или о телесном здоровье, каждому дано право решать, что ему делать в собственных интересах, и выбирать то, что он сочтет наилучшим; никто же не жалуется на своего соседа за то, что он плохо распоряжается своим имуществом; никто не сердится на того, кто неправильно засекает поле или неудачно выдает дочь замуж; никто не стыдит пропивающего деньги в кабаках; пусть разрушает или строит, пусть тратит деньги как хочет – никто не скажет ни слова; это позволено. Ну а если кто не посещает общественный храм, если не кладет там поклоны по установленному ритуалу, если не отдает детей для посвящения в таинства той или иной церкви, тогда начинаются разговоры, поднимается шум, слышатся обвинения, каждый готов мстить за такое преступление, и фанатики едва удерживаются от насилия и грабежа, когда влекут человека на суд, когда приговор судьи обрекает его тело на темницу или на казнь, а имущество – на распродажу с молотка. Пусть церковные проповедники любой секты изобличают чужие заблуждения со всей доступной им силой аргументации и ведут с ними бой, но пусть щадят самих людей. Если же не хватает им убедительных аргументов, пусть не прибегают они к средствам, не соответствующим их положению, заимствованным из другой области, неприличным для лиц духовных; пусть не берут в помощь своему красноречию и учености фасции, и топоры из рук правителя, дабы их рвение, безмерно разгорающееся от огня и меча, не выдало бы того, что, про-

возглашая свою любовь к истине, они на деле мечтают о господстве. Ибо не легко убедить разумных людей в своем пылком и искреннем желании спасти в жизни будущей брата своего от геенны огненной тому, кто безжалостно и с готовностью отдает его в этой жизни палачу для сожжения.

В-четвертых, следует, наконец, рассмотреть, какова роль правителя в деле веротерпимости. А она, бесспорно, очень велика.

Выше мы доказали, что к компетенции правителя не принадлежит, если так можно выразиться, «авторитативная» забота о душе, т. е. та, которая осуществляется силою законов, повелевающих и принуждающих угрозой наказания. Что же касается заботы «харитативной», т. е. проявляющейся в убеждении, поучении, наставлении, то в этом праве нельзя отказать никому. Следовательно, каждому принадлежит забота о собственной душе, сам он, и только сам, должен заботиться о ней. Ты скажешь: а что, если он пренебрегает заботой о своей душе? Отвечаю: а что, если пренебрегает он заботой о своем здоровье? Или – о своем имуществе? Ведь последнее скорее относится к компетенции правителя. Может быть, правитель еще и специальным эдиктом запретит стать бедным или больным? Законы пытаются, насколько возможно, оберегать имущество и здоровье подданных от чужого насилия или обмана, но не от беспечности владельца или от мотовства. Никого нельзя против его желания принудить быть богатым или здоровым. Тех, кто не хочет, не спасет и сам Господь бог. Представь, однако, что государь желает заставить своих подданных приобретать богатства и заботиться о своем здоровье: разве в таком случае будет установлено законом обращаться за советом только к римским врачам и каждый будет обязан жить только по их предписаниям? Неужели нельзя будет принимать никакого лекарства, кроме полученного из женевской аптеки, никакой пищи, кроме приготовленной в Ватикане? Или, например, чтобы подданным жилось богато и роскошно, закон обяжет всех заниматься торговлей или музыкой? Или каждый сделается трактирщиком либо ремесленником, потому что некоторые благодаря этим занятиям прекрасно содержат свою се-

мью и богатеют? Но ты скажешь: существуют тысячи способов добывать богатство, путь же к спасению только один. Это, конечно, звучит правильно, особенно в устах тех, кто хочет принудить к тому или иному пути, ибо, будь таких путей несколько, нельзя было бы даже найти и предлога для принуждения. Если я изо всех сил спешу в Иерусалим прямою дорогой, указанной мне священной географией, почему же я подвергаюсь побоям лишь за то, что иду не в котурнах либо омывшись и обрившись определенным образом, за то, что питаюсь в пути мясом или иной пищей, полезной моему желудку и здоровью, за то, что избегаю некоторых обходных путей, которые, как мне кажется, ведут либо в пропасть, либо в непроходимые дебри? Или за то, что из множества разных путей, ведущих в одном направлении, я выбираю тот, который представляется мне наименее извилистым и грязным? Или за то, что одни показались мне слишком нескромными, другие – слишком капризными для того, чтобы я охотно выбрал их себе в спутники? Или за то, что у меня есть в пути проводник, увенчанный митрой или облаченный в белую мантию, или нет его? Ведь, если задуматься серьезно, то именно к такого рода пустякам принадлежит большинство вещей, вызывающих столь ожесточенные распри среди братьев-христиан, согласных между собой в важнейших вопросах религии; тогда как ими вполне можно пренебречь или же принять их без всякого ущерба для религии и спасения души, если только отказаться от суеверия или лицемерия.

Но попробуем согласиться с фанатиками, осуждающими все чуждое их вере, в том, что при таких обстоятельствах возникают различные и в различных направлениях ведущие пути. Чего же в конце концов мы достигнем? Ведь в действительности только один-единственный из них ведет к спасению. Но среди тысяч путей, на которые вступают люди, трудно выбрать истинный; ни власть над государством, ни право издавать законы не открывают правителю более надежный путь, ведущий на небо, чем обыкновенному человеку – его убеждения. Тело мое немощно и измучено тяжелой болезнью. Предположим, что существует один-единственный и притом неведомый способ ее лечения. Так, значит, правитель должен предписать лекарство именно потому, что оно

– одно-единственное, а среди множества различных – неизвестное? И только потому, что остается единственное средство, с помощью которого я мог бы избежать смерти, будет надежным такое, принять которое повелевает мне правитель? То, что каждый должен найти усилиями собственного ума, суждения, размышления, самостоятельной мыслью, не следует отдавать на попечение какому-то одному человеку, как будто он обладает такой привилегией в силу своего положения. Государи от рождения обладают большей властью, чем прочие, но по природе они равны остальным смертным, и ни право, ни опыт властвования не влекут за собой бесспорного знания всего остального, а тем более – истинной религии. Ведь если бы это было так, то почему бы земным владыкам придерживаться столь противоположных взглядов по религиозным вопросам? Но предположим, как вероятное, что государю путь к вечному спасению известен лучше, чем его подданным, или по крайней мере для них спокойнее и удобнее в столь неясном и сложном деле повиноваться его указаниям. Ты скажешь: а если бы он приказал тебе добывать средства к существованию торговлей, отказался бы ты сделать это, не будучи уверенным, что именно этим путем ты добьешься выгоды? Отвечаю: торговцем по приказанию государя я бы стал; ведь коли дела мои пойдут плохо, он в состоянии щедро компенсировать мне иным путем потерянное в результате торговли, а если захочет избавить меня от голода и бедности, как он это обещает, то легко сможет сделать это, если все имущество мое погубит злой жребий несчастливой торговли. Но это невозможно, когда дело идет о жизни будущей. Если здесь я неудачно помещу свои средства, если здесь я однажды обманусь в надеждах, правитель никоим образом не сможет возместить мне потерю, облегчить несчастье, восстановить мое положение хотя бы частично, а тем более полностью. Какое поручительство можно дать в обеспечение царствия небесного? Ты, может быть, скажешь: не гражданскому правителю, а церкви предоставляем мы высказывать окончательное суждение о делах веры и ему все должны следовать. Гражданский правитель требует от всех соблюдения того, что определила церковь, и властью своей не позволяет кому-либо в религиозных делах действовать или

верить иначе, чем учит церковь; так что решение всегда в руках церкви, правитель же и сам являет собой пример повиновения, и требует повиновения от других. Отвечаю: кто не знает, что уважаемое во времена апостолов имя церкви в последующие века нередко использовалось как прикрытие для создания видимости? Во всяком случае здесь оно ничем не может помочь мне. Я повторяю, что эта единственная и узкая тропинка, ведущая на небо, известна правителю не больше, чем обычным людям, а поэтому я не могу спокойно следовать за проводником, который может, так же как и я, не знать дороги и уж во всяком случае меньше озабочен моим спасением, чем я сам. Среди множества царей еврейского народа мало ли было таких, следуя за которыми израильтянин не отклонился бы от истинного почитания Господа и не впал бы в идолопоклонство, в слепом повиновении своем обрекая себя на верную гибель? Ты же, наоборот, призываешь меня к спокойствию, говоришь, что все благополучно, ибо правитель предлагает народу соблюдать в религиозных делах не свои установления, а церковные, укрепляя их санкцией государства. Но я тебя спрашиваю, установления какой церкви? Естественно, той, которая угодна государю. Как будто бы не навязывает свое суждение о религии тот, кто угрозой применения закона, наказания, насилия заставляет меня вступить в ту или иную церковь! Какая разница, сам ли он ведет меня или приказывает вести другим? Я одинаково завишу от его воли, и в том, и в другом случае он в равной мере решает вопрос о моем спасении. Чем отличаюсь я здесь от иудея, который по указу царя начинает поклоняться Ваалу, так как ему было сказано, что царь своей волей ничего не решает в делах религии, ничего не навязывает подданным в религиозном культе, кроме одобренного и признанного божественным на совете священников жрецами этой религии? Если религия, проповедуемая какой-либо церковью, потому истинна, потому спасительна, что ее восхваляют, прославляют и изо всех сил поддерживают своими голосами главы, священники, служители этой секты, тогда какая же религия будет ошибочной, ложной, губительной? Я сомневаюсь в вероучении социниан, у меня не вызывают доверия обряды папистов или лютеран, так неужели для

меня вступление в ту или иную церковь по приказанию правителя будет безопаснее только потому, что тот ничего не приказывает, ничего не санкционирует в делах религии, кроме того, что освящено авторитетным решением учителей этой церкви? Впрочем, по правде говоря, большей частью легче приспособляется церковь ко двору, чем двор к церкви, если только можно назвать церковью совет церковников, пишущих постановления. Прекрасно известно, какова была церковь при правоверном государе и какова была она же при государе-арианине. Но если это слишком отдалено от нас, то история Англии дает нам более свежие примеры того, как ловко, как проворно церковники при Генрихе, Эдуарде, Марии, Елизавете приспособляли свои установления, символы веры, обрядность, да и вообще все, к воле государя: ведь эти государи в делах религии придерживались столь противоположных взглядов, издавали столь противоположные указы, что ни один человек, если он не безумец, я чуть было не сказал – безбожник, не осмелился бы утверждать, что какой-нибудь порядочный человек, чтящий истинного Господа, смог бы с чистой совестью, не оскорбляя бога нечестием, подчиняться всем их решениям по делам религии¹⁰. Нужны ли еще слова? Нет никакой разницы, захочет ли царь навязать чужой религии законы по собственной воле или же подчиняясь авторитету церкви и мнению других. Суждение церковников, чьи разногласия и раздоры слишком хорошо известны, отнюдь не более здраво, не более бесспорно, и их голоса, каким бы путем они ни были собраны, не могут прибавить никакой силы государственной власти. Впрочем, любопытно заметить: государи обычно не придают никакого значения голосам церковников, не поддерживающих их веру и обряды.

Но вот что самое главное и что окончательно решает проблему. Даже когда взгляды правителя на религию предпочтительны и путь, на который он повелевает мне вступить, истинно евангельский, если душою я все-таки не убежден в этом, он не станет для меня спасительным. Никакой путь, на который вступлю я против своей совести, никогда не приведет меня к блаженству.

Я могу разбогатеть способом, который мне противен, я могу исцелиться с помощью лекарств, в которые я не верю, но я не могу спастись с помощью религии, в которую я не верую, через обряды, которые я отвергаю. Неверующий напрасно пытается перенять внешние формы, ибо для того, чтобы быть угодным богу, нужны вера и искренняя внутренняя убежденность. Сколь бы ни было прекрасно лекарство, сколь бы ни хвалили его другие, напрасно давать его, если желудок сразу же извергнет его, да и не следует насильно вливать лекарство, которое в силу идиосинкразии обернется ядом. Сколько бы ни возникало сомнений относительно религии, одно во всяком случае бесспорно: никакая религия, в истинность которой я не верю, не может быть для меня ни истинной, ни полезной. А поэтому напрасно правитель ради спасения души своих подданных вынуждает их принять его религию: если они верят, то сами обратятся к ней, если же не верят, то, даже приняв ее, они тем не менее обречены на погибель. Сколько угодно можешь заявлять, что ты желаешь добра ближнему, сколько угодно можешь печься о его спасении, но человека нельзя принудить силою к спасению; в конце концов его нужно предоставить ему самому и его совести.

Итак, наконец, перед нами люди, свободные в делах религии от подчинения чужому господству. Что же станут они делать? Все знают и все согласны, что бога должно почитать сообща. Так зачем же нас еще и побуждать к публичным сближениям? Люди, получившие такую свободу, испытывают потребность вступить в церковное сообщество, чтобы собираться вместе не только для взаимного созидания, но еще и для того, чтобы всенародно засвидетельствовать, что они чтут бога, что оказывают божеству именно такие почести, за которые им самим не стыдно и которые, как они верят, достойны бога и приятны ему, для того, наконец, чтобы чистотою учения, святостью жизни, скромностью и достоинством обрядов вызвать у других любовь к религии и истине и совершать все, что не может быть осуществлено каждым в отдельности.

Такие религиозные сообщества я называю церквями, к которым правитель должен проявлять терпимость, потому что народ, собравшийся на такого

рода собрания, делает то же самое, на что имеет неотъемлемое право каждый в отдельности, т. е. заботится о спасении души, и здесь не существует никакого различия между придворной церковью и другими, отличными от нее. <...>

...Если какой-нибудь католик верит, будто то, что другой называет хлебом, в действительности является телом Христовым, он этим не причиняет никакого вреда своему ближнему. Если иудей не верит, что Новый завет есть слово божие, он тем самым не ниспровергает гражданских установлений. Если язычник не признает ни Старого, ни Нового завета, то это не значит, что он должен быть наказан как преступник. Верит во все это кто-нибудь или не верит – в любом случае ни власть правителя, ни имущество граждан не подвергаются никакой опасности. Я охотно соглашаюсь, что это ложные и нелепые взгляды, но законы заботятся лишь об обеспечении и сохранности имущества как каждого гражданина, так и всего государства, а не о том, истинны или нет чьи-либо воззрения. И совершенно не следует жалеть об этом. Для истины было бы хорошо, если бы иной раз ее предоставляли самой себе. Мало пользы принесло ей, да и никогда не принесет, господство власть имущих, которым истина всегда была неведома и неприятна. Правда не нуждается в силе, чтобы проложить путь к умам людей, и слово закона не может повлиять на нее. Помощь заемных и внешних сил нужна только царству заблуждений. Если же истина не может привлечь к себе разум собственным светом, внешняя сила ей не поможет. Однако об этом достаточно. Теперь нам следует обратиться к догматам, имеющим практический характер.

Нравственность (*rectitudo morum*), составляющая немалую часть религии и подлинного благочестия, имеет также отношение и к гражданской жизни, и от нее зависят в равной мере и спасение души, и благо государства. Поэтому моральная сторона поступков относится к компетенции двух судов – внешнего и внутреннего – и подлежит власти как гражданского, так и домашнего владыки, т. е. государя и совести. Здесь, следовательно, может возникнуть опасность, как бы одно право не потеснило другое и не возникла бы тяжба между

стражами мира и души. Но если правильно оценить все, что было сказано выше о границах власти того и другого, мы легко разрешим всю эту проблему.

Каждый смертный обладает бессмертной душой, которая обретает или вечное блаженство, или вечное страдание и спасение которой зависит от того, совершал ли человек в этой жизни должное и верил ли в то должное, что необходимо для умилоствления божества и предписано самим Господом. Отсюда, во-первых, следует: человек прежде всего обязан соблюдать именно эти требования и должен все свои усилия, все старания, все стремления направлять прежде всего на то, чтобы познать и исполнить их, ибо в нашей смертной природе нет ничего, что могло бы сравниться с бессмертием и вечностью души. Во-вторых, из сказанного, следует, что коль скоро человек, следуя ложному культу, никак не нарушает право других людей, коль скоро он не наносит обиды другому за то, что тот не разделяет его правоверных религиозных взглядов, и его погибель не причиняет ущерба благополучию других, то забота о собственном спасении есть только дело каждого в отдельности. Я бы не хотел, чтобы мои слова были поняты так, будто я готов отказаться от всех милосердных увещеваний и от стремления порицать заблуждения, что составляет важнейший долг христианина. Каждый имеет право сколько угодно наставлять и убеждать ради спасения ближнего, но необходимо исключить всякое насилие и принуждение, здесь ничего нельзя делать по приказу. Никто в этом деле не обязан повиноваться чужим наставлениям или авторитету в большей степени, чем ему самому представляется нужным. Собственное суждение о собственном спасении является для каждого высшим и окончательным судьей, а так как дело идет только о нем самом, то чужие интересы от этого пострадать никак не могут.

Кроме бессмертной души человеку в этом мире еще дана жизнь, быстротечная, неведомой продолжительности, для поддержания которой необходимы материальные средства, добываемые трудом и усердием или уже добытые. Ведь то, что необходимо для счастливой и спокойной жизни, не рождается само собой. Поэтому вторая забота у человека – об этом. А так как люди

в большинстве своем бесстыдно предпочитают пользоваться тем, что добыто чужим трудом, вместо того, чтобы добывать своим собственным, человек вынужден объединяться с другими ради сохранения того, что добыто, т. е. богатства и всякого рода средств, и того, благодаря чему это добывается, т. е. свободы и телесного здоровья, дабы со взаимной помощью, объединенными усилиями обеспечить каждому спокойное владение как его частной собственностью всеми этими необходимыми для жизни вещами, предоставив в то же время каждому в отдельности заботу о своем вечном спасении, ибо ни достижение его не станет легче от усилий другого, ни утрата его не причинит ущерба ближнему, ни надежда на него не может быть отнята никакой силой. А так как люди, объединившиеся в государство и договорившиеся о взаимной защите того, что обеспечивает им жизнь, могут тем не менее лишиться своего имущества либо в результате грабежа и обмана, чинимого своими же согражданами, либо в результате нападения внешних врагов, то спасением от этого последнего зла является оружие, мощь и численность граждан, а от первого — законы; попечение же и управление всем этим поручены обществом правителям. Именно таков источник происхождения, такова цель установления, таковы границы законодательной власти, являющейся верховной в каждом государстве. Задачей ее, таким образом, является забота о частной собственности отдельных граждан, а тем самым о всем народе и о его общих интересах, о том, чтобы он процветал и рос в мире и богатстве, и чтобы по возможности собственными силами мог защитить себя от иноземного вторжения.

Исходя из сказанного выше легко понять, какой целью руководствуется правитель в своей законодательной деятельности — только земным, т. е. мирским, общественным благом, которое в то же время является единственным основанием для организации общества, единственной целью создания государства. Не менее легко понять, с другой стороны, какова та свобода, которая остается для частных граждан в делах, касающихся жизни будущей, а именно право каждого делать то, что, по его убеждению, угодно богу, от воли которого зависит его спасение. Ибо прежде всего должно повиноваться богу, а потом уже —

законам. Но ты скажешь: а что, если правитель прикажет своим эдиктом делать то, что совести отдельного человека представляется непозволительным? Отвечаю: если государство будет управляться добросовестно и помыслы правителя будут действительно направлены на общее благо граждан, то подобное едва ли случится; ну а если все же случится, в таком случае я считаю, что каждый человек обязан воздержаться от действия, которое по велению его совести представляется ему недопустимым; но ему самому придется подвергнуться наказанию, которое не является незаконным. Ибо любое частное суждение о законе, принятом ради общественного блага и касающемся вопросов государственных, не уничтожает обязательной силы закона и не может быть терпимо.

...Чтобы перейти к более частным вопросам, я начну с того, что никакие догматы, враждебные и противные человеческому обществу и добрым нравам, необходимым для сохранения гражданского общества, не должны быть терпимы правителем. Но примеры такого рода в любой церкви редки: никакая секта не может дойти до такого безумия, чтобы проповедовать в качестве догматов своей религии принципы, очевидно подрывающие основания общества и потому осуждаемые всем родом человеческим, ибо это грозило бы ее же собственному благополучию, спокойствию и репутации.

Во-вторых, существует другое, более замаскированное, но и более опасное для государства зло, творимое теми, которые себе и приверженцам своей секты присваивают некое особое преимущество по отношению к гражданскому праву, прикрываемое для видимости соответствующей риторикой. Пожалуй, нигде не найдешь таких, которые грубо и открыто проповедуют, что не нужно соблюдать данного кому бы то ни было слова, что любая секта может низвергнуть государя с его трона, что власть должна принадлежать только им. Подобные вещи, высказанные столь обнаженно и откровенно, сразу бы возбудили гнев правителя и тотчас обратили бы взоры всего государства на это зло, пригревшееся у него на груди, заставив позаботиться о том, чтобы оно не распространилось дальше. Однако находятся такие, которые другими словами го-

ворят то же самое. Ибо что иное имеют в виду те, кто утверждает, что не следует соблюдать честного слова, данного еретикам? Иными словами, они хотят получить привилегию нарушать вообще всякое честное слово, поскольку всех не принадлежащих к их сообществу объявляют еретиками или объявят таковыми, если им представится случай. <...>

...Но оставим на время религию и предположим, что установят дискриминацию людей по телесному облику, и те, у кого волосы черные или голубые глаза, не будут пользоваться равными правами с прочими людьми, не смогут свободно покупать и продавать, им будет запрещено занятие ремеслом, у родителей будет отнято право воспитания детей, им будет или вообще отказано в суде, или суд к ним будет несправедлив. Как ты думаешь, разве в таком случае не придется правителю испытывать такой же страх перед теми, кто объединился перед угрозой преследования только по цвету волос или глаз, какой он испытывает перед теми, кого объединила в сообщество религия? Одних людей объединять в сообщества побуждают общие расходы и прибыли в каком-то предприятии, других – желание весело провести свой досуг, одних объединяет город и расположенные по соседству дома, других – религия и совместный культ, но только угнетение объединяет людей на восстание. Ты скажешь: так, значит, ты хочешь, чтобы культовые собрания происходили вопреки воле правителя? Отвечаю: почему вопреки? Ведь такие собрания и допустимы, и необходимы. Ты говоришь: «вопреки воле правителя»; но это как раз и есть то, что я осуждаю, это и есть источник зла и наше несчастье.

Чем хуже собрание людей в храме, чем в театре или в цирке? Толпа в храме отнюдь не порочнее и не опаснее театральной или цирковой. Все дело в конце концов сводится к тому, что эти люди становятся мятежными оттого, что с ними плохо обращаются. Уничтожь несправедливые правовые различия, исправь законы, отмени смертную казнь, и все станет спокойным, и не будет никакой опасности и те, кто чужд религии правителя, будут тем более считать необходимым стремиться к миру в государстве, чем лучше будет их положение здесь в сравнении с тем, каким оно по большей части является в других

местах; и все отдельные и друг с другом несогласные церкви станут, как бдительные стражи общественного спокойствия, внимательнее следить за обычаями друг друга, не допуская никаких мятежных помыслов, никаких изменений в форме правления, ибо они и желать ничего лучшего не могут, чем то, что они уже имеют, – равные права со всеми остальными гражданами, обеспечиваемые справедливой и знающей меру властью. А то, что главнейшей опорой для гражданской власти служит церковь, к которой принадлежит сам государь, происходит, как я уже показал, по той единственной причине, что ей благоволят правитель и благоприятствуют законы. Насколько же спокойнее станет государству, когда увеличится число его помощников, когда не станет никакой дискриминации граждан по религиозным причинам, когда все добрые граждане, к какой бы церкви они ни принадлежали, будут пользоваться равной благосклонностью государя и равным справедливым покровительством законов, чья суровость будет страшна одним лишь преступникам и тем, кто злоумышляет против мира в государстве!

И наконец: мы требуем прав, предоставленных всем остальным гражданам. Разрешается чтить бога по римскому обряду? Пусть будет разрешено и по женеvскому. Разрешается говорить по-латыни в суде? Пусть будет разрешено, кому это хочется, и в храме. Ведь в собственном доме можно преклонять колени, стоять, сидеть, как угодно двигаться, одеваться в белые или черные, длинные или короткие одежды? Так пусть и в церкви не будет недозволенным вкушать хлеб, пить вино, омываться водой; и вообще все, что в повседневной жизни по закону можно делать свободно, должно оставаться свободным и в религиозном культе для любой церкви. Пусть ничья жизнь и ничье тело не терпят от этого ни малейшего ущерба, ничей дом и ничье имущество не гибнут. <...>

...Может быть, нелишне добавить здесь несколько слов о ереси и схизме. Магометанин не является и не может быть для христианина ни еретиком, ни схизматиком, и если бы кто из христианской веры перешел в исламскую, он тем самым не стал бы еретиком или схизматиком, но отступником и

неверным. Это бесспорно. Отсюда очевидно, что люди, исповедующие другую религию, не могут быть ни еретиками, ни схизматиками.

Таким образом, необходимо разобраться в том, что значит исповедовать одну и ту же религию. Очевидно, что к одной и той же религии принадлежат те, у кого одинаковы законы веры и культа; те же, у кого нет общего закона веры и культа, принадлежат к разным религиям. Поскольку все, что относится к этой религии, содержится в этом законе, то те, кто сходится на этом законе, естественно, сходятся и на одной религии, и наоборот. Так, турки и христиане принадлежат к разным религиям, потому что одни признают за закон своей религии Священное писание, а другие – Коран. Точно на таком же основании различные религии могут называться христианскими; католики и лютеране, хотя и те, и другие вполне христиане, поскольку исповедуют веру во имя Христово, тем не менее не принадлежат к одной религии, потому что последние признают за закон и основание своей религии только Священное писание, первые же к Священному писанию присоединяют и традицию, и папские декреты и все это рассматривают как закон своей религии. Так называемые христиане св. Иоанна и женеvские христиане принадлежат к разным религиям, хотя и те, и другие называют себя христианами, потому что последние в качестве закона своей религии признают Священное писание, а первые – еще и некоторые традиции. Из вышесказанного следует:

(1) что ересь есть разделение церковного сообщества [communio], которое произошло среди людей одной и той же религии из-за догматов, не входящих в сам закон этой религии;

(2) что у тех, кто признает в качестве закона веры только Священное писание, ересь есть разделение, происшедшее в христианском сообществе из-за догматов, не выраженных в ясных словах Священного писания <...>

...Я знаю, существуют некоторые положения, столь очевидно согласные со Священным писанием, что никто не мог бы сомневаться в их происхождении из него, и из-за них, следовательно, не может произойти никаких разногласий. Но ты не должен навязывать другому как обязательный символ веры

то, что тебе представляется логично следующим из Священного писания только из-за твоей убежденности в согласии этого с законом веры. В таком случае ты сам должен бы признать справедливым, что и тебе с тем же правом будут навязывать чужие мнения, и ты будешь вынужден принимать и исповедовать различные и противоречащие друг другу догматы лютеран, кальвинистов, ремонтрантов, анабаптистов и других сект, навязываемые обычно сочинителями разных символов, систем и исповедей своим последователям и изображаемые ими как обязательные и истинные выводы из Священного писания. Я не могу не удивляться наглости тех несчастных, которые полагают, что они могут яснее и понятнее сказать о необходимом для спасения души, чем это мог бы сделать в своей вечной и бесконечной мудрости дух святой. <...>

...Скажу одним словом: тот, кто не отрицает ничего из того, что в ясных словах провозглашает божественный глагол, кто не творит раскола из-за чего-то, что не содержится ясно в священном тексте, не может быть ни еретиком, ни схизматиком, хотя бы и осуждали его любые христианские секты и объявляли бы его или все, или некоторые из них отступником от истинной христианской религии.

Все это можно было изложить и лучше и подробнее, но для тебя при твоей пронизательности достаточно и намека.

Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль. 1988. С. 91-110; 119-124; 127-128; 131-136.

Полнотекстовая версия

<https://djvu.online/file/kgjWOuEUhXuKG>

Список вопросов для самоконтроля

1. На чем Локк основывает критику религиозного принуждения?
2. Как определяются функции светской власти? Какова её роль в «спасении души»?
3. Что вкладывается Локком в понятие «неуважение божества»?
4. Каким образом, по Локку, должно осуществляться «наставление в истинной вере»? Как он определяет роль государственного закона в этом деле?
5. Как Локк оценивает принцип «чья власть, того и вера»?
6. Как в тексте определяется «церковь»? Каковы критерии «истинной церкви»? Что пишет Локк о принципах церковной организации?
7. Что пишет Локк о допустимых мерах воздействия в рамках церковной общины? Каково «высшее и крайнее проявление насилия», допустимое в рамках церкви?
8. Чем, по Локку, должен грозить «отлучённому» факт отлучения от церкви? Как должен решаться вопрос о его гражданских правах?
9. Каким образом Локк решает вопрос «о взаимной терпимости частных лиц»?
10. Какими Локку представляются оптимальные отношения церкви и государства?
11. Как должны строиться отношения между «различными церквами»?
15. Как оцениваются прерогативы «ортодоксального» учения?
17. Как определяются границы церковной власти? Что Локк имеет в виду, когда пишет, что «у церкви нет никаких прав по отношению к земным вещам»?
18. Кого Локк подразумевает под «сокрушителями заблуждений»? На чем основана их критика?
19. Как Локк оценивает «гражданскую» составляющую религии (религиозность как внешнее, публичное отправление культа)?
20. Какими аргументами Локк подтверждает идею о невмешательстве правителя в дела «спасения» своих подданных?
21. Какие конфессии Локк включает в границы веротерпимости, а какие нет? Какова его аргументация?

РАЗДЕЛ 7. Идеи веротерпимости и свободы совести в философской мысли эпохи Просвещения

Данный раздел посвящён типичным для французской просветительской мысли концептам гражданственности и рационализма, но в религиозно-политическом контексте. Известно, что многие идеи французских просветителей не только подготовили революцию 1789 г. во Франции, но и стали своего рода «руководством» для революционных преобразований. Так, нижеприведенные идеи переустройства церкви, действительно, будут положены в основу религиозной политики якобинцев. Специфика просветительских идей во Франции заключается в их ярковыраженной антиклерикальной направленности. В значительной степени причины этого кроются в той тесной связи «алтаря и трона», которая сложилась в период становления и укрепления абсолютизма. В той или иной мере критика позиций католической церкви и отношений церкви и государства присутствует в произведениях практически всех французских просветителей, однако приведённый ниже источник можно назвать наиболее последовательным и наиболее радикальным решением «религиозного вопроса».

ЖАН-ЖАК РУССО «ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВА»

Пояснения к тексту

Ниже приводится полный текст восьмой главы четвертой книги трактата «Об общественном договоре» (1762 г.) франко-женевского мыслителя, «еретика-просветителя» Ж.-Ж. Руссо (1712-1778 гг.) В целом, труд представляет собой теорию более совершенного общественного устройства – в противовес абсолютизму, находящемуся на момент создания трактата в глубоком и системном кризисе.

Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо проанализировать текст источника, самостоятельно выделить в нем ключевые понятия и проблемы для обсуждения на практическом занятии. Опубликованная

ниже глава предлагает, по сути, проект переустройства церкви, который, с одной стороны, построен на принципах, весьма типичных для эпохи Просвещения, а с другой, является беспрецедентным в своем радикальном отрицании конфессиональных основ жизни общества.

Фрагмент текста

У людей сначала не было ни иных царей, кроме богов, ни иного Правления, кроме теократического. Они рассуждали как Калигула, и рассуждали тогда правильно. Требуется длительное извращение чувств и мыслей, чтобы люди могли решиться принять за господина себе подобного и льстить себя надеждою, что от этого им будет хорошо.

Из одного того, что во главе каждого политического общества ставили бога, следовало, что было столько же богов, сколько народов. Два народа, друг другу чуждых и почти всегда враждебных, не могли долго признавать одного итого же господина; две армии, вступая в битву друг с другом, не могли бы повиноваться одному и тому же предводителю. Так из национального размежевания возникало многобожие, и отсюда теологическая и гражданская нетерпимость, что, естественно, одно и то же, как это будет показано ниже.

Если греки воображали, что находят своих богов у варварских народов, так это потому, что они, точно так же, воображали себя природными суверенами этих народов. Но в наши дни весьма смехотворной выглядит такая ученость, которая доказывает тождественность богов различных народов; как будто Молох, Сатурн и Кронос могли быть одним и тем же богом; как будто Ваал финикийян, Зевс греков и Юпитер латинян могли быть одним и тем же; как будто могло остаться что-либо общее у фантастических существ, носивших различные имена!

Если же спросят, почему во времена язычества, когда у каждого Государства была своя вера и свои боги, не было никаких религиозных войн, то я отвечу, что так было именно потому, что каждое Государство, имея свою веру, равно как и свое Правление, не отличало собственных богов от собственных

законов. Политическая война была также религиозной; области каждого из богов были, так сказать, определены границами наций. Бог одного народа не имел никаких прав на другие народы. Боги язычников вовсе не были богами завистливыми; они разделили между собою власть над миром. Даже Моисей и народ древнееврейский иногда склонялись к этой мысли, говоря о боге Израиля. Они считали, правда, за ничто богов хананеян, народов проклятых, обреченных на уничтожение, место которых они призваны были занять. Но посмотрите, как говорили они о божествах соседних народов, нападать на которых им было запрещено: Разве владение тем, что принадлежит Хамосу, вашему богу? – говорил Иефай аммонитянам, – не положено вам по закону? Мы по тому же праву обладаем землями, которые наш Бог-победитель приобрел для себя. Это означало, как мне кажется, полное признание равенства между правами Хамоса и правами бога Израиля.

Но когда евреи, подчиненные царям вавилонским, а впоследствии царям сирийским, захотели упорствовать в непризнании какого-либо иного бога, кроме своего, то этот отказ уже рассматривался как бунт против, победителя и навлек на евреев те преследования, о которых можно прочесть в их истории и которым примера мы не видим нигде до возникновения христианства.

Всякая религия была, следовательно, неразрывно связана с законами того Государства, которое ее предписывало, а раз так, то не было иного способа обратить народ в свою веру, как поработить его, ни иных миссионеров, кроме как завоеватели; а так как обязательство изменить веру было законом для побежденных, то нужно было победить, а затем уже говорить об этом. Во все не люди сражались за богов, но, как у Гомера, боги сражались за людей; каждый просил победы у своего бога и платил за нее новыми алтарями. Римляне, прежде чем брать какой-нибудь город, приказывали местным богам его покинуть; и если они оставили тарентинцам их разгневанных богов, то лишь потому, что считали тогда этих богов подчиненными своим и принужденными воздавать им почести. Они оставляли побежденным их богов подобно тому,

как оставляли им их законы. Венец Юпитеру Капитолийскому был часто единственной данью, которую они налагали.

Наконец, поскольку римляне вместе со своею властью распространяли и свою веру, и своих богов и так как они часто сами принимали богов побежденных народов в число своих собственных, предоставляя и тем и другим право гражданства, то у народа этой обширной империи незаметно оказалась масса богов и верований, почти одинаковых повсюду; и вот каким образом язычество стало в известном тогда мире единственной и единой религией.

При этих-то обстоятельствах Иисус и пришел установить на земле царство духа; а это, отделяя систему теологическую от системы политической, привело к тому, что Государство перестало быть единым, и вызвало междоусобные распри, которые с тех пор уже никогда не переставали волновать христианские народы. А так как эта новая идея царства не от мира сего никак не могла уместиться в головах язычников, то они всегда смотрели на христиан, как на настоящих мятежников, которые, под личиною покорности, искали лишь удобного момента, чтобы сделаться независимыми повелителями, и ловко захватить власть, которой они, пока были слабы, выказывали лишь притворное уважение. Такова была причина гонений.

То, чего боялись язычники, свершилось. Тогда все изменило свой облик; смиренные христиане заговорили иным языком, и вскоре стало видно, как это так называемое царство не от мира сего обернулось, при видимом земном правителе, самым жестоким деспотизмом в этом мире.

Однако, поскольку постоянно существовали также и государь, и гражданские законы, то, в результате такого двоевластия, возник вечный спор относительно разграничения власти, что и сделало совершенно невозможным в христианских государствах какое-либо хорошее внутреннее управление, и никогда нельзя было понять до конца, кому – светскому господину или священнику положено повиноваться.

Все же многие народы, и даже в Европе или в ее соседстве, захотели сохранить или восстановить прежнюю систему, но не имели успеха. Дух христианства заполнил все. Религия так и осталась или вновь сделалась независимой от суверена и утратила необходимую связь с организмом Государства. У Магомета были весьма здравые взгляды; он хорошо связал воедино всю свою политическую систему, и пока форма его Правления продолжала существовать при халифах, его преемниках. Правление это было едино и тем именно хорошо. Но арабы, сделавшись народом процветающим, образованным, воспитанным, изнеженным и трусливым, были покорены варварами: тогда снова началось размежевание между обеими властями. Хотя оно и менее явственно у магометан, чем у христиан, но оно все же есть у первых, в особенности, в секте Али; и есть государства, как Персия, где оно дает себя чувствовать и поныне.

У нас в Европе короли Англии нарекли себя главами Церкви; так же поступили и русские цари. Но, с помощью этого титула, они сделались не столько господами Церкви, сколько ее служителями; они приобрели не столько право ее изменять, как власть ее поддерживать; они в ней не законодатели, они в ней лишь государи. Везде, где духовенство составляет корпорацию, оно – повелитель и законодатель в своей области. Существует, следовательно, две власти, два суверена и в Англии, и в России так же, как и в других местах.

Из всех христианских авторов философ Гоббс – единственный, кто хорошо видел и зло, и средство его устранения, кто осмелился предложить соединить обе главы орла и привести все к политическому единству, без которого ни Государство, ни Правление никогда не будут иметь хорошего устройства. Но он должен был видеть, что властолюбивый дух христианства несовместим с его системой и что интересы священника будут всегда сильнее, чем интересы Государства. Не столько то, что есть ужасного и ложного в политических воззрениях Гоббса, как то, что в них есть справедливого и истинного, и сделало их ненавистными.

Я полагаю, что, рассматривая под этим углом зрения исторические факты, легко можно было бы опровергнуть противоположные взгляды Бейля

и Уорбертона, из которых один утверждает, что никакая религия не полезна для политического организма, а другой уверяет, напротив, что христианство – это самая твердая его опора. Можно было бы доказать первому, что не было создано ни одно Государство без того, чтобы религия не служила ему основой; а второму – что христианский закон в сущности более вреден, чем полезен, для прочного государственного устройства. Чтобы меня поняли до конца, я должен лишь придать немного более точности тем слишком неопределенным религиозным идеям, которые имеют отношение к моей теме.

Религия по ее отношению к обществу, которое может пониматься в широком значении, или в более узком, разделяется на два вида, именно: религию человека и религию гражданина. Первая – без храмов, без алтарей, без обрядов, ограниченная чисто внутреннею верою во всевышнего Бога и вечными обязанностями морали, – это чистая и простая религия Евангелия, истинный теизм и то, что можно назвать естественным божественным правом. Другая, введенная в одной только стране, дает ей своих богов, своих собственных патронов и покровителей. У нее свои догматы, свои обряды, свой внешний культ, предписываемый законами; исключая ту единственную нацию, которая ей верна, все остальное для нее есть нечто неверное, чуждое, варварское; она распространяет обязанности и права человека не далее своих алтарей. Таковы были все религии первых народов, которые можно назвать божественным правом гражданским или положительным.

Существует еще третий род религии, более необычайный и странный; эта религия, давая людям два законодательства, двух правителей, два отечества, налагает на них взаимоисключающие обязанности и мешает им быть одновременно набожными и гражданами. Такова религия Лам, такова религия японцев, таково римское христианство. Эту последнюю можно назвать религией священнической. Отсюда происходит такой род смешанного и необщественного права, которому нет точного названия.

Если рассматривать эти три рода религии с точки зрения политической, то все они имеют свои недостатки. Третий род ее столь явно плох, что забавляться, доказывая это, значило бы попусту терять время. Все, что нарушает единство общества, никуда не годится; все установления, ставящие человека в противоречие с самим собою, не стоят ничего.

Вторая хороша тем, что соединяет в себе веру в божество и любовь к законам и тем, что, делая отечество предметом почитания для граждан, она учит их, что служить Государству – это значит служить Богу-покровителю. Это – род теократии, при которой вообще не должно иметь ни иного первосвященника, кроме государя, ни иных священнослужителей, кроме магистратов. Тогда умереть за свою страну – это значит принять мученичество; нарушить законы – стать нечестивцем; а подвергнуть виновного проклятию общества – это значит обречь его гневу богов: «Sacer estod».

Остается, следовательно, религия человека, или христианство, но не нынешнее, а Евангелия, которое совершенно отлично от первого. Согласно этой религии, святой, возвышенной и истинной, люди, чада единого Бога, признают себя все братьями; а общество, которое их объединяет, не распадается даже с их смертью.

Но эта религия, не имеет никакого собственного отношения к Политическому организму, оставляет законам единственно ту силу, которую они черпают в самих себе, не прибавляя никакой другой; и от этого одна из главнейших связей отдельного общества остается неиспользованною. Более того, она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного. Я не знаю ничего более противного духу общественному.

Нам говорят, что народ из истинных христиан составил бы самое совершенное общество, какое только можно себе представить. В этом предположении я вижу только одну большую трудность: общество истинных христиан не было бы уже человеческим обществом.

Я даже утверждаю, что это предполагаемое общество не было бы, при всем его совершенстве, ни самым сильным, ни самым прочным. Вследствие

того, что оно совершенно, оно было бы лишено связи; разрушающий его порок состоял бы в самом его совершенстве.

Каждый исполнял бы свой долг: народ был бы подчинен законам; правители были бы справедливы и воздержанны, магистраты – честны, неподкупны; солдаты презирали бы смерть; не было бы ни тщеславия, ни роскоши. Все это очень хорошо, но посмотрим, что дальше.

Христианство – это религия всецело духовная, занятая исключительно делами небесными; отечество христианина не от мира сего. Он исполняет свой долг, это правда; но он делает сие с глубоким безразличием к успеху или неудаче его стараний. Лишь бы ему не за что было себя упрекать, а там – для него не важно, хорошо или дурно обстоит все здесь, на земле. Если Государство процветает, он едва решается вкусить от общественного благоденствия; он боится возгордиться славою своей страны. Если Государство приходит в упадок, он благословляет руку Божью, обрушившуюся на его народ.

Чтобы в обществе царил мир, и чтобы не нарушалась гармония, следовало бы, чтобы все граждане без исключения были равно добрыми христианами. Но если, к несчастью, найдется хоть один-единственный честолюбец, один-единственный лицемер, какой-нибудь Катилина, например, какой-нибудь Кромвель, то он, конечно же, легко справится со своими благочестивыми соотечественниками. Христианское милосердие с трудом допускает, чтобы можно было худо думать о ближнем своем. Как только такому человеку, с помощью какой-либо хитрости, удастся их обмануть и завладеть частью публичной силы, – он уже укрепился в своем положении; Богу угодно, чтобы его уважали; вскоре является и власть; Богу угодно, чтобы ей повиновались. Блюститель этой власти злоупотребляет ею? Это – розга, которою Бог наказывает своих детей. Совестно было бы изгнать узурпатора; нужно было бы нарушить покой общественный, пустить в ход насилие, пролить кровь. Все это плохо вяжется с кротостью христианина, и после всего разве не безразлично, быть ли свободным или рабом в этой юдоли скорби? Главное – попасть в рай; а покорность воле Божьей – это лишь еще одно средство к тому. Случится ли какая

внешняя война? Граждане охотно идут на бой; ни один между ними не помышляет о бегстве; они исполняют свой долг, но без страсти к победе; они скорее умеют умирать, чем побеждать. Окажутся они победителями или побежденными, какое это имеет значение? Разве Провидение не знает лучше, что им надобно? Представьте себе, какую выгоду может извлечь неприятель гордый, неистовый, страстный из их стоицизма! Поставьте лицом к лицу с ними те благородные народы, которые снедала неукротимая любовь к славе и к отечеству; предположите, что ваша Христианская Республика стоит против Спарты или Рима. Набожные христиане будут разбиты, раздавлены, уничтожены, прежде чем успеют опомниться, или будут обязаны спасением лишь тому презрению, которое будет питать к ним их враг. Прекрасна была, по-моему, клятва солдат Фабия: они клялись не умереть или победить; они поклялись вернуться победителями и сдержали клятву. Никогда не принесли бы подобную клятву христиане: они подумали бы, что этим искушают Бога.

Но я ошибаюсь, когда говорю «Христианская Республика»: каждое из этих слов исключает другое. Христианство проповедует лишь рабство и зависимость. Его дух слишком благоприятен для тирании, чтобы она постоянно этим не пользовалась. Истинные христиане созданы, чтобы быть рабами; они это знают, и это их почти не тревожит; сия краткая жизнь имеет в их глазах слишком мало цены.

Христианские войска превосходны, говорят нам. Я это отрицаю. Пусть мне покажут таковые. Что до меня, то я вообще не знаю никаких христианских войск. Мне приведут в пример Крестовые походы. Не вступая в споры о доблести крестоносцев, замечу, что это вовсе не были христиане, это были солдаты первосвященника; это были граждане церкви. Они сражались за ее духовную страну, которую она неизвестно как превратила в земную. Строго говоря, это опять сводится к язычеству. Поскольку Евангелие не устанавливает никакой национальной религии, среди христиан невозможна священная война.

При языческих императорах христианские солдаты были храбры; все христианские авторы уверяют нас в этом, и я им верю: это было соревнование

в чести с языческими войсками. Как только императоры стали христианами, это соревнование прекратилось, и когда крест изгнал орла, не стало и всей римской доблести.

Но, оставляя в стороне политические соображения, вернемся к праву и установим принципы по этому важному пункту. Право над подданными, которое получает суверен по общественному соглашению, никак не распространяется, как я сказал, далее границ пользы для всего общества*. Следовательно, подданные обязаны суверену отчетом в своих воззрениях лишь постольку, поскольку эти воззрения важны для общины. А для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют Государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует, обязан исполнять по отношению к другим. Каждый может иметь, кроме этого, какие ему угодно мнения, и суверену вовсе не положено их знать. Ибо, поскольку он не обладает никакими полномочиями в ином мире, то какова бы ни была судьба его подданных в грядущей жизни, – это не его дело, лишь бы они были хорошими гражданами в этой.

Существует, следовательно, исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правило общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным. Не будучи в состоянии обязать кого бы то ни было в них верить, он может изгнать из Государства всякого, кто в них не верит, причем не как нечестивца, а как человека, неспособного жить в обществе, как человека, неспособного искренне любить законы, справедливость и жертвовать в случае необходимости жизнью во имя долга. Если же кто-либо, признав уже публично эти догматы, ведет себя, как если бы он в них не верил, пусть он будет наказан смертью; он совершил наибольшее из преступлений: он солгал перед законами.

Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без разъяснений и комментариев. Существование Божества

могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; загробная жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость Общественного договора и законов, – вот догматы положительные. Что касается отрицательных догматов, то я ограничусь одним-единственным: это нетерпимость. Она входит в те религиозные культы, которые мы исключили.

Те, кто отличают нетерпимость гражданскую от нетерпимости теологической, по-моему, ошибаются. Оба эти вида нетерпимости не отделимы друг от друга. Невозможно жить в мире с людьми, которых считаешь проклятыми; любить их, значило бы ненавидеть Бога, который их карает; безусловно необходимо, чтобы они были обращены в нашу веру или чтобы они подверглись преследованиям. Всюду, где допущена религиозная нетерпимость, невозможно, чтобы она не имела никакого воздействия на то, что относится к гражданскому порядку. А как только нетерпимость получает возможность такого воздействия, суверен более не суверен, даже в земной жизни. С этих пор священнослужители, это настоящие повелители, а короли суть лишь их чиновники.

Теперь, когда нет уже и не может быть религии одного только народа, которая исключала бы все остальные, должно терпеть все религии, которые и сами терпимы к другим, если только их догматы ни в чем не противоречат долгу гражданина. Но кто смеет говорить: «вне Церкви нет спасения», тот должен быть изгнан из Государства, если только Государство – это не Церковь, и государь – это не Первосвященник. Такой догмат хорош лишь при теократическом Правлении; при всяком другом он пагубен. Причина, по которой, как говорят, Генрих IV перешел в католичество, должно была бы побудить отречься от этой веры всякого честного человека, и, особенно, всякого государя, умеющего рассуждать.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты. / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. С. 311-322

Список вопросов для самоконтроля

1. Какую связь Руссо усматривает между распространением христианства и «междоусобными распрями»?
2. В чём, по мнению Руссо, основное противоречие между язычеством и христианством? Почему христиане для язычников – «мятежники»?
3. По каким критериям автор сравнивает христианство и ислам и почему это сравнение в пользу ислама?
4. Что Руссо имеет в виду, говоря, что «духовенство составляет корпорацию»? Почему это не было характерно для язычества?
5. На чём основана критика Гоббса и Бейля?
6. Почему «христианский закон более вреден, чем полезен, для государственного устройства»?
7. Что Руссо называет «естественным божественным правом»?
8. Что в трактате подразумевается под «подлинной верой»?
9. Какие «3 рода религии» выделяет Руссо? Чем характеризуется каждый и по каким критериям Руссо выделяет их недостатки?
10. Прокомментируйте высказывание «все, что нарушает единство общества, никуда не годится; все установления, ставящие человека в противоречие с самим собою, не стоят ничего». Как это характеризует отношение Руссо к веротерпимости и свободе совести?
11. Как Руссо описывает судьбу общества «идеальных христиан». Как это характеризует позицию французских просветителей по отношению к католицизму?
12. В какой степени, по мнению Руссо, власть «суверена» должна распространяться на «воззрения подданных»?

13. Что Руссо вкладывает в понятие «исповедание веры чисто гражданское»? Как он видит реализацию религиозной политики в условиях «гражданской религии»?

14. Как Руссо формулирует догматы «гражданской религии»?

15. Что Руссо говорит о «теологической» и «гражданской» нетерпимости?

16. Какие исключения Руссо делает из правила «должно терпеть все религии»?

РАЗДЕЛ 8. Эволюция позиции католической церкви в отношении идей религиозного разнообразия, веротерпимости и свободы совести в XIX-XX веках

В заключительном разделе представлены два документа, демонстрирующих эволюцию позиции католической церкви по основополагающим вопросам (в том числе – вопросам веротерпимости и отношения к представителям других конфессий) в XIX-XX вв. Первый из документов относится к 60-м гг. XIX в. и демонстрирует явный консерватизм и неготовность католической церкви «примириться» с происходящими в мире изменениями, второй же – к 60-м гг. XX в. и он фиксирует часть новых положений католицизма, сформулированных в рамках широчайшей церковной реформы II Ватиканского собора.

Для обсуждения на практическом занятии студентам необходимо ознакомиться с текстами и сопоставить их, чтобы выявить трансформацию позиций католической церкви на протяжении XIX-XX вв.

SYLLABUS, ИЛИ ПЕРЕЧЕНЬ, ЗАКЛЮЧАЮЩИЙ В СЕБЕ ГЛАВНЕЙШИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, УКАЗАННЫЕ В КОНСИСТОРИАЛЬНЫХ АЛЛОКУЦИЯХ, ЭНЦИКЛИКАХ И ИНЫХ АПОСТОЛЬСКИХ ПОСЛАНИЯХ СВЯТЕЙШЕГО ГОСПОДИНА НАШЕГО ПАПЫ ПИЯ IX

Пояснения к тексту

«Syllabus» является приложением к папской энциклике «Quanta Cura», вышедшей в 1864 г. Как явствует из полного названия, в документе собраны «главнейшие заблуждения», к которым, в частности, относится мнение о необходимости приспособления папства к «прогрессу, либерализму и современной цивилизации». Текст важен тем, что, по сути, он аккумулирует весь перечень вопросов, вызывающих критику со стороны папства на момент 1860-х гг.

Текст источника приводится с незначительными сокращениями, в целом, не влияющими на его смысловое наполнение.

Фрагменты текста

§ 1. Пантеизм, натурализм и абсолютный рационализм

1. Не существует никакого высшего, мудрейшего и провиденциальнейшего Божественного Существа, отличного от совокупности сих вещей, и Бог является одним и тем же с природой вещей, и потому подвластен изменениям, и Бог действительно существует в человеке и в мире, а также все является Богом и имеет собственнейшую субстанцию Бога; одной и той же вещью является Бог с миром и, соответственно, дух с материей, необходимость со свободой, истина с ложью, добро со злом и справедливость с несправедливостью. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

2. Должно отрицать всякое действие Бога в отношении людей и мира. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

3. Человеческий разум, совершенно независимо от Бога, является единственным судьей истины и лжи, добра и зла, он является законом для самого себя, и его естественных сил достаточно для попечения о благе людей и народов. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

4. Все религиозные истины проистекают из прирожденных способностей человеческого разума; сей разум является главным правилом, на основании которого человек может и должен достигнуть познания всех различного рода истин. Энциклика «*Quipluribus*», 9 ноября 1846 г.; Энциклика «*Singulari quidem*», 17 марта 1856 г.; Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

5. Божественное Откровение является несовершенным и, следовательно, подлежащим постоянному и неопределенному развитию, которое соответствует развитию человеческого разума. Энциклика «*Quipluribus*», 9 ноября 1846 г.; Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

6. Вера Христова находится в противодействии с человеческим разумом, и Божественное Откровение не только не приносит никакой пользы, но даже препятствует совершенству человека. Энциклика «*Quipluribus*», 9 ноября 1846 г.: Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

7. Пророчества и чудеса, показанные и рассказанные в Священных Писаниях, являются поэтическими вымыслами, а тайны христианской веры – суммой философских изысканий; и в книгах обоих Заветов содержатся мифические измышления; и Сам Иисус Христос является мифической выдумкой. Энциклика «*Quipluribus*», 9 ноября 1846 г.; Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

§ 2. Умеренный рационализм

8. Так как человеческий разум приравнивается к самой религии, следовательно, богословские науки рассматриваются точно так же, как философские. Аллокуция «*Singulari quadam perfusi*», 9 декабря 1854 г.

9. Все без исключения догматы христианской религии являются предметом естественного знания или философии; и человеческий разум, исторически только образованный, может, исходя из своих естественных сил и принципов, прийти к истинному знанию обо всех, даже наиболее сокровенных, догматах, если только сии догматы были бы предложены самому разуму как предмет. Послание «*Gravissimas*» Архиепископу Фрейзингскому, 11 декабря 1862 г.; Послание «*Tuas libenter*» ему же, 21 декабря 1863 г.

10. Так как одним является философ, а другим философия, то первый имеет право и обязанность подчиняться авторитету, который сам признал истинным; но философия и не может, и не должна подчиняться какому-либо авторитету. Послание «*Gravissimas*» Архиепископу Фрейзингскому, 11 декабря 1862 г.; Послание «*Tuas libenter*» ему же 21 декабря 1863 г.

11. Церковь не только не должна когда-либо порицать философию, но даже должна терпеть заблуждения философии и предоставлять ей самой себя исправить. Послание «*Gravissimas*» Архиепископу Фрейзингскому, 11 декабря 1862 г.

12. Декреты Апостольского Престола и Римских Конгрегации препятствуют свободному развитию науки. Послание «Tuas libenter» Архиепископу Фрейзингскому, 21 декабря 1863 г.

13. Методы и принципы, которыми древние Учителя схоластики разрабатывали Богословие, никак не соответствуют нуждам нашего времени и развитию науки. Послание «Tuas libenter» Архиепископу Фрейзингскому, 21 декабря 1863 г.

14. Философия рассматривается без принятия во внимание сверхъестественного Откровения. Послание «Tuas libenter» Архиепископу Фрейзингскому, 21 декабря 1863 г.

NB. Системе рационализма соответствуют по большей части заблуждения Антона Понтера, которые осуждены в Послании Кардиналу Архиепископу Кельнскому «Eximiam tuam» от 15 июня 1857 г. и в Послании Епископу Бреслау «Dolore haud mediocri» от 30 апреля 1860 г.

§ 3. Индифферентизм, латитудинаризм

15. Каждый человек свободен избирать и исповедовать ту религию, которую он при помощи света разума полагает истинной. Апостольское Послание «Multiplices inter», 10 июня 1851 г.; Аллокуция «Maxima quidem», 9 июня 1862 г.

16. Люди в культе какой бы то ни было религии могут найти путь вечного спасения и сподобиться оного. Энциклика «Quipluribus», 9 ноября 1846 г.; Аллокуция «Ubiprimum», 17 декабря 1847 г.; Энциклика «Singulari quidem», 17 марта 1856 г.

17. По крайней мере можно надеяться на вечное спасение всех тех, кто никоим образом не пребывает в истинной Церкви Христовой. Аллокуция «Singulari quadam», 9 декабря 1854 г.; Энциклика «Quanta conjiciamur moerore», 17 августа 1863 г.

18. Протестантизм является ничем иным, как другой формой той же истинной христианской религии, в которой, так же, как и в католической Церкви, можно угодить Богу. Энциклика «Nostis et Nobiscum», 8 декабря 1849 г.

§ 4. Социализм, коммунизм, тайные общества, библейские общества, клерикально-либеральные общества

Язвы этого рода часто и сурово осуждаются в Энциклике «Qui pluribus» от 9 ноября 1846 г., в Аллокуции «Quibus quantisque» от 20 апреля 1849 г., в

Энциклике «Nostis et Nobiscum» от 8 декабря 1849 г., в Аллокуции «Singulari quadam» от 9 декабря 1854 г., в Энциклике «Quanto conficiamur moerore» от 10 августа 1863 г.

§ 5. Заблуждения, касающиеся церкви и ее прав

19. Церковь не является истинным и совершенным обществом, вполне свободным; она не пользуется своими собственными и неизменными правами, дарованными ей Божественным ее Основателем; но светской власти подлежит определять, каковыми являются права Церкви, а также границы, в которых эти права могут осуществляться. Аллокуция «Singulari quadam», 9 декабря 1854 г.; Аллокуция «Multis gravibusque», 17 декабря 1860 г.; Аллокуция «Maxima quidem», 9 июня 1862 г.

20. Церковная власть не должна осуществлять свои полномочия без разрешения и одобрения светского правительства. Аллокуция «Meminit unusquisque», 30 сентября 1861 г.

21. Церковь не имеет власти догматически определять, что вера католической Церкви является единственной истинной религией. Апостольское послание «Multiplices inter», 10 июня 1851 г.

22. Обязанность, которой полностью связываются католические ученые и писатели, ограничивается только тем, что безошибочным судом Церкви объявляется как догмат веры для всеобщего верования. Послание Архиепископу Фрейзингскому «Tuas libenter», 21 декабря 1863 г.

23. Римские Первосвященники и Вселенские Соборы превысили пределы своей власти, узурпировали права государей, а также заблуждались в определении вещей, относящихся к вере и нравственности. Апостольское Послание «Multiplices inter», 10 июня 1851 г.

24. Церковь не имеет власти применять силу и не имеет никакой мирской власти, прямой или косвенной. Апостольское Послание «Ad apostolicas», 22 августа 1851 г.

25. Кроме присущей епископату власти, есть еще мирская власть, дарованная [ему] светским государством явно или молчаливо, которая, когда

угодна может быть отъята. Апостольское Послание «Ad apostolicae», 22 августа 1851 г.

26. Церковь не имеет прирожденного и законного права приобретения и владения. Аллокуция «Nunquamfore», 15 декабря 1856 г.; Энциклика «Incredibili», 17 сентября 1863 г.

27. Церковные священнослужители и Римский Первосвященник являются полностью отстраненными от попечения и господства над всеми мирскими вещами. Аллокуция «Maxima quidem», 9 июня 1862 г.

28. Епископам, без разрешения правительства, не позволено обнародовать даже сами Апостольские Послания. Аллокуция «Nunquamfore», 15 декабря 1856 г.

29. Милости, предоставленные Римским Первосвященником, должны рассматриваться как недействительные, если не были получены через посредство правительства. Аллокуция «Nunquamfore», 15 декабря 1856 г.

30. Иммунитет Церкви и церковных лиц имел происхождение от светского права. Апостольское Послание «Multiplies inter», 10 июня 1851 г.

31. Церковная судебная юрисдикция для процессов клириков по мирским делам, как гражданских, так и уголовных, является полностью отмененной, даже без совета с Апостольским Престолом и учета его возражений. Аллокуция «Acerbissimum», 27 сентября 1852 г.; Атокуция «Nunquamfore», 15 декабря 1856 г.

32. Без всякого нарушения естественного права и справедливости может быть уничтожен личный иммунитет, которым клирики освобождаются от бремени вступления на военную службу и несения ее; этого уничтожения воистину требует гражданское развитие, особенно в обществе, основанном на либеральных узаконениях. Послание «Singularis Nobisque» Епископу Монреальскому, 29 сентября 1864 г.

33. Не принадлежит единственно к присущему и прирожденному праву власти церковной юрисдикции руководство обучением богословским предметам. Послание «Tuas libenter» Архиепископу Фрейзингскому, 21 декабря 1863 г.

34. Учение, сравнивающее Римского Первосвященника с независимым государем и властителем во всемирной Церкви, является учением, преобладавшим в средние века. Апостольское Послание «Ad apostolicae», 22 августа 1851 г.

35. Ничто не препятствует тому, чтобы решением какого-либо всеобщего Собора или действием всего народа достоинство Верховного Первосвященника от Римского Епископа и из города Рима было передано другому Епископу и в другой город. Апостольское послание «Ad apostolicae», 22 августа 1851 г.

36. Определение национального собора никакого иного не дотекает обсуждения, и светская администрация может сообразовываться с этими пределами. Апостольское Послание «Ad apostolicae», 22 августа 1851 г.

37. Могут быть учреждаемы национальные Церкви, изъятые из-под власти Римского Первосвященника и полностью отделенные от него. Аллокуция «Multis gravibusque», 17 декабря 1860 г.; Аллокуция «Jam dudum cernimus», 18 марта 1861 г.

38. Разделению Церкви на Восточную и Западную способствовали непомерные претензии Римских Первосвященников. Апостольское Послание «Ad apostolicae», 22 августа 1851 г.

§ 6. Заблуждения о гражданском обществе, рассматриваемом либо само по себе, либо в его отношениях с церковью

39. Государство, как начало и источник всякого права, пользуется правом, которое не ограничено никакими пределами. Аллокуция «Maxima quidem», 9 июня 1862 г.

40. Учение Католической Церкви является противостоящим благу и пользе человеческого общества. Энциклика «Qui pluribus», 9 ноября 1846 г.; Аллокуция «Quibus quantisque», 20 апреля 1849 г.

41. Светской власти, даже осуществляемой неверным властителем, принадлежит косвенная негативная власть в отношении сакральных вещей; ей же, соответственно, принадлежит не только право, называемое *equeatur*, но также право апелляции, именуемой *ab abusu*. Апостольское Послание «Ad apostolicae», 22 августа 1851 г.

42. В случае конфликта законов между двумя властями светское право имеет преимущество. Апостольское Послание «Ad apostolicae», 22 августа 1851 г.

43. Светская власть имеет право разрывать и объявлять недействительными торжественные соглашения (обычно называемые конкордатами), заключенные с Апостольским Престолом касательно пользования правами, относящимися к церковному иммунитету, без его согласия и несмотря на его протесты. Аллокуция «In consistoriali», 1 ноября 1850 г.; Аллокуция «Multis gravibusque», 17 декабря 1860 г.

44. Светская власть может вмешиваться в вещи, относящиеся к религии, нравственности и духовному руководству. Поэтому она может иметь суждение о наставлениях, которые пастыри Церкви издают согласно своему долгу, как правило, для совести; и даже она может принимать решение о преподании Божественных Таинств и о расположениях, необходимых для их принятия. Аллокуция «In consistoriali», 1 ноября 1850 г.; Аллокуция «Maxima quidem», 9 июня 1862 г.

45. Все управление общественных школ, в коих обучается молодежь какого-либо христианского Государства, исключая только некоторым образом епископские семинарии, может и должно быть предоставлено светской власти, и при этом так, что никакой иной какой-либо власти не признается право вмешиваться в дисциплину школ, в руководство занятиями, в присвоение степеней, в выбор либо утверждение преподавателей. Аллокуция «In consistoriali», 1 ноября 1850 г.; Аллокуция «Qitibus luctuosissimus», 5 сентября 1851 г.

46. Даже в самих духовных семинариях метод, употребляемый в научных занятиях, подчиняется светской власти. Аллокуция «Nunquamfore», 15 декабря 1856 г. <...>

49. Светская власть может препятствовать свободному и взаимному общению священнослужителей и верующего народа с Римским Первосвященником. Аллокуция «Maxima quidem», 9 июня 1862 г.

50. Светская власть сама по себе имеет право представлять Епископов к должности и может от них требовать, чтобы они вступали в управление епархиями до получения канонического назначения от Святого Престола и апостольского послания. Аллокуция «Nunquamfore», 15 декабря 1856 г.

51. Светская власть имеет даже право отстранять Епископов от пастырского служения и не обязана повиноваться Римскому Первосвященнику в том, что касается учреждения епархий и поставления Епископов. Апостольское Послание «Multiplices inter», 10 июня 1851 г.; Аллокуция «Acerbissimum», 27 сентября 1852 г.

52. Правительство может, по принадлежащему ему праву, изменять возраст, предписанный Церковью для принесения монашеских обетов как женщинами, так и мужчинами, и приказывать монашеским общинам не допускать никого к принесению торжественных обетов без его разрешения. Аллокуция «Nunquamfore», 15 декабря 1856 г.

53. Должно упразднить законы, покровительствующие существованию монашеских общин, их правам и функциям; более того, гражданская власть может оказывать помощь всем тем, кто хотел бы покинуть монашеское сословие, к которому они присоединились, и нарушить свои торжественные обеты; также она может полностью упразднить сии самые монашеские общины, равно как коллегиятские церкви, простые бенефиции, даже объятые правом патроната, присваивать и подчинять их имущества и доходы своему управлению и распоряжению. Аллокуция «Acerbissimum», 27 сентября 1852 г.; Аллокуция «Probe meminertis», 22 января 1855 г.; Аллокуция «Cum saepe», 26 июля 1855 г.

54. Цари и князья являются не только изъятыми из юрисдикции Церкви, но даже стоящими выше Церкви, когда речь идет о разрешении вопросов юрисдикции. Апостольское Послание «Multiplices inter», 10 июня 1851 г.

55. Церковь должна быть отделена от Государства, а Государство от Церкви. Аллокуция «Acerbissimum», 27 сентября 1852 г.

§ 7. Заблуждения, касающиеся естественной и христианской нравственности

56. Нравственные законы не имеют нужды в Божественной санкции и совершенно не являются необходимым, чтобы человеческие законы соответствовали естественному праву или получали от Бога обязывающую власть. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

57. Наука о философии и нравственности, равно как и гражданские законы, могут и должны быть изъяты из-под власти Божественной и Церковной. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

58. Не должно признавать иных сил, кроме заключающихся в материи, и вся нравственность и честность должны состоять в накоплении и увеличении любым способом своих богатств и в обеспечении своих наслаждений. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.; Энциклика «*Quanta conficiamur tuoerore*», 10 августа 1863 г.

59. Право состоит из материальных действий; все людские обязанности суть пустые названия, и все человеческие поступки имеют силу права. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

60. Власть является ничем иным, как совокупностью чисел и материальных сил. Аллокуция «*Maxima quidem*», 9 июня 1862 г.

61. Несправедливость, увенчанная на деле успехом, не несет никакого посягательства на святость права. Аллокуция «*Jamdudum cernimus*», 18 марта 1861 г.

62. Должно провозгласить и соблюдать принцип, называемый невмешательством. Аллокуция «*Novos et ante*», 28 сентября 1860 г.

63. Дозволено отказывать в послушании законным государям и даже восставать против них. Энциклика «*Qui pluribus*», 9 ноября 1846 г.; Аллокуция «*Quisque vestrum*», 4 октября 1847 г.; Энциклика «*Nostis et Nobiscum*», 8 декабря 1849 г.; Апостольское Послание «*Cum catholica Ecclesia*», 26 марта 1860 г.

64. Нарушение присяги, сколь бы святой она ни была, и всякое преступное и постыдное действие, противостоящее вечному закону, не только не

должно быть порицаемым, но оно является совершенно законным и достойным самых больших похвал, когда вдохновлено любовью к Родине. Аллокуция «*Quibus quantisque*», 20 апреля 1849 г.

§ 8. Заблуждения, касающиеся христианского брака

65. Нельзя установить никаким доводом, что Христос возвел брак в достоинство Таинства. Апостольское Послание «*Ad apostolicae*», 22 августа 1851 г.

66. Таинство брака является лишь дополнением брачного контракта, которое может быть от него отделено, и само Таинство состоит в одном только свадебном благословении. Апостольское Послание «*Ad apostolicae*», 22 августа 1851 г.

67. Согласно естественному праву, узы брака не являются нерасторжимыми, и в различных случаях развод, в точном смысле слова, может быть санкционирован гражданской властью. Апостольское Послание «*Ad apostolicae*», 22 августа 1851 г.; Аллокуция «*Acerbissimum*», 27 сентября 1852 г. <...>

74. Дела о браке и обручении, по присущей им природе, принадлежат к гражданской юрисдикции. Апостольское Послание «*Ad apostolicae*», 22 августа 1851 г.; Аллокуция «*Acerbissimum*», 27 сентября 1852 г.

NB. Здесь могут быть помещены два других заблуждения: уничтожение церковного celibата и предпочтение, отдаваемое состоянию брака над состоянием девства. Они осуждены, первое в Энциклике «*Qui pluribus*» от 9 ноября 1846 г., второе в Апостольском Послании «*Multiplices inter*» от 10 июня 1851 г.

§ 9. Заблуждения, касающиеся светской власти римского первосвященника

75. Чада христианской и католической Церкви спорят между собой о совместимости земного царства с духовной властью. Апостольское Послание «*Ad apostolicae*», 22 августа 1851 г.

76. Упразднение светского суверенитета, которым пользуется Апостольский Престол, будет еще больше служить свободе и благу Церкви. Апостольское Послание «*Quibus quantisque*», 20 апреля 1849 г.

NB. Помимо сих недвусмысленно обозначенных заблуждений, некоторые иные заблуждения осуждены по смыслу определенно представленным и

изложенным учением, каковое все католики должны твердо исповедовать касательно светской власти Римского Первосвященника. Сие учение ясно преподается в Аллокуции «*Quibus quantisque*» от 20 апреля 1849 г., в Аллокуции «*Si semper antea*» от 20 мая 1850 г., в Апостольском Послании «*Cum catholica Ecclesia*» от 26 марта 1860 г., в Аллокуции «*Novos et ante*» от 28 сентября 1860г, в Аллокуции «*Jamdudum cernimus*» от 18 марта 1861г, в Аллокуции «*Maxima quidem*» от 9 июня 1862 г.

§ 10. Заблуждения, относящиеся к современному либерализму

77. В наше время более не является полезным рассматривать католическую религию как единственную государственную религию, исключая все иные культы. Аллокуция «*Nemo vestrum*», 26 июля 1852 г.

78. Также является похвальным, чтобы в каких-либо католических странах закон предоставил людям, туда вселяющимся, иметь публичное отправление их собственного культа. Аллокуция «*Acerbissimum*», 27 сентября 1852 г.

79. Является, в самом деле, ложным то, что гражданская свобода всякого культа и равно предоставленная всем полная возможность открыто и публично проявлять всяческие мнения и мысли, сделает для народов более легким разложение нравов и душ и распространит язву индифферентизма. Аллокуция «*Nunquamfore*», 15 декабря 1856 г.

80. Римский Первосвященник может и должен примириться, и вступить в соглашение с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией. Аллокуция «*Jamdudum semimus*», 18 марта 1861 г.

Syllabus, или Перечень, заключающий в себе главнейшие заблуждения нашего времени, указанные в консисториальных аллокуциях, энцикликах и иных апостольских посланиях Святейшего Господина нашего Папы Пия IX [Электронный ресурс]. URL: <https://fsspx-fsipd.lv/ru/doctrinaecc-lesiae/de-haeresii/19-pius-ix-syllabus> (дата обращения: 25.10.2024).

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ К НЕХРИСТИАНСКИМ РЕЛИГИЯМ «NOSTRA AETATE»

Пояснения к тексту

«Декларация» была выработана в 1965 г. среди массы прочих постановлений, обсуждавшихся и принятых в рамках II Ватиканского собора. Собор ознаменовал собой широчайшую церковную реформу, предпринятую по инициативе Ватикана и ставившую своей целью «обновление» церковной жизни, в соответствии с требованиями времени. К 1960-м гг. прогресс, затронувший все сферы жизни общества, стал настолько очевиден, что даже католическая церковь, характеризовавшаяся крайним консерватизмом на протяжении предшествующих столетий, решается на глубинные преобразования, в частности – в отношении проблемы собственной исключительности. Данный документ отражает именно эту сторону реформы.

Фрагменты текста

1. В наш век, когда род человеческий с каждым днем все теснее объединяется, когда умножаются связи между различными народами, Церковь углубленнее размышляет над тем, каково должно быть ее отношение к нехристианским религиям. В своей обязанности развивать единство и любовь между людьми и даже между народами она прежде всего обращает внимание на то, что объединяет людей и что ведет их к совместному общению. Ведь все народы составляют одно сообщество; они одного происхождения, так как Бог

расселил весь человеческий род по всему лицу земли, у них также одна конечная цель – Бог, Чье провидение, свидетельство благости и спасительные замыслы распространяются на всех, пока избранные не объединятся во Святом Граде, который озарит слава Божия и где народы будут ходить в Его свете. Люди ожидают от различных религий ответа на сокровенные загадки человеческого бытия, которые ныне, как и встарь, глубоко тревожат сердца людей: что такое человек, каковы смысл и цель нашей жизни, что добро и что грех, откуда возникает страдание и зачем оно, где путь к обретению истинного счастья, что такое смерть, суд и воздаяние после смерти, и наконец, что представляет собою последняя и неизреченная тайна, окружающая наше бытие, от которой мы ведем свое происхождение и к которой стремимся.

2. Уже с древности и вплоть до нынешнего времени у различных народов существует некая восприимчивость к сокровенной силе, наличествующей в ходе вещей и в событиях человеческой жизни, а иногда и признание Верховного Божества или даже Отца. Эта восприимчивость и это признание пронизывают их жизнь глубоким религиозным содержанием. Религии же, связанные с прогрессом культуры, стараются отвечать на те же вопросы понятиями более утонченными и языком более разработанным. Так, в индуизме люди исследуют божественную тайну и выражают ее в неисчерпаемо плодотворных мифах и в проницательных попытках философских размышлений. Они ищут освобождения от тревог нашего существования либо в тех или иных формах аскетической жизни, либо через углубленное созерцание, либо прибегая к Богу с любовью и упованием. Буддизм, в зависимости от его различных форм, признает коренную неудовлетворительность этого изменчивого мира и учит тому пути, на котором люди с благочестивой и уповающей душой могут либо обрести состояние совершенного освобождения, либо достичь наивысшего озарения собственными усилиями или помощью свыше. Так и другие религии, обнаруживаемые повсюду в мире, стремятся различными способами придти на помощь беспокойному человеческому сердцу, предлагая пути, то есть учения и правила жизни, а также священные обряды. Католическая Церковь не

отвергает ничего из того, что истинно и свято в этих религиях. Она с искренним уважением рассматривает тот образ действия и жизни, те предписания и учения, которые, во многом отличаясь от того, чего она придерживается и чему учит, все же нередко доносят луч Истины, просвещающей всех людей. Однако она возвещает и обязана непрестанно возвещать Христа, Который есть «путь и истина и жизнь», в Котором люди находят полноту религиозной жизни и в Котором Бог примирил Себе все.

Итак, она призывает своих детей, чтобы в беседе и сотрудничестве с последователями иных религий они, свидетельствуя о вере и христианской жизни, в то же время признавали, хранили и поддерживали обнаруживаемые у них духовные и нравственные блага, а также социально-культурные ценности.

3. Церковь с уважением относится и к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу, Живому и Сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли, говорившему к людям, определениям Которого, даже сокровенным, они всей душой стремятся подчиниться, как подчинился Богу Авраам, на которого охотно ссылается исламская вера. Хотя последователи ислама и не признают Иисуса Богом, они все же почитают Его как пророка и чтят Его девственную Матерь, Марию, а иногда даже благочестиво призывают Ее. Кроме того, они ожидают Судного дня, когда Бог воздаст всем воскресшим людям. Поэтому они ценят нравственную жизнь и высоко чтят Бога молитвой, милостыней и постом. Хотя в течение веков между христианами и мусульманами возникали немалые разногласия и вражда, Священный Собор призывает всех предать забвению прошлое и искренне стремиться ко взаимопониманию, а также совместно оберегать и поддерживать ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу.

4. Исследуя тайну Церкви, сей Священный Собор помнит об узах, духовно соединяющих народ Нового Завета с потомством Авраама. Ибо Церковь Христова признает, что начатки ее веры и избрания обнаруживаются, по спасительной тайне Божией, уже у Патриархов, Моисея и Пророков. Она исповедует, что на всех верующих во Христа, сынов Авраама по вере, распространяется призвание этого

Патриарха и что спасение Церкви таинственно предызображается исходом избранного народа из земли рабства. Поэтому Церковь не может забыть, что она приняла откровение Ветхого Завета через народ, с которым Бог по Своему неизреченному милосердию соизволил заключить древний Союз, и что она питается от корня благой оливы, к которой привиты были ветви дикой маслины, то есть языческие народы. Ибо Церковь верует, что Христос, мир наш, примирил иудеев и язычников на кресте и из обоих сотворил в Себе одно. Церковь также всегда помнит о словах Апостола Павла о сродниках его, «которым принадлежит усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти», Сын Девы Марии. Она помнит также, что в иудейском народе родились Апостолы, утверждения и столпы Церкви, как и большинство первых учеников, возвестивших миру Христово Евангелие. По свидетельству Священного Писания, Иерусалим не узнал времени посещения своего. Иудеи в большинстве своем не приняли Евангелия, а многие из них даже воспротивились его распространению. Тем не менее, согласно Апостолу, ради своих отцов иудеи доныне остаются любезными Богу, Чьи дары и призвание непреложны. Вместе с Пророками и с тем же Апостолом Церковь ожидает дня, ведомого одному лишь Богу, когда все народы единогласно призовут Господа и будут служить Ему единомысленно. В силу того, что столь велико духовное наследие, общее христианам и иудеям, Священный Собор желает беречь и поощрять взаимопонимание между ними и уважение друг к другу, достигаемое прежде всего в библейских и богословских исследованиях и в братских беседах.

Хотя иудейские власти и их приверженцы настояли на смерти Христа, однако то, что было совершено во время Его страстей, не может быть огульно вменено в вину ни всем жившим тогда иудеям, ни иудеям современным. Хотя Церковь и есть новый Народ Божий, однако иудеев не следует представлять ни отверженными Богом, ни проклятыми, утверждая, будто бы это вытекает из Священного Писания. Поэтому в преподавании катехизиса и в проповеди слова Божия всем следует стараться не учить тому, что несообразно с истиной Евангелия и с духом Христовым. Кроме того, Церковь, осуждающая всякие

гонения на кого бы то, ни было, памятуя об общем с иудеями наследии и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию, сожалеет о ненависти, о гонениях и обо всех проявлениях антисемитизма, которые, когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против иудеев. Впрочем, как Церковь всегда утверждала и утверждает, Христос по Своей безграничной любви добровольно принял страдания и смерть за грехи всех людей, чтобы все пришли ко спасению. Поэтому проповедующая Церковь должна возвещать крест Христов как знамение всеобъемлющей Божией любви и как источник всякой благодати.

7. Мы не можем призывать Бога, Отца всех людей, если отказываемся вести себя по-братски в отношении некоторых из них, сотворенных по образу Божию. Отношение человека к Богу Отцу и отношение человека к людям-братьям так тесно связаны одно с другим, что Писание говорит: «Кто не любит, тот не познал Бога». Этим подрывается основание всякой теории или практики, вводящей различия в человеческом достоинстве и в проистекающих из него правах, различия между одним человеком и другим, между одним народом и другим. Вот почему Церковь осуждает как противные духу Христову всякую дискриминацию и притеснение людей, творимые из-за их национальной принадлежности, цвета кожи, общественного положения или вероисповедания. Поэтому Священный Собор, следуя по стопам святых Апостолов Петра и Павла, горячо умоляет христиан по возможности «провождать добродетельную жизнь между язычниками» и, насколько это от них зависит, быть в мире со всеми людьми, чтобы действительно стать детьми Отца, Который на небесах...

Я, Павел, Епископ Католической Церкви

Следуют подписи Отцов

Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям «Nostra aetate» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/> (дата обращения: 25.10.2024).

Полнотекстовая версия

<http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/>

Список вопросов для самоконтроля

1. Как определяются права церкви и характер её отношений со светской властью в «Syllabus»? чем, на Ваш взгляд, это обосновано?
2. Как следует понимать идею о том, что католическая церковь имеет «власть применять силу»? В какой мере, согласно первому документу, она обладает «мирской властью»?
3. Как определяются привилегии папы, католических епископов и духовенства?
4. Охарактеризуйте позицию папства по поводу роли церкви в вопросах, связанных с образованием и заключением брака?
5. Как изменилась позиция католической церкви по поводу эксклюзивности собственного вероучения? Как решается этот вопрос в «Nostra aetate»?
6. Что можно сказать об изменении отношения к иудаизму?
7. Оцените трансформацию притязаний католической церкви на основе сравнительного анализа двух текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освоение дисциплины «Религиозный плюрализм и веротерпимость» является важной частью профессиональной подготовки магистров по направлению 46.04.01 «История» (программы магистратуры «История этнокультурных и межконфессиональных отношений»), т.к. оно подразумевает не только знакомство студентов с системой представлений о развитии идей религиозной терпимости в странах Запада с древности и до наших дней, но и способствует формированию понимания общих тенденций развития идей веротерпимости и свободы совести в контексте всеобщей истории, основных этапов утверждения религиозного плюрализма и веротерпимости; помогает осмыслить наиболее значимые философские, политические и религиозные концепции, поднимающие проблемы веротерпимости и религиозной свободы; сформировать у студентов навык экспертно-аналитической деятельности, направленной на сохранение межнационального и межрелигиозного согласия и т.д.

Хрестоматия состоит из восьми разделов, позволяющих осмыслить основные этапы формирования и утверждения идей религиозного плюрализма и веротерпимости в странах Запада.

Практические занятия по дисциплине «Религиозный плюрализм и веротерпимость» и самостоятельная работа обучающихся в совокупности с освоением лекционного материала ориентированы на формирование компетенций в соответствии с актуальными требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и учебным планом по направлению 46.04.01 «История».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Syllabus, или Перечень, заключающий в себе главнейшие заблуждения нашего времени, указанные в консисториальных аллокуциях, энцикликах и иных апостольских посланиях Святейшего Господина нашего Папы Пия IX [Электронный ресурс]. URL: <https://fsspx-fsipd.lv/ru/doctrina-ecclesiae/-de-haeresii/19-pius-ix-syllabus> (дата обращения: 25.10.2024).
2. Блаженный Августин. О граде Божием // Блаженный Августин. Творения / сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. СПб: «Алетейя»; Киев: «УЦИММ-Пресс», 1998. Т. 3: О граде Божием (Кн. 1-13). – 595 с.
3. Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям «Nostra aetate» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/-library/6/128/> (дата обращения: 25.10.2024).
4. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль. 1988. С. 91-110; 119-124; 127-128; 131-136.
5. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Марсилий Падуанский: пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г. П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко». 2014. – 656 с.
6. Николай Кузанский. О мире веры // О мире веры: Избранные произведения / пер. с латин. и примеч. В. В. Библихина. М.: «Канон+». 2006. – 207 с.
7. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты. / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
8. Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты / отв. ред., сост. Г.Г. Майоров. М.: «Наука», 1985. – 384 с.

Лисицына Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Религиозный плюрализм и веротерпимость

Хрестоматия

Подписано в печать 14.04.2025. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 9,53. Тираж 100. Заказ № 47.

Издательство Тверского государственного университета.

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.

Тел. (4822) 35-60-63.